

Тайна Фэшн Авеню
Книга 2

**СМЕРТЬ
СУЩЕР
МОДЕЛИ**

Red Adept
Select

Кристин Демайо-Райс

Автор книги «Мертвый - хит сезона»

Убийство на подиуме

Когда худая как щепка супермодель Томасина Вент умирает от отравления, ирония происходящего не ускользает от начинающего дизайнера и сыщика поневоле Лоры Карнеги. Многие предполагали, что полный отказ от еды сделал бы и без того негламурный выход модели, еще более шокирующим для поклонников моды в Нью-Йорке и имел бы катастрофические последствия для Лоры, ее сестры и их первого судьбоносного показа.

Подиум, полный подозреваемых

После участия в деле Грейси Померанц Лора нашла слишком утомительным расследование убийств. Поэтому она рассчитывает, что детектив Кангеми сможет на этот раз сам справиться с этим запутанным делом, где смерти Томасины желали многие: Боб, гуру футбола и хедж-фондов; Рольф, брат-социопат, состоящий в группировке скенхедов; Рокель Рик, модельный агент и Пенелопа Сидуиндер, модельный критик — два дракона мира моды. Тем не менее, несмотря на обширный список подозреваемых, Кангеми фокусирует внимание на ее сестре Руби. А для Лоры ее сестра и понятие «убийца» не совместимы.

Тайны Лоры Карнеги

В «Смерть супермодели» Лора Карнеги, ее сестра Руби, Джереми Сент-Джеймс Стью, а так же предатели, манипуляторы и безжалостные карьеристы вновь попадают в головокружительную карусель мира Нью-Йоркской моды.

Кристин Демайо-Райс

Смерть супермодели

Глава 1

— Почему ты сжимаешь кулаки? — спросила Руби.

Лора почти не слышала ее за скрежетавшей музыкой. Гулкие удары экспериментальных битов звучали как автомобили, раздавливаемые на утилизации металлолома. Эта ужасающая какофония сотрясала зал для модных показов на осенней нью-йоркской Неделе моды. Несмотря на сопротивление Лоры, сестра настояла, чтобы все тенденции сезона, любая и каждая, были задействованы на их первом шоу. Похоже, что грохот не беспокоил ни посетителей, ни моделей, но Лоре хотелось заткнуть уши.

— Где Томасина? — прошипела она.

Руби пожалала плечами. Она выглядела бледной и напряженной, но все равно прекрасной, с ее выющимися светлыми прядями волос, которые так удачно контрастировали с выцветшей темно-русой копной на голове Лоры. Нет, сестра не выглядела больной, даже с этим слегка обвисшими локонами. Еще бы, она возложила ответственность за последние мелочи в день шоу на Лору.

Димфна Бэстил продемонстрировала платье-рубашку «Westchester» из плотного пурпурного шерстяного крепа с развевающимся подолом, уместное как для общественного приема, так и для деловой встречи. Лора поднесла бумажный платочек к подбородку Димфны. Модель закатила глаза. Лора почувствовала себя носорогом, смотрящим на жирафа.

Димфна свернула жвачку в платок, испачкав его губной помадой, и с едва различимой улыбкой, которая была почти так же хороша, как и у любой из этих женщин. Лора вытолкнула ее под ослепительные огни подиума.

— А примешь ли ты ее за восемнадцатилетнюю? — спросила Лора, наблюдая, как задрапированная ткань обтягивает идеальный маленький зад модели.

Руби отмахнулась от предложения.

— Согласно договору с «Mermaid»...

— Что, если они врут?

— Тогда вся эта индустрия в беде.

Лора старалась не беспокоиться, но получалось плохо. Она подписала сделку с CFDA¹: никаких моделей младше восемнадцати и никаких моделей с индексом массы тела ниже семнадцати. С этим треклятым индексом она уже скользила по краю, когда на взвешивании в понедельник у Томасины он составил шестнадцать с половиной. Та сослалась на желудочный вирус. Платье, которое должно облегать, поплыло, и Лора провела полночи, переделывая его. Талия не села бы ни на ком, имеющем печень, селезенку и толстую кишку, но оно сидело на Томасине, хотя модель и походила в нем на вешалку. Лора глянула на стойку, где висело готовое платье с восемью бронзовыми пряжками на лифе и гематитовыми бусинами от талии до лодыжек. Она просмотрела остальную часть комнаты. Жирафы ругались, флиртовали, прихорашивались. У Монти сидела девушка, на которую напылялась какая-то аэрозольная эпоксидная смола. Томасины не было.

Рядом Ровена Черчилль (не родственница), готовясь к проходу по подиуму, помахала

руками и покрутила шей, как нападающий, шагающий к позиции. На ней было платье макси из того же шерстяного крепа, как у Димфны, с поясом на бедрах. Одежда будет продаваться за полторы тысячи долларов, как бы сестры Карнеги ни старались снизить цену до тысячи.

— Сколько тебе лет, Ровена? — спросила Лора, сдвинув поясную пряжку на полдюйма² влево.

— Восемнадцать.

— Ты видела Томасину?

— Нет.

Не говоря больше ни слова, Ровена рванула на подиум. Её походка и манера полностью соответствовала агрессивным огням и музыке. Лора представляла, как она пожирает аудиторию по дороге к концу помоста и выплевывает их на обратном пути. Она была суперзвезда. Еще два сезона и она станет им не по карману.

Руби подтолкнула ее локтем.

— Пенелопа здесь.

Лора просканировала зал в поисках знакомых лиц. Пьер Савьен, их агент, сидел в первом ряду, внимательно разглядывая проходящих по подиуму. Ивана Шмиллер, жена их главного инвестора, сидела рядом. Ее мужа Боба нигде не было видно. Джереми Сент-Джеймс, бывший босс Лоры, от упоминания о котором до сих пор перехватывало горло, сидел на три ряда дальше, вероятно, отказавшись от своего места в первом ряду для кого-то другого. Его руки были скрещены на груди, а карие глаза сосредоточились на одежде перед ним. Его всегда прямые плечи слегка наклонились к Пьеру, который говорил в ухо Джереми.

— Я вижу ее, — сказала Лора.

Пенелопа Сидуиндер, бывшая модель, главный рецензент для WWD³ и знаменитый реформатор всего, что касается моделей, сидела с записной книжкой на коленях, крепко сжимая тонкие нюдовые губы, остальная часть ее лица была скрыта крошечными очками без оправы. Репортер из «Post» фотографировал ее вместо модели на подиуме. А она демонстративно старалась игнорировать его. «New York Post» был намного ниже ее.

Она создала новые требования к весу и возрасту для моделей и поставила всю индустрию на колени с помощью пиар-кампании, финансируемой ее обширным сберегательным счетом и SuperPAC⁴ под названием «МААВ — модели против анорексии и булимии» после краха Хуаниты Джун во время съемок Vogue. Лора боялась, что Пенелопа, приглядываясь к возрасту Димфны и, не дай бог, к весу Томасины, не уделит достаточно внимания одежде.

На подиуме Ровена взглянула на модного критика и отвернулась, чтобы посмотреть на еще одну дико важную персону в заднем ряду.

Хизер Даль предстала перед Руби для одобрения, затушив сигарету под ареднованным Блаником.

— Как думаешь, она напишет о нас? — спросила Руби, поправив воротник Хизер, прежде чем вытолкнуть модель на подиум.

— Если она это сделает, нам не придется беспокоиться о покупке ткани. Мы будем использовать обзор в качестве залога по кредиту.

Музыка изменилась, и свет погас. Лора поправила другую жирафику и послала её вперед, но в мыслях у неё была лишь сестра, которая стояла, пошатываясь как пьяная.

— Ты снова заболела? — спросила Лора, проверяя пряжки на туфлях у девушки с фамилией, похожей на алфавитный суп.

— Нет, — ответила Руби, слегка подкашливая.

— Пожалуйста, только не блевани на одежду. Это наш единственный образец.

— Не буду, сказала Руби тоном, как будто она умрет, но не испортит куртку из итальянской телячьей кожи.

— Что ты ела сегодня утром?

— Мамлет. — В Мамлет входили: лук, картофель, яичные белки, соль, белый перец, сливки и немного муки, потому что мама не знала, как приготовить что-либо без муки.

Руби выбежала из комнаты. Она провела прошлую ночь на вечеринке, пока Лора подрубала подолы и утюжила. Налаживала связи, сказала она. Больше походило на подготовку почвы. Лора понятие не имела, с кем встречалась Руби, но она проводила за работой очень мало времени, чем несказанно бесила Лору. Руби всегда жаловалась на недостаток навыков и общую усталость, но беда была в том, что пятидесятичасовые недели не решили бы проблему. Их могли пустить на подиум, только если они работали днем и ночью. Таков был баланс между работой и жизнью, также известный как роскошная жизнь.

Лора выглянула в зал и заметила, что Джереми исчез. Через секунду в нос ударил соленый запах его кожи, и она почувствовала его за своей спиной.

— Это была последняя группа, — прошептал он. — Где «Hudson»?

Лора оглянулась. «Hudson» все еще висело на стойке во всем своем блеске.

— Ты должна лучше следить за этими девицами, — добавил он.

Она посмотрела на его небритые щеки, заглянула в кофейные глаза и поняла, что ему нелегко было прийти в Центральный парк, чтобы посмотреть ее показ. Его собственное шоу было через три дня, и Джереми несомненно работал столько же, сколько и она. Его темные волосы были взлохмачены и нуждались в стрижке, не то, чтобы они были не идеальны, но выглядели так, как обычно в дни перед шоу. Лора скучала по тем неделям из прошлых сезонов, когда они вдвоем тихо прикалывали одежду и делали лекала, пока остальная часть города спала. Она привыкла купаться в его запахе, звуке его голоса, наклоне его шеи, пока все не изменилось, и Лора потребовала от него извинений за подделку его собственных работ. Это заняло два месяца, и Джереми сделал это, неохотно заявив, что его побочный бизнес никогда не воздействовал на нее напрямую, только косвенно — потому что он использовал ее лекала, чтобы лгать людям. Затем она призналась, что Джереми воссоздает свою собственную работу, и что он платил за ее лекала зарплату, и они заключили перемирие.

Модели начали выстраиваться в очередь для финального выхода, как пассажиры автобуса. Но финала не было. Лора оглядела девочек. Они были все одинаковыми, с минимальными различиями, и ни одной «Hudson» не подходил. Любая из них могла бы влезть в это чертово платье, но Руби настояла на Томасине, ее новой долбаной лучшей подруге. Огни замерцали, и музыка изменилась.

Какая из девушек? Она бросила взгляд на Ровену, и в уме прикинула формы и размеры. Близко. Достаточно близко к четверти дюйма⁵ в бюсте и неподходящей форме бицепса от тренировки со свободными весами.

Она схватила Ровену и потащила ее к задней части очереди.

— Отправляй их! — закричала она, и Джереми погнал девушек на последнюю проходку.

Ровена, понимая, что происходит, будто прочитав мысли Лоры, сорвала с себя платье и

бросилась натягивать «Hudson», словно пытаюсь заставить его подчиниться. Восемь бронзовых застежек щелкнули на ней, когда она надела платье. Лора крепко сжала их, сплющив модель в тубик чуть шире, чем соломинка для питья.

— Твои туфли, — воскликнула Лора.

На Ровене была пара туфель на высоком каблуке, которые добавляли правильную нотку причудливости в платье из шерстяного крепа. Но к платью «Hudson» они не подходили, не подходили, не подходили! Лора пошарила рукой под стойкой в поисках гематитовых платформ, которые шли в паре к платью, но их там не было. Она взглянула на выход. Выходила последняя девушка, и Джереми оглянулся, поспешно махнув рукой.

Она посмотрела на ноги Ровены. В любом случае, у неё был сороковой, и она никогда бы не влезла бы в те платформы, даже если бы Лора нашла их.

— Снимай, — приказала дизайнер.

Ровена скинула туфли. Теперь платье стало на 7 сантиметров длиннее, и бронзовые бусины волочились по полу.

— Черт! — прошипела Лора.

— Не волнуйся, — сказала Ровена и двинулась к выходу. Она пронеслась через два ряда скользящих фигурок-палочек, как бочка, катящаяся с холма, придерживая перед платья и взмахивая тканью, чтобы она не мешала ее босым ногам, которые теперь выглядели специальной задумкой.

Определенно, этот жираф непременно станет моделью топ-класса.

Лора от восторга забыла, что дизайнеры, она и Руби, должны выходить за последней моделью. Джереми, напротив, не забыл и толкнул ее на подиум.

— Нет! — сказала она, словно от этого зависела её жизнь, потому что она внезапно поняла, что если она пойдет туда, она умрет от страха сцены.

— Я вытащу тебя туда, даже пинающуюся и кричащую.

— Руби в ванной. Сегодня она должна завершить выход.

— У Руби уже был звездный час на подиуме. — Он обнял ее за талию и вытолкнул на свет.

Он был ярким. Это она узнала еще из прогонов. Её глаза заболели от резкого яркого света. Оглянувшись, она увидела лишь голубоватый свитер Джереми. Вновь повернувшись к сцене, Лора попыталась прикрыть глаза рукой, но огни были повсюду. Она не осмелилась взглянуть на лица в первом ряду — покупатели, критики и дамы, достаточно богатые, чтобы использовать Неделю моды в качестве шоппинга. Лора поклонилась и подумала: «Понравилось ли им? Или их постигло разочарование?». Она же всего лишь маленький мышонок в этом жестоком мире моды.

В то же время она почувствовала облегчение. Шоу было сделано. Все что ей оставалось сделать, это искупаться в теплом свете рампы и убрать беспорядок. Все кончилось, и все бои, беспокойства и выспрашивания денег для каждого последнего ярда⁶ ткани были сделаны. Это был ее звездный час. Но он существовал не для того, чтобы утонуть в мимолетном восхищении, а чтобы дать маленький отдых перед надвигающимся кризисом с заказами на ткани.

Но даже этого ощущения счастья и громкой музыки не хватило, чтобы заглушить крик из задней комнаты.

Он заглушил все. Музыка продолжалась, поставленная на повтор, но шепотки и возгласы недоумения нарастали, даже когда Лора кинулась в заднюю комнату. То, что еще

четыре минуты назад было настоящим ульем активности, теперь представляло собой пустое пространство в палатке, усеянное окурками сигарет, семисотдолларовыми туфлями и деревянными вешалками по всему полу.

Руби стояла посреди всего этого, скрестив ноги, сжимая руки в кулаки, и кричала.

— Что? — рявкнула Лора, чувствуя на себе взгляд моделей, бизнесменов, и всех присутствующих.

Руби указал на заднюю часть комнаты, которая вела в туалет. Лора прошла через ряды пустых стеллажей и груды одежды, над которой она работала месяцами. Толпа последовала за ней, как крысы за Гамельнским крысоловом⁷.

Руби не присоединилась к ним: она уже видела достаточно того, что там было, и не испытывала желания видеть это снова. Хорошо. Лора убьет паука, поймает крысу или что там еще, и весь инцидент станет городской новостью. Возможно, даже затмит возраст Димфны Бэстил. Или его отсутствие.

Ванные комнаты были самыми роскошными, которые только можно было купить за деньги. Их привозили на грузовиках, привязывали к палаткам и убирали четыре раза в день, о чем Лаура знала, потому что плата была прописана в ее бухгалтерских книгах. Белые плитки и гранитные раковины были безупречно чистыми, если не считать брызг пудры и полосы фиолетовых теней для век на зеркале.

Повернув голову, она увидела, что вовсе не паук или крыса испугали Руби, а тело её новой лучшей подруги, модели с телом, способным запустить тысячу высококлассных линий.

Томасина Вэнт растянулась на полу в луже дурно пахнущей рвоты.

Глава 2

«Только не снова!», — была первая мысль, промелькнувшая в ее голове. «Пожалуйста, Боже, если ты вообще там, не снова. Ещё один труп. Ещё одна серия допросов на участке. Снова!».

Лора подняла лежавшую на полу гематитовую платформу, а затем уронила её на место. Копы захотят, чтобы все осталось на своих местах.

— Передозировка, — раздался голос за спиной. Сначала вошла Ровена, несмотря на то что на ней было платье, предназначенное как минимум для получения Оскара.

— Вышли все отсюда! — прикрикнула Лора. — Если вы не патологоанатом, выходите, выходите!

— Я в туалет! — Ровена втиснула себя и платье в кабинку рядом с Томасиной и захлопнула дверь.

Лора понятия не имела, жива Томасина или нет, и была не в состоянии это определить. Достала телефон, но поняла, что руки дрожат.

— Я не могу набрать номер, — в панике сказала она.

— Руби позвонила, — ответила Ровена.

Лора убрала свой телефон и потерла глаза. Дверь соседней кабинки открылась с громким хлопком, и оттуда держа перед собой юбки, выбралась Ровена. Она склонилась над Томасиной.

— Это плохо.

— Просто жди парамедиков, — сказала Лора. — Поверь мне, полиция не любит когда что-то трогают. Даже если просто подышишь над телом, будут утверждать, что ты испортил

картину преступления.

Ровена, как деревянная кукла, отступила назад, придерживая юбку своего платья над полом, и прислонилась к задней стене.

— Как ты думаешь, она мертва? — спросила Лора.

Ровена пожала плечами.

По-видимому, Томасина была так же популярна у других моделей, как и у Лоры.

— Когда полицейские начнут задавать вопросы, говори все как есть.

Ровена начала жевать резинку. Лора с трудом подавила в себе желание подставить ей под подбородок кулак.

— Я не буду никого обманывать. Расскажу все как было.

Все разговоры Лоры с Ровеной состояли из кратких скупых на эмоции ответов. И никаких жалоб на слишком узкие юбки. Дизайнер никогда не проводила много времени с моделями. У неё просто не хватало на это время. Руби, вот кто был основным добытчиком слухов и новостей. Руби была той, кто пригласил Томасину, даже после того, как та столкнула её с подиума. Руби не только терпела надменность Томасины, но и в какой-то мере поощряла её.

И Руби была тем, кто постучал в дверь.

— Могу ли я войти?

— Нет, — огрызнулась Ровена.

Лора почувствовала себя как в ловушке, запертая в крошечной комнате с мертвой моделью и будущей моделью топ-класса в матовом металлическом вечернем платье.

— У тебя есть показ после этого? — спросила Лора.

— Да.

— Ты когда-нибудь говоришь больше четырех слов?

Ровена клацнула зубами.

— Иногда.

Лора попыталась не смотреть слишком пристально на Томасину. Лежащие на полу ее руки и ноги были еще больше похожи на куриные лапки. Лора попыталась определить, дышит ли Томасина, наблюдая за ее грудью. Но не обнаружила никаких признаков дыхания.

— Завтра Ланкастер? — спросила Ровена.

Завтра на рассвете на крыше «Lancaster Glass building» в Чейз-Чармейн должна была состояться крупная фотосессия. Как раз до начала показов в парке в десять. Томасина костью легла, чтобы получить место на этой фотосессии Руби. У фотографий был шанс попасть на страницы «BlackBook», а у неё была модель, растянутая на полу туалета. Было нереально во время Недели моды в последний момент найти замену, которая могла бы влезть в одежду, сшитую специально для Томасины. За исключением того, что Лора застряла в ванной с той, кто может в идеале сыграть эту роль.

— Может, ты сможешь это сделать? — робко спросила Лора.

— Я устану.

— Ладно, не бери в голову.

Они снова замолчали. Ровена уставилась в зеркало, а Лора смотрела в пространство перед собой, прокручивая в голове каждую способную заменить Томасину модель, какую знала и не знала. Руби могла бы это сделать. Она была, безусловно, великолепна, и лишь на три дюйма ниже Томасины, но Лора не хотела, чтобы ее сестра снова ударилась в модельный бизнес. У нее не хватит характера.

Ровена снова заговорила.

— Если я сегодня вечером пропущу вечеринку, думаю, я смогу это сделать.

— Ты уверена?

Ровена пожалала плечами, глядя на Лору тяжелым карим взглядом, словно хотела сжать восемь часов сна в три, потому что она была сильной и мечтала о слишком многом.

— Начало в шесть тридцать, — сказала Лора, — а если Томасина сделает это, ты не будешь расстраиваться.

— Хорошо.

Их разговор прервали гулкой удар открывающейся двери, после которого в ванную стройным рядом вошли компетентные люди.

— Карнеги, — поприветствовал детектив Кангеми, — не трудно догадаться.

Парамедики склонились над Томасиной. Из их реакции Лора предположила, что у женщины все еще был шанс на жизнь, когда они принялись давить ей на грудную клетку.

Кангеми осторожно вывел Ровену и Лору из комнаты.

— О чем ты думала? — спросил детектив, когда Лора описала, что произошло, и как она испортила место преступления. — Из всех этих людей ты лучше всех знаешь, что так делать нельзя.

До этого он отвел всех, кто видел тело Вэнт в угол комнаты и отделил вход в уборную стеллажом и двумя раскладными стульями, поэтому их не было видно, но от звуков они защищали плохо, поэтому они говорили тихо. Кабинка была закрыта для присутствующих, кроме полицейских.

— Это были арендованные туфли, и я просто думала, что должна вернуть их, или мне придется за них платить.

— Вы не покупаете себе обувь?

Она закатила глаза.

— Мы берем их в аренду. Они похожи на те, что стоит восемьсот долларов.

— Я думал, что теперь ты большой, успешный дизайнер.

— Я даже не знаю, как я буду платить за аренду в следующем месяце.

— Ты касалась еще чего-нибудь?

— Не думаю.

— Как твои дела?

Лора вздохнула. Последний раз она видела его через неделю, после того как Андре, зам директора по продажам, убил своего финансового гаранта Грейси Померанц, узнавшей о подделках одежды⁸. Они тогда встретились, чтобы прояснить ряд деталей этого дела. Кангеми взял с неё тогда обещание, что она никогда больше не будет бегать по всему городу за убийцами. Он раскрыл дело, а ей едва удалось избежать смерти.

— За последние шесть месяцев или с тех пор, как Томасина упала замертво в роскошном туалете?

— Мы не знаем еще, мертва ли она, — отметил он.

— Ты просто жуткий зануда, — раздраженно бросила ему Лора.

— Думаю, в последний раз, когда я видел Томасину Вэнт, она таранила своим локтем ребро твоей сестры на подиум. А теперь она — модель на твоём показе?

Такой простой вопрос, но чреватый побочными значениями. «Как так случилось, что её убили на вашем шоу? Вы были злы на неё? Расскажите мне хорошую историю, потому что я ищу дырки в ней».

— Руби не любит конфликты. Поэтому, когда Томасина спустилась с подиума и заплакала, а затем извинилась, да так, что попала в три журнала и на разворот «Women's Wear». И Руби наконец-то подняла трубку на её звонок. С того момента они стали лучшими подругами, как... — Лора подняла руку и скрестила указательный и средний пальцы. — А потом она начала появляться в офисе поздно вечером, чтобы забрать Руби, и, ходила с ней по магазинам. Она стала похожа на мужа моей сестры или что-то около того.

— А как ты к ней относишься? — спросил детектив.

— В общем, я не верю людям, которые честно не зарабатывали. Но Руби любит ее, поэтому она немного подросла в моих глазах. И она профессионал, даже когда она ведет себя как последняя сука. И она знает, как представлять одежду. Многие из этих девушек ведут себя так, будто мы заставляем их это делать. С ней такого никогда не происходило.

Кангеми сделал пометку. Она наклонилась вперед, чтобы посмотреть, что он пишет. Он не закрыл записную книжку, но внимательно посмотрел на нее. Должно быть понимал, что прочитать она ничего не сможет. Все слова были либо в сокращении, либо у него был нечитаемый подчерк.

— Как дела с тем блондинчиком? — спросил он. — Разрешил взять ему интервью. Не понравилось.

Стью в красках расписал жителям Нью-Йорка правду об убийстве Грейси Померанц, и, к его удивлению, ему предложили должность репортера. Он был просто на седьмом небе от счастья, что у него теперь будет рабочее место, а тот факт, что за статьи он будут получать деньги, вообще было пределом мечтаний. Затем начались интервью. Каждый разговор с ним стал похож на допрос. Каждый вопрос таил скрытый смысл. Он был гораздо веселее, когда он был просто курьером на байке.

— Все в порядке, — сказала она. Ему не должно быть никакого дела до Стью.

— А в компании как дела?

Его голос казался теплым и искренне заинтересованным, а Лоре так нужна был друг, чтобы выговориться после шоу, стресса от подготовки к нему, происшествия с Томасиной.

— Мы получили поддержку нашего спонсора, Пьера Севьена, и все шло хорошо, но этого хватило только до сегодняшнего шоу. После него предполагалось, что мы найдем еще финансовую поддержку. Я не знаю где, да и Пьер не сказал бы. Но если мы получим благоприятные отзывы от крупного журнала или знаменитости, то есть, когда они оденут наши вещи на мероприятие и упомянут в интервью об этом, мы получим определенную сумму за наш товар. Кроме того, даже если мы получим хорошие отзывы и соответственные финансовые вливания, этих денег, может не хватить на ткани и сопутствующие растраты, потому что ткань невероятно дорогая. И тут мы будем вынуждены вернуться к первоначальному инвестору, Бобу Шмиллеру, чья жена — Ивана Шмиллер, которая, по словам Руби, хочет сделать линию больше своей, чем нашей.

— Ивана Шмиллер, дизайнер интерьера?

— Декоратор. Она декоратор. И да. Если тебе нравится принты в виде рвоты животных на бархате с позолотой, то она является декоратором интерьера. Ты представляешь, что она сделает с моей линией? Мы построены на простоте и качестве, а она рассказывает о застежке-молнии из горного хрусталя. Итак, и вот мы здесь, как и Пенелопа Сидуиндер, самый важный рецензент на Земле, сидит в первом ряду, глядя на кучу моделей малолеток, не самых топовых. Отлично, правда? Пожалуйста, убейте меня.

Кангеми ухмыльнулся.

— Сколько часов в неделю ты здесь проводишь?

— Тот же самый вопрос ты задал мне, когда встретились впервые.

— Ты выглядишь еще более уставшей.

— Это стоит того. Моя собственная линия этого стоит. — Она, была полна решимости, поверить в это, хотя ее проблемы с этой фразы только начинались. И это была не только ее линия, но и Руби. Даже если она и проводила за пошивом меньшее количество часов, Лора должна была признать, что сестра не бездельничает. Время, проведенное в клубах и на благотворительных вечерах, может и выглядело как дыра в бюджете, но всеобщее добродушное расположение и положительные полу-рекламные слухи заработали на две трети раздевалки и небольшую скидку с модельным агентством «Mermaid».

— Можешь мне кое-что объяснить? — Он наклонился вперед. — Для чего эти шоу? Этот материал, все выглядит по-летнему, а сейчас самый холодный месяц в году. Кто будет это покупать?

— Ну, если вы хотите иметь хоть что-то в магазине к марту, то получить его вы должны в середине февраля. А чтобы товар оказался там, в середине февраля, нужен месяц на упаковку и доставку. Поэтому массовое производство должно быть начато в начале декабря, а до этого... — Лора сделала паузу, считая месяца на пальцах — ... заказать ткань где-то в октябре, потому что её еще нужно будет раскрутить, окрасить и развесить. И... на чем мы остановились?

— Вторая неделя сентября.

— Правильно. Так вот, на показах магазины выбирают, что будут покупать. Мы, дизайнеры, делаем модели в единственном экземпляре и выставляем его на шоу, а затем покупатели приходят в выставочный зал, смотрят на него и обсуждают количество и цены. Затем мы отправляем материал в магазины и делаем все то, что я вам перечислила.

— Похоже, отличный способ сойти с ума.

— Уверена, твоя работа проще. — Как обычно, их разговор перерастал в игру, в которой она вроде все ему рассказала, а он так ничего не понял. — А как твои дела?

Он приподнял штанину, чтобы показать ей свои носки. Резинка была плотно прижата к голени. В их последнюю встречу его носки постоянно скатывались к верху туфель.

— Твоя девушка перестала их скручивать, я вижу, — сказала Лора.

— Она просто перестала стирать.

— Ах, извините. Разве это не входит в план работы с грязными носками?

— Она говорит, что если я звоню в ей в два часа ночи, то с проблемой грязных носок я могу справиться сам.

— Я хочу спросить вас о кое-чем другом, но, правда, это личное.

Кангеми усмехнулся.

— А это уже интересно.

— У тебя есть имя?

Кангеми только собрался отвечать, но в этот момент стойка, разграничивающая комнату, отлетела в сторону. Рокель Рик, женщина в безупречном итальянском черном платье и черных высоких шпильках, оттолкнула эту несчастную стойку со своей дороги. Владелица «Mermaid Modeling», сделала агрессию своим брендом, и он разлетелся как горячие пирожки. Один её взгляд пригвоздил Лору к полу.

— С Томасиной что-то случилось, — безапелляционно заявила Рокель.

«Эта женщина даже вопросы задает утвердительным тоном», — подумала Лора.

Но детектив, как, ни странно, нисколько не испугался.

— А вы кто? — спросил он.

— Все эти модели — мои. Я отвечаю за них. Итак... — Она позволила фразе повиснуть в воздухе в ожидание незамедлительного продолжения.

— Итак??? — Кангеми откровенно издевался, заставляя Рокель еще больше закипать.

— Поэтому, если кто-то повредит мои активы, он навредит мне и моим интересам. Мне нужно знать, кто это. У меня есть юристы! — Она повернулась к Лоре. — Что здесь происходит? О чем болтают девушки?

— Что ты имеешь, в виду под словом болтают?

Рокель открыла зеленый футляр, достала из него кусочек микрофибры с вышитым «X» на углу и вытерла им очки.

— Вы следили, чтобы они не принимали наркотики или спиртное или нет.

— Я им не няня, — отрезала Лора.

Улаживание проблем было еще одной отличительной чертой Рокель. Когда Томасина сбила Руби в пятницу, Рокель был именно той, кто добыл извинения на развороте в WWD к вторнику и интервью на шоу «Today». Она также договорилась с немецкой наследницей и дизайнером из «Адской кухни», чтобы встретиться в «Гротте», где Руби и Томасину можно было сфотографировать, не оставляя публике шанса для слухов и домыслов.

Кангеми встал между женщинами, и указал на место Лоры.

— Почему бы вам не присесть?

— Мне не нужно сидеть, — отрезала Рокель. — Я решаю проблемы всю мою жизнь. У меня контакты её семьи. Сообщите мне, что случилось и я свяжусь с ними.

— У нее нет никакой семьи, — съехидничала Лора, и ее сразу же прожег, будто лазером взгляд Рокель.

— Я рада, что ты так хорошо ее знаешь, — сказала Рокель, прежде чем вернуться в Кангеми. — Итак.

— Так. Я просто детектив. Возможно, вы захотите поговорить с нашим отделом по связям с общественностью.

— О, это слишком. — Она развернулась на каблуках и сделала два шага к выходу.

Канингеми, не очень нравилось, когда его в чем-то превосходят, окликнул её.

— Простите, мэм?

Рокель повернулась.

— Почему бы вам не присесть, чтобы я мог задать несколько вопросов.

Таким образом, Лора стала свободна.

Каждый сезон сентябрь выглядел унылым месяцем. Скучные бризы, которые были слишком мягкими, чтобы назвать их ветрами, скользили по кронам деревьев, сметая листья на тротуары или поднимая их ввысь, как души, уносимые небесами.

Эта мысль снова привела Лору к Томасине, к огромной неприятности в конце показов. И что это было? Убийство Грейси Померанц не повредило Джереми. В конечном итоге он реабилитировался. Возможно, случай с Томасиной тоже может принести что-то положительное. Это заставит имя бренда мелькать перед глазами публики какое-то время. А когда она поправится, её имя снова окажется на высоте. И кто лучше всех умеет перевести все кошмарное, что с ним случается в плюс как не ужасная богатенькая модель Томасина Вэнт?

К тому времени, когда Лора добралась до 38-й улицы, она убедила себя, что этот

инцидент был невероятной удачей. Шоу было сделано. Одежда выглядела хорошо. Все вели себя прекрасно, и комната была заполнена на три четверти. Неплохо для одного из худших показов недели на самом маленьком подиуме. Это было также неплохо для двух новичков, которые слишком быстро потратили свои деньги, чтобы даже понять, на что именно они потратились. Все, что им нужно было сделать — это начать продавать одежду покупателям, и они этого добились.

Отношения с Джереми складывались просто прекрасно для того, чтобы быть правдой, и Лора проводила ночи, глядя в потолок, и задавалась вопросом: «Почему?». Когда раскромсанные столы и шкафы для хранения перестали помещаться в её доме в Бэй-Ридже, он предложил им свой закрытый цех по производству подделок в фабрике на 40-й вместе со всей техникой. Когда им было нужно пространство в салоне, они начали искать агента по продажам, чтобы снять площадь. Но Джереми отмахнулся от этой идеи и дал им уголок в своем собственном выставочном зале, построив вход, чтобы не было путаницы с покупателями.

Но все это создавало большую путаницу для Лоры. Когда она узнала, что он подделывал свою собственную линию и использовал ее лекала для этого, в ней что-то надломилось. Джереми словно это почувствовал, он постоянно предлагал ей свою дружбу. Когда Лоре было что-то нужно, и кто-то в их отрасли слышал об этом, он сейчас же узнавал об этом и звонил, давая точное решение. Сначала она не хотела иметь с ним ничего общего или чем-то, что он мог предложить, но Руби не была той, кто отверг бы самый простой путь между тем, где она была и где она хотела быть. Таким образом, у них был в аренде заводский этаж 1970-х годов, крошечное, но достаточное пространство для демонстраций в потрясающем месте, и у них был гениальный продюсер Йони, последний подарок, который она приняла от Джереми. Вот и все. В самом деле?!

Когда убийца Грейси был уволен, и у Джереми больше не было проблем с распределением влияния в фирме, он стал делать все что его душе угодно. Без Грейси, старавшейся удержать Джереми подле себя. Она не позволяла ему начать массовое производство его коллекций, после ее смерти он начал перенаправлять свой бренд в более массовое производство, в связке с зарубежными предприятиями и пакетными предложениями от фабрик. Неудовлетворенный спрос на его одежду, и гламурное убийство, привлекающее к нему внимание, тоже не повредили делу. Джереми тщательно контролировал стремительный рост компании, искусственно замедляя его. Из-за чего и пропустил зимний сезон, потратив его на бумажную волокиту.

Его показ Весна-Лето в пятницу было самым ожидаемым, и возможно, самым большим и впервые за четыре года проходил во второй половине дня. Он уступил прайм тайм Барри Тилдену, пародии на моду, как он любил выражаться, пожимая плечами. Впереди его ждал большой куш.

Слишком большой, и она была рядом. И ей нужны были деньги, поэтому, сама того не ожидая, Лора обнаружила, что делает для него лекала, чтобы расплачиваться с рентой. Ее цена была неприлично высокой, и он без жалоб заплатил. Из-за этого обижаться на него стало еще труднее.

Работа на него и подготовка к ее собственному шоу были для неё мукой, но все, что ей нужно было сделать, это продержаться до тех пор, пока не будет разработан следующий сезон. Две восьмичасовые недели теперь казались ей отдыхом на пляже.

В задумчивости Лора перешла 49-ю, когда почувствовала, как вся тяжесть этого мира

сваливается с её плеч, а потом что-то придавило ей ногу, заставив толпу мурашек бегать по ушибленной конечности. Краем глаза она заметила что-то большое и темное сбоку от себя. Курьер на велосипеде вывернул переднее колесо, чуть не столкнувшись с ней и наскоро извинившись перед девушкой, умчался прочь.

— Ну, и иди к черту! — закричала Лора ему вслед.

Мечтания прервались. Курьер напомнил ей о Стью, который напомнил ей, что её жизнь превратилась в череду упущенных возможностей к двадцати пяти годам. Она думала о нем почти постоянно, а когда не думала, то работала, что было почти всегда.

Это была проблема.

Выйдя из метро, она поняла, что ее звук на телефоне выключен. У нее было восемь сообщений: пять от Корки, их продавца, двое от Руби и одно от Йони, которая отправилась в неотложный медицинский отпуск, когда ее тайная беременность пошла плохо, и ее перевели на постельный режим.

Лора решила позвонить Йони, пока шла.

— Ты звонила?

— Мне нужны мои прогнозы.

— Йони, не нуди. Ты получишь их после покупки.

— Позвольте мне кое-что прояснить, девочка. — Её голос звучал резко, это означало, что она искренне заботится, но иногда нравоучения навевали тоску. Лора смирилась с таким отношением. Хотя бы потому, что почасовая ставка Йони была лучшей из всех предложенных. — Ты говоришь так, как будто раньше никогда не видела календарь. Шерстяной креп, на которой ты настаивала для линии «Upstate» должен быть спряден в Китае, оправлен на ткацкую фабрику в Италию и окрашен в Северной Каролине. Ты, конечно, все это и сама можешь сделать, но это займет месяцы, особенно если мы не поторопимся. Если мы не закажем полотно раньше, ткацкие станки не будут запускать ради одной твоей ткани. Это означает, что даже если мы закажем сто или сто тысяч ярдов, станки будут заняты другими клиентами, и они не смогут переоборудовать их. Поэтому мне нужно зарезервировать время в трех разных местах. А для этого мне важно знать, будем мы заказывать тысячу ярдов и работу на неделю или сто на один день. Понимаешь?

— Как мы можем заказать ткань, если покупатели еще не сформировали заказ на покупку на следующий месяц?

— Прогнозы, Лора. Проснись. Мне нужны прогнозы к пятнице. И, кстати, китайцы не будут прясть менее пятисот ярдов, или возьмут еще дополнительно двадцать процентов. Все! Больше я не хочу разговаривать на эту тему! — Йони повесила трубку.

Лора мысленно поставила галочку «никогда не беременеть», но потом вспомнила, что Йони всегда была такой.

Она начала слушать первые сообщения Корки, а затем остановилась. Лора не хотела нанимать менеджера по продажам, поскольку Андре, глава отдела продаж Джереми, изготавливал подделки и был убийцей, и даже без этого он был настоящим мудаком даже в самый хороший день. И Корки не мог быть другим. Она и Руби знали его со времен Парсонса, где он учился на мерчандайзинге, и, как известно, развлекал студенческую толпу у «Валерии» рассказами о его кошке. Руби поддерживала с ним контакт и вытащила его из глубокой финансовой ямы, в которую он угодил после последнего кризиса, поэтому он согласился на не самую престижную работу в «Портняжном Сэндвиче». Несмотря на то, что у них смехотворно маленький демонстрационный зал и персонал, который мог поместиться

вокруг обеденного стола, Корки появлялся каждый день на работе с видом, как будто он был главой продаж в «Donna Karan».

Лора вошла в крошечный задний коридор, который вел в их демонстрационный зал, и увидела Корки, прислонившегося к узкому минималистичному столу, на котором стояли цветы и конфеты. И ароматическая свеча, как напоминание о богемной жизни.

Глядя на Корки, Лора непроизвольно вспомнила об Андре — после показов Андре, хотя и неохотно, просто выкидывал в мусор пустые коробки из-под пончиков и сумки-переноски из Старбакса, а Корки оставил все как есть.

Он разговаривал с кем-то по телефону, в этом в принципе и состояла его работа. Но разговаривал так громко, что было слышно даже в начале коридора.

— О, милая, он был просто огонь. Тот парень. Полностью неприступный.

Она знала, что он говорит о Джереми. Корки не скрывал своей страсти. Она могла понять его симпатии, но такое неприкрытое обожание. Когда Корки замолкал, были слышны щелкающие удары о воздух, как будто кто-то обмахивался веером. Лора и Руби могли позволить себе делать только по одному образцу модели, поэтому одежда, которую модели одевали на показ, на которую наступали, растягивали, также была их демонстрационными образцами, и когда она вошла в салон, Корки размахивал куском шерстяным креп, который и довёл Йони до сердечного приступа.

Остальная часть комнаты, которая была не больше, чем однокомнатная квартира в Манхэттене, была оборудована большим столиком посередине, сеткой из проволоки, на которую вешалась одежда на одной стене, и шкафом у стены напротив. Две другие стенки были построены настолько быстро, что они боялись на них что-либо вешать, — вдруг стены упадут в выставочный зал Сент-Джеймса. Корки повесил готовые образцы на сетку. Все выглядело не так. Он выбрал большую рубашку с драпировкой и скомбинировал её с широкими гофрированными штанами. Красный соединил с красным. Умопомрачительная безвкусица. И взял аксессуары с шоу и включил их в свою презентацию, обещавшую гораздо больше, чем могли себе позволить сестры «Портняжного сэндвича».

Корки заметил Лору и прижал свои руки к щекам девушки.

— Боже, ты как печка. — А затем в телефон. — Увидимся позже, дорогая. Сообщите мне, что ты будешь на обед. — Он повесил трубку и повернулся к Лоре. — «Barneys Co» придут сюда через пятнадцать минут. И я клянусь, если я положу кусочек сырой курицы на стол, она будет приготовлена к их приходу. Он снял свою вельветовую куртку и повесил ее на стул, взмахнув руками. — Как себя чувствует немецкая сука?

— Думаю, у неё передозировка. — Лора поменяла красную куртку на коричневую, а красную кожаную куртку положила на свое место.

Корки фыркнул. Он повесил платье «Westchester» с черной перелиной в виде плавника.

— Она не употребляла, когда работала. Я видел, как она вышла из кабины туалета перед шоу. Она шла прямо в семисантиметровых каблуках.

— Может её слишком сильно рвало, и тело решило, что достаточно.

Корки пожал плечами.

— Где Руби? — Руби и он вновь стали лучшими друзьями, как это было в колледже.

— Она приедет, когда закончит.

— Она в порядке? Сегодня утром она казалась больной. Она беременна?

— Она не беременна.

— Может, стоит отменить наши встречи?

Сперва Лора подумала, что Корки вновь захотелось посплетничать, но на самом деле ему было важно присутствие Руби именно на деловой встрече. Она умела очаровывать покупателей. Руби могла сказать такие слова, как «сказочный» и «великолепный», и «О, это слишком мило!» без иронии, в то время как Лора все время сочилась тошнотворным ехидством и самокритикой.

— Ей просто нужно закончить с полицейскими.

Позади девушки раздался противный вопль. Это было похоже на визг, или писк, или звук сломанной автомобильной сигнализации. И это был звук Дебби Хейворт.

— Лора Карнеги! Я не могу в это поверить!

Лора улыбнулась и с трудом сглотнула. Дебби училась в Парсонсе с ней и Руби, и, конечно же, Руби увела у Дебби парня.

— Я знал, что вы, ребята, сделаете это! — за Дебби следовали две девушки с прекрасными волосами и большими черными маслянистыми глазами и блокнотами на спиралях. В комнате внезапно на тысячу градусов жарче. Дебби поцеловала Корки. — О, Боже мой, и ты тоже здесь! Как в старые времена.

— Ты отлично выглядишь. — Лора почувствовала, что все радужные мечты летят к чертям. — Ты здесь, от «Barneys», наверное?

— Представляю корпорацию. Я делаю любого молодого дизайнера продаваемым, и я так счастлива, что могу поддержать тебя и Руби. Это моя мечта помочь людям, с которыми я училась, тем, кто мне нравился. Но расскажите, откуда вы взяли такое название? Я имею в виду, что обычно названия появляются из словарей. — Она скользнула в кресло, и помощники последовали её примеру, открыв свои блокноты, как студенты-юристы, в первый день занятий.

— Мой друг придумал «Портняжные». Мы решили, что соединим его с «сэндвичем». Звучит и изыскано, и непритязательно.

— Да. — Дебби посмотрела на девочку с блокнотом слева и сморщила нос. — Это так узнаваемо. Ты так не думаешь, Тэмми?

— В смысле? — спросила девушка — блокнот слева.

Лора улыбнулась.

— Ну, я думаю, вы пришли посмотреть на коллекцию?

Корки планировал продать партию, затем мерчандайзинг, и на закуску сплетни с шоу. Однажды он сделал презентацию для Лоры и так заинтересовал её рассказом о тканях и как их сочетать, что она забыла, что здесь она дизайнер, а не он. Он был хорош, но только с покупателями, который хотели слушать его рассказы.

— Боже мой, что случилось в конце шоу? — проскрипела Дебби.

Лора и Корки взглянули друг на друга. Они не придумали, что отвечать. Идиоты. Солгать они не могли; какова бы ни была истина, завтра все всплывет в утренних газетах. И тему сменить уже не могли. Все уже было шито белыми нитками. Свести рассказ о последнем вечернем событии к минимуму деталей тоже не могли, потому что нагнали драматизма.

Лора понятия не имела, что собирался делать её агент по продажам, но она решила, что лучше всего самой руководить этим процессом.

— Томасина Вэнт растянулась на полу в ванной.

— Ой, мой Бог. Передозировка?

— Здесь так жарко, — сказал Корки. — Уже запарился. — Он оттянул ворот рубашки.

— Мы не знаем, что случилось, — сказала Лора. Это была правда, и Лора надеялась, что она подтвердится. — Хуже всего было торчать в ванной с Ровеной, односложной девчонкой.

Корки положил платье «Westchester» на стол.

— Попробуй на ощупь.

Дебби потрогала платье, проверив швы и отделку.

— Где Руби?

Когда Лора увидела Дебби, она несказанно обрадовалась, что Руби вышла из офиса. Шесть лет назад, во время финального дефиле на выпускном экзамене, Дебби совершила роковую ошибку. Она оставила своего бойфренда наедине с Руби на нескольких минут.

История была, конечно, не более запутанной, но ненамного сложнее нынешней ситуации. Выпускным экзаменом в Парсоне был показ на подиуме, который, как они ожидали, будет готовиться в течение всего года. У каждого из них был куратор или фирма, возглавляемая крупным дизайнером, плюс некоторые преподаватели и работники факультета. У Руби был Марк Джейкобс, а у Лоры был Барри Тилден. Оказалось, что педагогический комитет изменил учебный план, чтобы на подиум мог выставиться каждый студент. А их наставники сообщили все, как всегда, в последнюю минуту. Таким образом, в их группе из тридцати человек в ночь перед показом никто не спал. Пожалуй, кроме Руби. Кроились наряды, пришивались пуговицы и молнии. Большинство из них научились в школе красиво рисовать, а вот шили как мясники на скотобойне. Но в четвертый год от них потребовали, чтобы они прострочили каждый шов лично, и если швейная машина оставила зацепки на вашей атласной тафте, то, лучше было бы выяснить, как это исправить, потому что судьи не просто смотрели на модели, демонстрирующие одежду, но и проверяли красоту стежков.

Лора подошла к четвертому году с облегчением, потому что рисовала она как обезьяна, но неплохо управлялась с ножницами и швейной машинкой. К тому времени, она уже работала на временной должности у Джереми почти год и просто источала эндорфины на радиус десяти метров. В тот год она чувствовала себя звездой, и ей просто не хватало времени, чтобы смотреть на мальчиков, или ходить по клубам, или начать пить, как все. Если бы у нее было время на это, она, возможно, смогла бы предотвратить то, что случилось с парнем Дебби, Дарреном.

Стратегия Руби, чистого гения, заключалась в том, чтобы полностью не сшивать вещи и сделать шаблоны. Во-первых, она представляла обычную одежду для своей последней коллекции, включающую куртки и брюк, нарисована она была, как если бы она рисовала для художественной галереи. Лора задавалась вопросом, каким образом ее сестра собирается сделать коллекцию, и собиралась сказать Руби, что она сильно ошибается, если ждет, что ее сестра в последнюю минуту вскочит в последнюю минуту и спасет ее. Лора делала так все время их обучения, да так, что никто не подозревал, что Руби никогда не прикасалась к иголке с ниткой.

Но эта коллекция была уловкой. В последний день перед финалом Руби объявила, что ненавидит её, и представила серию свитеров с длинными рукавами и леггинсами, которые шестилетний ребенок мог сшить по выкройке Баттеррика⁹. У нее была интересная пряжа, которая давала ощущение полета моделям, поэтому вся коллекция была единогласно одобрена комитетом как гениальное дизайнерское решение.

Только Лора выдохнула от того, что ей не придется переработать и свой проект, и сестры, как выяснилось слабое место гениального плана Руби. Последние тридцать лет

большинство свитеров шилось в Китае и Италии, поэтому комитет просто не знал о правилах их кроя, и чтобы не показывать свою некомпетентность, они закрыли глаза на все огрехи Руби. Но экзаменационная комиссия, которая за неделю просматривала коллекции, оказалась более опытной и на эти ошибки указала, заставив все переделывать. Итак, Руби арендовала машинку и поставила её в середине своей комнаты, не забыв притащить туда Лору.

Таким образом Руби успела раньше всех, и сидела в конференц-центре Джейкоба Джавитса в ночь перед шоу, а все остальные были в задней комнате, дошивали карманы и пуговицы. Ее свитера были аккуратно сложены в мешки и подготовлены к отъезду, и у неё было время выйти на улицу, чтобы покурить. И кого она там встретила? Невысокого утонченного парня Даррена, полностью раздраженного тем, что его девушка, тратит по шестнадцать часов в день, сторбившись на швейной машине.

Свитера стали хитом. Платья-оригами Лоры были нелепы, и одна модель разворачивалась неправильно во время прохода, открывая публике необработанный подол. Никто не помнил, что было в коллекции Дебби, но все запомнили сцену, последовавшую за ней. Ее бойфренд сделал этот показ. Вся его белая футболка была в следах помады, тон которой подозрительно соответствовал тону помады Руби. Что и не спасло его от пьяного, грандиозного безумия в клубе «Виннебаго», с обещаниями смерти и кары господней в каком-то неопределенном моменте в будущем.

После окончания Дебби работала помощником дизайнера в «Express» в течение пятнадцати минут, прежде чем ее отправили в Коламбус, штат Огайо, чтобы она присоединиться к команде мерчендайзинга, а затем все потеряли ее, что было для Руби большой ошибкой. Лора за километр видела, что Дебби Хейворт хочет мести, и чем скорее она ее получит, тем лучше для всех.

— Она убирается, — ответила Лора. — В трейлере остались кое-какие вещи.

Дебби улыбнулась, обнажив зубы и сморщив нос.

Лоре казалось, что они переливают из пустого в порожнее.

— Все будет сделано в Нью-Йорке. У нас одни из лучших швей в городе. И мы указываем это на теге. Думаю, это привлечет клиента.

— Ты делала этот образец? — спросила Дебби.

— Да, это мое.

— Вот почему он выглядит идеально. Это хорошо, потому что он пойдет в розничную продажу...и что там? — Она впилась взглядом в левую девушку с блокнотом, перед которой была открыт буклет «Портняжного сэндвича».

Помощница, стоящая справа пощелкала калькулятором.

— Тысяча двести семьдесят.

— Сделал ли Руби какой-нибудь образец?

— Нет, — сказала Лора, открыв самую нежелательную подробность.

Дебби наклонилась вперед, словно хотела рассказать секрет.

— Помню ее на третьем году, на «Пошиве одежды».

— Класс миссис Даннегана. Она была суровой.

— Не для тебя, но для всех нас. И Руби...

— Общее столкновение личности. У меня было то же самое с Эберто Саффиной.

Корки прочистил горло.

— Давайте не будем сороками, дамы. Вы видели этот кожаный бомбер? Вы должны его

потрогать. Меховой воротник искусственный, но вы это даже не заметете.

Дебби проигнорировала его.

— Помнишь, как она заставила Руби носить свои штаны при всей группе? А она не могла даже пять минут в них сидеть, потому что промежность была зашита ужасно? И она сказала, в конце...

Лора вмешалась в разговор и конец фразы они сказали вместе:

— Тебе не нужны штаны, когда ты хочешь хорошо провести субботний вечер!

Они обе засмеялись. Помощницы усмехнулись настолько, насколько это было необходимо, и даже Корки выдавил подобие улыбки, когда Лора поймала его. Он пристально смотрел и постукивал по часам. Обычно, этот жест означает, что кто-то опаздывает, но для Лоры это было условным сигналом, что нужно переходить к другим вещам. Прием обмена новостями и сплетнями в выставочных залах был обычным делом. Он позволял сделать это место значимым и популярным. Но их пространство было настолько маленьким, что если бы пришла Руби, еще один человек, то подчеркнулась бы бедность бренда.

Дебби, однако, казалось, не в настроении спешить.

— Хотя признаю, ее пошив на экзаменационном показе был неплох, — сказала она, приподняв бровь и печально усмехнувшись. — Жакет? Я понятия не имела, что она сможет его сшить.

Лора прекрасно понимала, что её загоняют в ловушку, и хуже всего, что в ловушку, которая выставляет Руби в неприятном свете. Если бы она солгала, эта женщина, прекрасно знающая их прошлое, непременно бы уличила её в этом. А если бы Лора сказала правду, используя неверный тон, то она бы просто бросила Руби под поезд и полностью разрушила репутацию сестры. Она была не мастак врать.

— Я признаю, рукава вставила я, — сказала Лора.

Дебби поджала губы. Её глаза превратились в щелки.

— Послушай, кто я, по-твоему? — спросила Лора. — Бессердечная стерва? Ты знаешь, как она работает. Я имею в виду, она каким-то образом сделала двухсантиметровую складку на подоле. Два сантиметра! Большинство людей забывают пришить его, но не Руби! Руби мыслит глубже. Она помнила, что ошиблась, и сказала, что это дизайнерская деталь. И при таком расклад вещь может быть продана.

Дебби хлопнула рукой по столу, не в силах сдержаться от того, чтобы показать, как её все это веселит. Но Лора говорила все не забавы ради, а для того, чтобы показать, насколько её сестра умна и сообразительна.

Лора продолжила, с еще большей серьезностью, надеясь стереть ухмылку с лица бывшей одноклассницы.

— Seriously, это не делает её душой или гением. Просто прими это. Это была просто складка. Как я могла привести её на просмотр к Марку Джейкобсу, рассказывая, что она добавила двухсантиметровую складку к нижней части подкладки в качестве детали дизайна? Ты бы сделал то же самое.

— О, милая. Все знали, что это сделала ты. И не только втачаные рукава и подкладку, ок? В том числе и Марк. Доверься мне.

Лоре пришлось остановиться, прежде чем она бы проболталась Дебби о том, что на самом деле произошло. Она забрала у Руби куртку и переделала её с нуля, вернув через два часа. Пусть она потеряла баллы в тот день, зато не просыпалась ночью от сестринских слез.

— Давайте поговорим о линии. Покажи им бомбер из кожи, Корки. Ты здесь не для того, чтобы комнату украшать.

— Дай я посмотрю, — сказала Дебби, потянув за рукав. — Этот мех великолепен. Я не могу поверить, что это подделка. Вы знаете, мы больше не можем продавать настоящий мех. — Она повернулась к Лоре. — Вам нужен стенд для образцов вроде «премиального искусственного меха», или никто не поверит вам. Мне это нравится. Давайте этот. Джесс, зафиксируй.

Помощница что-то яростно записала в блокнот. По мнению Лоры, все шло хорошо. Просто прекрасно. Пока ее телефон не зазвенел.

Смс от Руби: «Они привезли меня в участок. Приезжай за мной!»

Лора наклонила свой экран, так что никто не мог его увидеть, но когда она подняла глаза, Дебби улыбнулась, как кошка, над ранеными птицами. Лора улыбнулась в ответ, как худший лжец на все три штата.

Потребовалось еще полчаса, чтобы избавиться от Дебби, и еще десять минут, чтобы убедить Корки начать следующую встречу без нее, потому что она собиралась забрать волшебницу Руби, которая внезапно слишком травмировалась, чтобы добраться до 38-й улицы самостоятельно.

В зале она наткнулась на своего покровителя, Пьера Севьена. Он, казалось, направлялся к Джереми, что было странно, потому что Джереми был единственным дизайнером в Нью-Йорке, чья прибыль не зависела от Пьера.

— Какое шоу сегодня утром! — сказал он, начиная разговор с позитива, который в его устах имел сильный французский акцент, чем когда он начинал ругаться. — Только что из парка. Да, вы станете суперзвездами Седьмой улицы к концу недели.

— Если получим рецензию.

— Вы её получите. — Он помахал Рене, когда они подошли к кабинету Джереми. — Она была там. Она знает, что Сент-Джеймс поддерживает тебя. И я говорил с ней.

— Она видела Димфну Бэстил? Она выглядела как модель для каталога «Toys R Us»¹⁰. Я не знаю, о чем я думала, когда позволила «Mermaid» пригласить её.

— Она сказала, что это не проблема.

Лора застыла.

— Что она сказала? Скажи мне точно. Слово в слово.

— Дорогая, ты мне не доверяешь? Когда я тебя подводил?

Она не знала, как ответить. Она была в недоумении. Сделала ли он что-нибудь, помимо доброжелательного отношения и приветствий в отношении «Портняжного сэндвича», которые можно было сравнить с письмом от Санты или открытки от дальних родственников. Их поддержка, которая оказалась совершенно неожиданной, была обеспечена Руби, после того как Пьер сказал им, что у него есть подходящий покровитель, но он и они должны найти стартовый капитал. Руби выследил какого-то парня, с которым она недолго встречалась в старшей школе, и который, по слухам, сорвал большой куш в хедж-фондах, а затем «случайно» столкнулась с ним на какой-то шикарной вечеринке в центре города, после чего Пьер вскочил и начал переговоры о заключении контрактов с упорством голодного питбуля. А потом великодушно взял восемь процентов, когда по контракту ему было предложено десять, как будто это была услуга, как будто деньги они отобьют после первых пяти минут шоу.

— Я видела Ивану Шмиллер. Что она думает?

— Для нас это может быть проблемой, — сказал он, используя королевское местоимение, как если бы он был не более чем шутом на королевском суде.

— Если речь идет о деньгах, то вы не скажите мне ничего нового, что я не слышала бы от Йони.

— Ваш компаньон не доволен вами. Или сказать это более прямо, его жена назвала вашу одежду скучной.

— Для кого? Для цирка?

— Я не хочу, чтобы вы недооценивали ее влияние по этому делу. Она жена миллиардера и сама дизайнер. Люди слушают ее, поэтому, независимо от того, что она это сказала, её мнение важно.

Лора скрестила руки на груди, зная, что получит сейчас удар под дых.

— Хорошо, расскажи мне, что я должна делать.

— Сначала вам нужна ваша сестра здесь, немедленно. Вы не можете продолжать работать в выставочном зале.

— Что, если мне это нравится?

— Вы продаете куртки за две тысячи. Это не игра. Достаньте Руби оттуда, где бы она ни была, и отвезти ее в «Isosceles» на обед с Бобом Шмиллером в восемь. Вы можете прийти если хотите, но не вставляйте свои пять копеек.

Должно быть, на ее лице выразилась негодование, потому что Севьен наклонился вперед и положил руку на её плечи.

— Это касается нескольких сотен тысяч долларов и будущего вашего бизнеса. Это требует личности, а не гения. Я не могу сказать это более откровенно или любезно.

— Нет, вы могли.

Он снова взглянул на приемную Джереми, протянув руку Рене, как бы говоря ей, чтобы она подождала его. Его французский акцент усилился, когда он снова приблизился.

— Гортензия устроит мне ад. Она скажет, что я плохо отношусь к тебе. В её сердце ты занимаешь самое большое место.

Жена Пьера была печально известной до глупых сплетен и гадостей, но Лора никогда не слышала, чтобы она проронила хоть одно плохое слово о сестрах. Не со всеми клиентами своего мужа она не была так любезна.

Может быть, она должна быть благодарна, что Севьен был так откровенен с ней. Конечно, Руби была лицом бизнеса. Лора это знала, и они неоднократно обсуждали это. Почему она должна быть так удивлена, что Севьен хотел добиться того, что было правильно для них?

— Хорошо, — сказала Лора. — Позвольте мне найти мою сестру. После этого я позвоню Гортензии, чтобы сказать ей, что ты не пригласил меня на ужин и назвал меня низким классом. Посмотрим, будете ли вы спать в своей кровати на этой неделе.

— Спорим, ты так не сделаешь. — Он ухмыльнулся, проверив свой телефон.

Её сотовый завибрировал в тот же момент. Лора уже подумала, что он решил отвечать на колкости по смс. Но они оба получили одно и то же сообщение из двух разных источников.

Томасина была мертва.

Глава 3

Руби была в отвратном настроении, когда Лора встретила ее за пределами участка. Это

она могла с уверенностью утверждать, как только её сестра проворчала «Привет».

— Ты в порядке?

— Да, у меня все просто замечательно. Я просидела полдня в участке, и все, что они мне дали, это пончики. Они относились ко мне так, как будто я преступница, — Руби раздраженно перелистывала журнал.

— Томасина, она мертва. О, черт, я действительно буду скучать по ней. Она была таким хорошим другом, — Руби остановилась, как будто скорбь вышибла из неё все силы.

— Прости, Руби. Я знаю, что она значила для тебя, — еле слышно проговорила Лора

— Нет, нет. — Руби опустила голову и пошла быстрее, а затем резко остановилась. — У нас съемки завтра.

— Ровена заменит, — сказала Лора.

— Ты её попросила?

— Да! К счастью, потому что...

— Кто тебя просил? Как тебе это в голову пришло?

— Что? Если бы мы отменили съемку, нам бы это стоило целого состояния.

— Я иду домой. — Руби рванулась в метро.

Лора попыталась следовать за ней, но безбожно отставала.

— Ты поедешь в «Isosceles» с Пьером и Бобом, — воскликнула она. — Пьер нуждается в тебе. Чтобы все прошло хорошо.

— Нет. — Руби остановилась, прежде чем спуститься по лестнице. — Я не могу сейчас заниматься бессмысленными разговорами. Я не могу говорить о деньгах, одежде и вещах, которые не имеют значения. Поэтому сходишь ты, хорошо? Ты же сможешь сходить за меня? — Лора наконец догнала сестру, и Руби, взяв её за лацканы пальто, оттащила её на тротуар. — Пожалуйста, сходи за меня. Все, что тебе нужно будет сделать, так это убедиться, что жена Боба не вмешивается в наш бизнес, хорошо? Если он захочет её участия, просто скажи «нет» и все будет в порядке.

Лора никогда не встречалась с Ивановой Шмиллер лицом к лицу и понятия не имела, как последовать этому простому совету.

— Пожалуйста, — умоляла Руби, — я отплачу тебе потом.

— Ты должна пойти. Так сказал Пьер.

Когда они вошли в метро, Руби прекратила разговор. Лицо у нее потемнело, губы сжались, глаза слегка потухли. Когда они прошли мимо турникет, Лора направилась к лестнице на платформу в центр города, а Руби направилась в другую сторону, когда поезд приехал на станцию.

— Руби!

— Я иду домой.

— Ты не можешь! — закричала Лора пытаясь перекрыть шум поезда. Она кинулась за Руби и схватила ее за рукав, но сестра отдернула руку, и даже не оглядываясь и села в поезд на ветку R, прежде чем двери захлопнулись. Лоре осталось лишь наблюдать, как поезд уходил со станции.

Руби села у окна и подперла голову рукой.

Лора вернулась в выставочный зал, чтобы найти Корки в отчаянии.

— Мне нужен здесь хоть кто-нибудь, — сказал он. — Я не осьминог! — Он поднял блузки «Rue» и «Rockland», раскачивая их взад и вперед, чтобы показать, как трудно снимать вещи и одновременно вешать их в стойки.

— Прости. Кто-нибудь еще придет?

— Вряд ли. — Он плюхнулся в кресло и достал сигарету.

— Вы здесь не ставили освещение, — сказала она.

— У нас с Руби это было в плане. Я его сам выполнить не могу.

— Она вернется завтра. Её нужно время прийти в себя. — Лора огляделась, чтобы найти, чем занять руки, но все было в идеальном порядке. — А где обувь?

— Сзади. — Он махнул рукой. — У меня не было времени.

«Сзади» подразумевало крохотное свободное пространство за выставочным залом. Оно вмещало только один кронштейн для одежды и, вероятно, нарушало каждое правило в инструкции по безопасности. Лора прошла в «сзади» и нашла вешалки на перекладине кронштейна, запутавшиеся в водопадах узелков. Она ненавидела вешалки. Она зашла за экран. Там, на кронштейне висела еще не разобранный одежда.

— Разве ты ничего не показывал из этой коллекции?

— Нет, потому что, они приехали из парка очень поздно. И у меня не было время их вытащить, привести в порядок и развесить.

— Ты настоящий нытик.

Он встал и помог ей вытащить кронштейн. Вешалки перепутались, согнулись, часть из них попадала вместе с одеждой в чехлы. Обувь перепуталась в коробках, стоящих на двух нижних полках, а одна коробка раскрылась, рассыпав «Лабутены» по всему полу. Она наклонилась, чтобы собрать их.

— Я должна вернуть их до обеда, или нам начислят штраф, — сказала Лора, расставляя туфли парами на столе.

Корки, несмотря на все свою раздражительность, был воплощением услужливости, и они рассортировали первую коробку в рекордные сроки. Он вытащил ботинки из верхней части шкафа и упаковал, пока девушка распутывала вешалки.

Где-то загудел телефон.

Лора и Корки синхронно стали ощупывать сумки и карманы в поисках гаджетов. Но проверив свой телефон, Лора кинула его обратно в сумку, а Корки так же вернул свой в карман.

А телефон продолжал гудеть. Они посмотрели друг на друга, потом обвели взглядом комнату, как будто были в доме с привидениями, и только что услышали призрак.

— Это у стойки! — воскликнул Корки.

Звонок прекратился через секунду после того, Лора успела обнаружить его источник в коробке с обувью под стойкой. В нижней части ящика стоял кожаный тоут¹¹ от Лакруа со сплошной отделкой в виде новомодных гофрированных карманов.

— Симпатичный, — сказал Корки. — Возможно, одной из девушек.

— Стоит ли его открывать?

— Нет, ты должна оставить его и позволить ему призвать владельца сюда силой Кристиана Лакруа.

Она закатила глаза и открыла сумку. Кристальная чистота и порядок. Удивительно. Нет ни комков пыли, ни ватных тампонов, ни волос, ни крошек, ни даже старых, бесполезных рекламных буклетов. Для сравнения, ее сумка выглядела как хранилище мусора всего человечества.

Лора достала банку с лавандовым кремом для лица (без этикетки), потертый кожаный кошелек (без логотипа, странно), мобильный телефон (последней модели), записную

книжку и сумку с косметикой.

— Кошелек или мобильный телефон. — Спросила Лора. — Что будет меньшим вторжением?

— О, дорогая, вторгайся. Конечно, сотовый телефон

Она открыла кошелек. Он был старомодный, с небольшим отделением для карт и визиток, разворотом для кредитных карт. Она вытащила из кармана черную карточку American Express.

— Сабина Фош. Еврейка? У нас были еврейки?

— Только католички, — пошутил он, упаковывая обувь в коробки и пакеты, как заводский рабочий.

Лора знала, что он терпеть не мог видимого беспорядка в салоне. Она просмотрела кошелек: фотографии светловолосых людей, на которых она никого не узнала, свадебная фотография из семидесятых, пожилая пара перед тортом, карта бонусных миль авиакомпании, которую она не смогла идентифицировать. Один парень лет двадцати появлялся дважды.

Она ткнулась в экран мобильного телефона, узнала номер Рокель Рик.

— Ее агент, звонил неоднократно. Она много раз звонила Руби. Черт.

— Как она держится? — спросил Корки.

— Плохо.

— Я возьму ее на маникюр этой недели. Развеселю ее.

— У нас осталось семьсот сотен в банке. Это на «Сэндвич».

Корки выглядел довольным.

На телефон пришло сообщение от «Bobcat». Лора понятия не имела, кем был этот «Bobcat», но был только один способ узнать. Не посоветовавшись с Корки, потому что ей было стыдно это делать, она прослушала сообщение.

— Что ты делаешь? — воскликнул он.

— Вторгаюсь в частную жизнь.

«Фасолинка. Я вернулся, и... я скучал по тебе. Ты была права во всем. Я отправил тебе кое-что домой».

Голос умолк на последнем *«я знаю...»*. Бесполезно. Но она и так упала в глазах Корки в грязь из-за своего любопытства, поэтому подумала, что может послушать еще одно сообщение. И еще одно. Очевидно, девушка не удаляла сообщения до тех пор, пока ящик не будет полон, как и Лора. Она пощелкала по экрану и принялась слушать.

Следующее было на другом языке, и парень, который говорил, казался полным психом.

— Ты знаешь, на каком это языке? — Она поднесла телефон к уху Корки. Фраза звучала как *«wecken ick eeber eer»*.

— Не испанский, — сказал Корки.

— Я думаю, что это немецкий. Должно быть это принадлежит Томасине.

Она сунула телефон обратно в сумку, а саму сумку спрятала в переполненный ящик.

— Я позвоню полицейским и попрошу их прийти и забрать это. Просто оставь все здесь. У меня через двадцать минут кошмарный ужин в «Isosceles».

— О, шикарно. Я могу прийти?

— Я буду с Бобом Шмиллером и его женой.

— Желаю приятно провести время! — усмехнулся он, вручив ей коробку, набитую туфлями.

«Isosceles» занял половину первого этажа здания «Flatiron Building», которое сверху напоминало старинный уют. Внутри было так темно, что персонал приносил дополнительное освещение вместе с приборами, чтобы клиенты могли прочитать меню. Пьер сидел у «ледяного» камина: ямы с битым стеклом и пылающими газовыми струями под ним, походивший на Полярный круг. Лора подумала, что это до абсурдного глупо. Декор ради декора, поставленный здесь просто ради публики, вместо того чтобы находиться там, где он бы органичной частью целого. Чтобы люди говорили «круто» не потому, что это необходимость, а потому что так и было. Но это было проблемой с половиной проектов, которые она видела с момента открытия «Сэндвича». Куда бы Лора не приходила, её мозг через пару минут начинал передвигать вещи и критиковать все, что попадалось на глаза. Это нервировало и не позволяло наслаждаться деталями, такими как этот камин, например.

Кроме того, её настроение было испорчено предстоящим крахом концепции Руби / Пьер/ Боб / Ивана, и приподнятой бровью Пьера, которой он наградил её, когда поднялся, чтобы поздороваться.

— Руби не придет, — сказала она.

Боб Шмиллер, больше похожий на полузащитника, чем на финансиста-спонсора, встал, когда подошла Лора. Он был звездным ресивером¹², выступая за «USC¹³», потом и за New York Giants¹⁴, после — игроком с поломанной ключицей, а затем, получив степень магистра в области финансов, раскрутился, читая лекции о том, как выйти в плюс на бирже и сделать правильные ставки на фондовом рынке. Но Лоре казалось, что сломанная ключица — лучшее, что когда-либо случилось с ним.

Ивана не встала. Она пригладила свои желтые волосы, высоко заколотые на голове эмалевыми зажимами и гребнями, и улыбнулась Лоре жесткой, вымученной улыбкой, больше похожей на оскал.

Боб наклонился, его массивный корпус был результатом многих часов, потраченных в тренажерном зале на поддержание формы футболиста. Он улыбнулся очаровательной улыбкой и налил ей немного вина.

Пьер сел и положил салфетку на колени.

— Итак, Лора уже рассказала вам, что они весь день оформляли заказы? Сколько времени сотрудник Барни провел в вашем офисе?

— Около двух часов.

Она не упомянула, что большую часть из них они потратили на сплетни о Руби, и никакие заказы подписаны не были. Ни на одну пару штанов. Ни на одну куртку. Даже ни на один из шарфов, которые они вырезали из лишних кусков ткани. Бизнес не работал так. Но вы просто свихнетесь, если начнете объяснять далеким от моды людям, как это все работает, как подбирается одежда, как устанавливаются сроки производства, а затем вы около месяца сидите и ждете, пока покупатель перечислит свои деньги. Потому что у покупателей есть определенное количество свободных денег, а производств много, и они хотят посмотреть все, прежде чем выделять вам хотя бы цент. Лучшее, что мог сделать Корки, так это в понедельник, после всех показов, получить обещания. Так называемые прогнозы, которые так жаждала Йони. Судя по всему, Севьен думал, что Боб не знает этого.

Но он ошибался. Боб улыбнулся Севьену и повернулся к Лоре.

— Давайте оставим эту ерунду, — сказал он.

Сначала она было обрадовалась, потому что хотела сказать тоже самое в начале.

— Вы просите больше денег. Но я купил эту компанию для своей жены, и она не

довольна. И если она не довольна, то не доволен и я. — Он обнял жену. Ивана попыталась выглядеть смущенно, но получилось хищная гримаса.

Севьен пошевелился в кресле, Лоре стало интересно, думает ли он, как и она, что с Руби или без нее, но это не лучший момент для делового ужина. Но Лора предпочитала пристальное внимание и прямые вопросы маневрам и уклонениям.

— Как мы можем сделать вас довольными? — спросила она, поперхнувшись от своих слов.

Пьер предпринял последнюю попытку забрать у неё контроль над разговором.

— Мисс Сайдвиндер в восторге от нас. Она сказала, что упомянет это в статье следующего номера, который выйдет завтра.

Боб проигнорировал его.

— Меня беспокоит моя рентабельность инвестиций. Мы просчитывали это, и поскольку ваше предыдущее финансирование провалилось, я подсчитываю убытки.

— Разве ты не можешь сделать это за счет своих налогов? — Лора понятия не имела, о чем она говорит, и Боб об этом знал.

— У меня уже есть налоговая эффективность, встроенная в мой бизнес.

Ивана поставила свой стакан и произнесла своим тягучим восточно-европейским акцентом:

— Это пустая трата времени.

Она вытащила из своей сумки небольшую кожаную папку.

— Мой муж инвестировал в вашу маленькую компанию, потому что он думал, что она будет дополнять мои интерьеры. Он инвестировал, не потому что он верил в вас, в частности. Это было сделано не для того, чтобы вы занимались своими скучными моделями. Но вы уже начали, поэтому он позволил вам делать то, что вы хотели, но сегодня это прекратится. Теперь вы будете делать по моим эскизам.

Нелепый фарс лишил Лору хорошего настроения. Была только одна дорога, дорога кричащей безвкусицы, дорога, по которой шел Джереми с Грейси, где та из-за своих денег диктовала что делать. Лора не знала, как поступить — делать как все делают и пусть будет все, как хочет Ивана или продолжить гнуть свою линию и потерять компанию.

Ивана открыла папку и протянул её Лоре. Единственным сюрпризом стали умело нарисованные эскизы. Это были великолепные изображения бархата, дамасского шелка и ярких отделок из драгоценных камней в розовых, пурпурных и черных тонах. До того, как Лора взяла лист бумаги, она поняла, что это красивая линия, но не для нее.

— Это то, к чему вы хотите привести мою компанию? — спросила Лора.

— Компанию моего мужа.

— Я думаю глобально, — сказал Боб. — Для повышения эффективности нам, возможно, придется реорганизоваться.

— Почему бы вам не открыть свою собственную компанию? — Лора пыталась казаться не угрюмой, а, вдохновленной, как будто только что придумала самую потрясающую идею. Пьер пнул ее под столом.

— Уже слишком поздно, — сказал Боб. — Что есть, то есть.

Поза и лицо Ивана так и кричали Лоре о том, как она раздражает её мужа.

— Он сказал мне, что он покупает компанию, которая делает что-то близкое к тому, что мне нужно. Но он ничего не смыслит за пределами чисел. Он думал, что ты работаешь в том же направлении что и Джереми. Это то, чего хотела я. И вот мы здесь.

— Ну, нет, — сказала Лора, — мне сказали совсем другое. И ткань уже заказана. — Она солгала, прежде чем даже подумала об этом, а потом решила, что это будет даже неплохо. Но опасно. — У нас восемь недель на часть вещей. Мы не можем все сейчас поменять.

Все посмотрели на Пьера Севьена, который что-то изо всех сил печатал смс. Он с невинным видом взглянул на них.

— Я не думаю, что мы не сможем найти компромисс. Пара штрихов здесь, пара там и мы можем перевести модели в другой сегмент. Добавим пару деталей, чтобы придать роскоши и богатства. А следующий сезон откроем с нуля, с новой, фантастической коллекцией, которая будет представлять собой сотрудничество между экстравагантностью, мастерством и коммерцией.

— Коммерция осталась дома, — сказала Лора, напоминая о Руби, у которой было самое острое чутье на то, что будет продаваться.

Остальную часть обеда Боб провел в приподнятом настроении, оставаясь оптимистом в отношении к «новой компании», Ивана пыталась не выглядеть злорадной победительницей, а Пьер пытался делать хорошую мину при плохой игре.

Лоре казалось, что она сдается с потрохами.

Выйдя на улицу, она даже не повернулась к своему агенту.

— Ты ведь только что не сделал то, о чем я подумала? Ты не можешь так просто дать Иванне Шмиллер право принимать решения о линии.

— Кажется, ты думаешь, что за несколько миллионов долларов легко получить то, что вам нужно.

— Иванна Шмиллер? Вы видели ее вещи? Вы когда-нибудь были в комнате, которую она спроектировала? Это похоже на цирк-шапито из измельченного бархата и бахромы. Это похоже на карнавал животных шкур. А дизайн, который она сделала для пентхауса Флюшер? Вы видели? Она просто взяла горстку страз и рассыпала их по всему мраморному полу.

— Успокойся.

— Нет. Я не успокоюсь. «Сэндвич» не о резных кнопках из тикового дерева и хромированных ремнях. Это не шелковые шкуры животных. Речь идет не о блестящей бахrome. Это все для Джереми. Речь идет о красоте внутри. Это о том, чтобы не быть очевидным. Ты собираешься убить эту линию, прежде чем она даже сделает первый вздох.

Севьен ничего не ответил, только окликнул такси.

— Тебе нужно подумать о двух вещах. Во-первых, по вашим ценам — вам нужно добавить внешнего лоска вещам. — Такси остановилось, и он открыл дверь. — Во-вторых, твоя сестра получила бы эти деньги безо всяких спектаклей.

Лора почувствовала, как задрожала нижняя губа, и на глазах начали наворачиваться слезы, затуманивающие глаза. Она так разозлилась на себя за это.

— Не расстраивайся, — мягко сказал Севьен. — Я знаю, что тебе кажется, что это происходит только с тобой. Но это случается с каждым дизайнером каждый раз. Я ни разу не видел исключения. Очень, очень успешные дизайнеры каждый сезон ведут такой же бой, и не только в первый сезон. Как ты думаешь, почему твой друг Джереми спал со своим инвестором? Потому что это легкие деньги? Нет, потому что он знал, что стоит за ней. Спроси его, как он обходится без нее. И я уверен, что сделал бы это снова, не раздумывая ни секунды.

— Я ненавижу это, — сказала она, вытирая слезы.

— Я знаю. Все так делают. Не волнуйся. Вы сделаете то, что вам нужно. Просто

убедись, что с Ивановой в демонстрационном зале будет твоя сестра, а тем временем я постараюсь найти вам кого-нибудь еще.

Он сел в салон такси, оставив Лору наблюдать, как он уезжает.

Она не знала, кому еще позвонить. Чем дольше Лора изучала свой короткий список контактов, тем больше бросалось в глаза его имя.

— Джереми, я знаю, что ты занят.

— Я дома, — сказал он. — Тиффани заболела.

Она всегда считала странностью нетерпимость Джереми к болеющим, пока не узнала, что у него кистозный фиброз¹⁵, а это означает, что простуда коллеги может быть почти смертельной для него. Лора была единственным человеком, знающим его тайну, и единственным человеком, которому он доверял.

— Мы никогда не говорили много о Грейси.

— Ты хочешь поговорить об этом сейчас? Где ты?

Лора обнаружила, что идет к вокзалу, но боялась, что у нее не получится закончить разговор до того как она доберется до здания.

— Я знаю, что Грейси руководила линией.

— Да.

— Потому что у нее были деньги.

— Верно.

Она замолчала. Станция была прямо перед ней, и она еще не была готова спуститься. Она так же не была готова еще задавать слишком скользкие вопросы.

— Не бери в голову.

— О чем ты?

— Ты скучаешь по ней?

Тишина. Затем кашель. И другой. Это означало, что он слишком много работал. Лора слышала, как он дышал, и она хотела отвлечь от слишком личного вопроса шуткой и отрицаниями. Но Лора этого не сделала. Она ждала.

В конце концов, когда она услышала, как поезд внизу пришел на станцию он сказал:

— Иногда. Когда я не знаю, в каком направлении идти. Мне не у кого спросить. А она могла бы блестяще справиться с этой проблемой.

— Но она бы никогда не позволила тебе расширить производство.

— Поэтому я не скучаю.

— Иване нужен полный контроль над дизайном.

Повисла еще одна длинная пауза. Волна пассажиров поднялась по лестнице, а Лора так и осталась стоять, окруженная непрерывным потоком людей.

Джереми наконец спросил:

— Ты мне доверяешь?

— Я не понимаю, о чем ты.

— Это простой вопрос. — Она явно разозлила его. — Ты мне доверяешь?

Лора наблюдала за женщиной с коляской в одной руке и ребенком пытающейся спуститься по лестнице метро. Девушка рефлексивно схватила переднюю ось коляски и потянула, не спросив, нужна ли женщине помощь. Заполнилась повисшая пустота между вопросом Джереми и её ответом.

— Нет.

Она ожидала чего-то большего, но получила лишь:

— Ты мне доверяешь, и ты это знаешь. Не беспокойся об Иванне. Забудь ее. Уходи оттуда и занимайся линией. У вас завтра съемка?

— Томасина мертва.

— И её тоже забудь.

— Звучит не очень приятно. — Лора вспомнила реакцию Руби на ее быструю замену мертвой девушки.

— Добро пожаловать в руководство собственным бизнесом.

Лора слегка улыбнулась, желая сказать, что хотя она находится всего лишь дальше по коридору от него, но все же скучает по нему и его едким замечаниям.

Глава 4

Теперь они жили не в квартире, теперь у них был дом, который Лора делила с матерью и сестрой, и это было прекрасно. Но что было не прекрасно, это то, что он был в часе езды от Манхэттена. Поездка на поезде до Бэй-Ридж, ее нового района в Южном Бруклине, заняла час, плюс-минус, что дало достаточно времени, чтобы Лора ознакомилась с каждым объявлением, стихотворением и объявлением о государственной службе, размещенным в вагоне. Поезд, в котором она ехала, был отдан на откуп рекламной компании «Saint JJ», он же Джереми.

Расклеенная возле дверей реклама, принадлежащая бренду Джереми, заполняла каждый сантиметр. Оранжево-красная, как самое яркое пламя, с логотипом. Все было идеально, и сумка, шляпа, и даже губная помада Димфны Бэстил. В объявлениях еще ничего не было, но вещи были уже предметами вожделения. Лора закрыла глаза, чтобы не видеть его всемирного господства.

Ее плечи опустились. Усталость, которую она терпела во время подготовки к показу, накрыла Лору. Она почти спала. Показ прошел хорошо, несмотря на смерть в конце. Газеты завтра расскажут историю, и ее бледное лицо рядом с породистой красотой Томасины будет во всех новостях. Затем Дебби Хейворт. И еще Руби с четырехчасовым допросом по абсолютно непонятным причинам. Наконец, Лора практически лишилась творческого контроля над своей линией, потому что у нее не хватало денег, а последняя соломинка в виде Джереми только говорила, что она все преодолет.

Лора задумалась о том, как хорошо начиналось и какие усилия пошли прахом после смерти Томасины, которая все последние месяцы была музой для Руби, как ловко и прекрасно, как по книге, развивались их отношения, и какую запоминающуюся точку в конце поставила модель. По дороге домой на поезде она колебалась, жалея Томасину и презирая ее. На прогулке от поезда до ее квартала она задавалась вопросом, почему Джереми так настойчиво пытается войти в доверие, а когда пересекла последнюю улицу, Лора готова была начать корить себя из-за Стью, когда увидела журналистский фургон у себя перед домом.

Конечно, они отследили ее. Но ее удивили полицейские машины, одна из них была черно-белая и одна «Crown Victoria» с большими фарами. Дом представлял собой особняк и соединялся с другими домами в блок-секцию с обеих сторон, так что зайти с заднего входа не представлялось возможным, если только не перелезть через соседский забор, пролезть под сеткой с колючей проволокой и убежать от их собаки непонятной породы, чтобы попасть на свой задний двор. Что из этого было лучше: бег с препятствиями или микрофоны репортеров, тычущих вспышками камер тебе в лицо, Лоре узнать не удалось. Её уже

заметили.

Она не видела ни одного лица из-за яркого света. Кажется, рядом с ней был микрофон, из-за чего больше всего на свете она захотела откусить себе язык. На нее сразу же накнулись с вопросами.

Как вы относитесь к смерти Томасины Вэнт?

Принимала ли она наркотики во время шоу?

Вы знаете, с кем она виделась до своей смерти?

Она наклонила голову.

— Я, правда, не могу ответить на все вопросы прямо сейчас.

Они повторили те же самые вопросы с большим нажимом в голосе, преграждая Лоре путь. Но все, что её заботило, это узнать, что здесь забыли полицейские, и для этого приходилось расталкивать локтями надоедливых папарацци, который все лезли ей в лицо.

По голосу, не по лицу, она узнала Акико Камичуру, задавшей вопрос громко и ясно.

— Знаете ли вы, что полиция думает, что смерть может быть насильственного характера?

Лора остановилась, по-настоящему потрясенная.

— Нет.

— Вы были с г-жой Вэнт прямо перед показом?

Ее усталость и стресс наконец взяли свое. Она сделала шаг в сторону Камичуры и тыкая в стороны журналистки пальцем, прошипела:

— Это что, допрос, леди? Кем, черт возьми, вы себя возомнили? У вас есть значок? Нет? У вас его нет? Да, нет. У вас есть второстепенная степень журналистики и силикона в вашем теле будет достаточно, чтобы заполнить отдел кухонной посуды в «Target»¹⁶. Это не ваша работа, интересоваться моим алиби. Вы меня поняли?

Камичура сделала шаг назад, но выражение ее лица осталось бесстрастным.

— Любые теории о том, почему...

— Я спросила, поняли ли вы меня.

—...ее, возможно, убили?

— Вы меня поняли?!

— Она сбила твою сестру с подиума на осеннем показе Джереми Сент-Джеймса.

Эту страшную женщину научили на бульдозере добиваться признаний и добавлять драматизма в каждом интервью. Ей не было никакого дела до того, кто что скажет. Эмоции — вот её победа. Еще один эмоциональный взрыв не заставит репортера выглядеть глупо; ему он только сыграет в плюс.

Лора улыбнулась и сказала.

— Простите, — прямо в микрофон, а затем пошла к дому.

Камичура кинулась за ней, но не успела. Репортеры выкрикивали вопросы и щелкали вспышками, но они не могли пробиться за ворота. Она подняла взгляд на окна на втором и третьем этажах, где жили она и её мать. Входная дверь была закрыта. Свет горел, хотя в окнах и не было видно, чтобы кто-то ходил.

— Эй, вы! Сволочи! — донесся голос с верхнего этажа соседнего дома, и Лора сразу поняла, что это Джимми, их домовладелец. Он жил по соседству и купил здания с каждой стороны во время последней депрессии. Стоя над ними с ломом и крича таким громким голосом, что им можно было бы разорвать пространственно-временной континуум, он походил на психопата. — Убирайтесь подальше от моих ворот, или я вам глаза

повыдергиваю и на затылок пришью!

Камичура указала своему оператору, парню лет пятидесяти, ростом под два метра и весом под сто тридцать килограммов, снимать верхнюю площадку.

Когда Джимми спустился, чтобы, чтобы встретиться с ними на тротуаре, в свете камеры они увидели, что у него есть оружие, более опасное, чем лом. К своему уху он прижимал телефон.

— Они ограничивают доступ и блокируют пожарный гидрант, — сказал он.

Камичура ткнула в сторону своего фургона, увешанного спутниковыми антеннами, как во время президентского обеда.

— Он припаркован законно!

Джимми провел рукой по микрофону.

— А мне параллельно.

— Он отставной полицейский, — вмешалась Лора. — Копы приедут, даже если вы помашете палкой в запрещенном месте. — Она закатила глаза, как будто это раздражало ее.

— Почему бы тебе не рассказать это десяткам полицейских в доме?

— Эти головорезы не смогут вызвать эвакуатор, — сказал Джимми. — Вы оставляете моего арендатора в покое, а я возвращаюсь внутрь.

Камичура отступила назад. Лора рассмотрела не всех репортеров, но в следующий раз она будет готова.

— И моя сестра в десять раз краше, чем Томасина Вэнт, даже когда летит с подиума.

Камичура и ее оператор обменялись взглядами, и он опустил камеру. Она указала на Лору.

— Увидимся на работе завтра.

Квартира, которую Руби выпросила себе, была на нижнем этаже с собственной кухней и выходом в сад. Лору привлек шум и миганье вспышки из-за двери.

— Карнеги, — сказал Кангеми. — Добро пожаловать.

— Это мой дом. Я должна приветствовать тебя.

— Слабая надежда, что это произойдет, — сказал он. И он был прав. Квартира, огромная по нью-йоркским стандартам, была заполнена огромным количеством людей, которые вытирали поверхности, переворачивали подушки и, как правило, совали нос, куда не следовало.

— Где моя сестра?

— В спальне с твоей матерью. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Она проигнорировала его. Он был гораздо более приятным собеседником, когда не ссорился со своей девушкой, но сейчас ему явно не хватало чувства юмора, поэтому ей стоило следить за своими словами.

Квартира была похожа на железную дорогу, то есть, чтобы добраться до кухни приходилось идти через спальню или ванную комнату, поэтому обе спальни были открыты, чтобы люди в жилетках NYPD¹⁷ сновали туда-сюда как кролики. В спальне её ждало душераздирающее зрелище. Руби плакала на кровати, а рядом с ней присев на краешек сидела мама, она гладила ее одной рукой по спине пытаясь утешить, а в другой держала мобильный телефон и с кем-то разговаривала.

— Нет, я знаю, что ей не о чем беспокоиться, но я не буду заставлять её испытывать неудобства только потому, что ты не сдвинешь свою задницу с места, пока не произойдет катастрофа. — Голос мамы ничего не выражал, но по словам было ясно, что она в ярости.

Она продолжила, как будто человек на другом конце провода не произнес ни слова.

— Я никогда не просила тебя ни о чем. Даже когда я воспитывала двух детей одна в проклятом гетто, я никогда не просила у вас ни копейки, ни одного одолжения, я делала костюмы для твоих девочек на Хэллоуин и научила их шить одежду для кукол. Я люблю их. И мне нужно, чтобы ты вытащил свою задницу из того места, где ты сейчас, сходил в Южный Мидтаун, и получил пару ответов с таким же удовольствием, как я помогала твоим детям.

Ах. Это дядя Грэхем, адвокат в запонках.

— Я не хочу это слышать, я не хочу это слышать, я не хочу это слышать! — Начав длинными, стремительными, спокойно озвученными предложениями, мама закончила подростковыми диалогами с братом. Фантастика.

Лора схватила телефон.

Дядя Грэхем еще продолжал говорить.

— ...обвинения в чем-то.

— Дядя Грэхем? Это Лора.

— Ты можешь ее успокоить?

— Думаю, что нет.

— Если я начну узнавать что-то об обвинениях Руби, будет казаться, что она что-то скрывает.

Лора посмотрела на свою сестру, полностью разбитую сложившейся ситуацией, и маму, которая пыталась держаться и чувствовала себя такой одинокой, как никогда.

— Может быть, вы сможете приехать после ухода полицейских и объяснить, что произошло? Или, может быть, у вас есть какие-нибудь контакты в нью-йоркском департаменте, и вы сможете что-то узнать? Это не должно быть большой проблемой. Просто знаете, чтобы они не чувствовали себя никому не нужными?

— Я слышал, что ты несколько месяцев назад попала в беду и не позвонила мне.

— У меня все было под контролем, — солгала Лора.

— Не говори своей сестре, — сказал он, — но ты всегда была моей любимицей.

— Спасибо, дядя Джи.

Вошел Кангеми с серьезным лицом и пригласил девушку проследовать за ним.

— Я должна идти. — Лора бросила телефон на кровать и пошла за детективом на задний двор.

На заднем дворе мама уже начала размечать границы грядок и бордюров. Маленький навес над домом защищал длинный металлический стол с коробками с луковицами, горшками и мешками с почвой и компостом. Все это было перенесено из кухни Руби после эпического скандала на тему «личное пространство и чистота против удобства использования квартиры для озеленения сада». В итоге летняя кухня стала личной кухней Руби. Переезд мамы из городской снимаемой квартиры вновь пробудил её любовь к садоводству, и сезон высадки луковиц не будет упущен, даже если придется проходить через маленький личный кусочек рая Руби.

— Ты действительно расстроил мою сестру.

— У нас есть ордер.

Лора хотела сказать ему, что он ведет себя как назойливый придурок, но было трудно это сказать тому, к кому обращаешься «детектив».

— Ты никогда не называл мне своего имени, — сказала она.

— Прекрасно годится и «детектив».

— Так что ты хочешь? — Спросила она. — Сегодня был долгий день.

— Ты видел, чтобы Томасина что-нибудь принимала? Таблетки? Выпивала? Нюхала?

— Это для протокола?

— Пока что между нами, но я оставляю за собой право пригласить тебя на допрос, если решу, что ты можешь рассказать больше.

Лора мысленно вспомнила утро. Она прокручивала в голове все моменты, когда она видела Томасину и в предыдущие недели на примерках или болтающей с Руби в офисе. Она все время думала о том, что присутствие модели раздражало ее, как и сплетни, которые отвлекали Руби от работы. Томасина проводила каждый свободный перерыв между показами у них в офисе.

— Кажется, я всего три раза видела, как она ела за все три месяца. Она считала свое тело уродливым.

— И что из этого получилось?

— Злые нападки с немецким акцентом.

— Поскольку это второе убийство, которое произошло в радиусе десяти метров от тебя, я бы хотел свести к минимуму остроумные замечания.

Он действительно был забавнее, когда его девушка стирала ему вещи.

— Ее рвало. Их всех рвет. Это похоже на рефлекс. Их желудки — временные сосуды для салата и миндаля.

— И ты им это позволяешь?

— А что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Ты должна сообщить об этом МААВ.

— Знаешь что? Вся эта возня с присматриванием за моделями начинает надоедать. Кто докладывает на футболиста средней школы, который по четыре часа в день качается в тренажерном зале, чтобы набрать массу? Кто сообщает на борцов сумо, которые столько едят, что не могут носить штаны? Как насчет актера, который теряет вес, чтобы сыграть жертву Освенцима? Кто сообщает об этих людях? Никто.

— Это потому что...

Она все это уже слышала.

— Потому что они профессионалы? А почему эти девушки нет? Они зарабатывают пять тысяч долларов в день, и все, что они должны делать за эти деньги, — это ходить туда-обратно и оставаться худыми. Это их работа. Но мы позволяем футболистам, в любом возрасте, обдуривать нас, превращаясь в тяжеловозов. Почему им разрешено искажать свои тела ради нашего удовольствия, а моделям нет?

— Не говори мне. У тебя есть теория.

— Потому что они мужчины. Мы верим, что мужчины контролируют свои тела, а женщины — нет. Женщинам нужны няни. И маленькие девочки якобы верят в выдуманные идеи об образе тела, потому что, опять же, они не думают мозгами. А мальчики? Неужели мы не задаемся вопросом, что с ними будет, когда они превращают свои руки в базуки? Или перекраивают свой торс, чтобы выглядеть как футболисты? Нет! Потому что у нас эпидемия ожирения, в то же время мы волнуемся о том, что станет с девушками, которые продают свои тела за доллары. И ее рвало? Держу пари, да. Она сама голодала? Да, это правда. Потому что это ее работа. Если вам это не нравится, вы должны внимательно посмотреть на себя в следующий раз, когда будете болеть за полузащитника.

Самуэльсон, напарник Кангеми, высунул голову и, кивнув, сказал им, что пора идти. Кангеми кивнул в ответ и снова обратил внимание на Лору.

— Не могу понять, ты гений или дурочка.

— Когда ты это выяснишь, дай мне знать.

Лора сделала несколько пометок о завтрашней съемке: подготовить разрешение для страховщиков, заказать подходящую под диету еду и многое другое, касающееся смены модели. Параметры Ровены и Томасины были настолько близки, что не требовалось сидеть ночью и что-то подгонять. Хватило бы и пары минут на самой съемке. Она спустилась вниз, чтобы проведать Руби, но обнаружила ее на кушетке вот уже как пятнадцать минут спящей под действием снотворного. Полицейские опечатали ее квартиру. Вероятно, какое-то время Руби придется одалживать одежду у Лоры.

Лора отправилась спать. Она не приняла таблетку, и поэтому её голова слишком сильно гудела от переполнявших её мыслей, чтобы сомкнуть глаза. Она принялась изучать трещинки на потолке, думая, что, черт возьми, происходит в ее собственном доме. Полиция что-то искала в квартире Руби, и Томасина была отравлена. Очевидно, они думали, что у Руби в квартире есть яд. Но они не знали ее сестру. Руби не отличит мышьяк от витаминов. Лора была полностью уверена, что в квартире этажом ниже ничего не нашли, кроме отпечатков пальцев Томасины, которых и следовало ожидать.

Но почему они стали подозревать Руби в первую очередь? Кто-то, должно быть, что-то сказал. Никакие доказательства не указывали на нее, кроме того факта, что она нашла Томасину в ванной, но с тех пор, как Руби заболела, у нее были все основания быть там. Это было символично, что именно в туалете Руби нашла рухнувшую Томасину. Эти двое проводили больше времени вместе в туалетах, чем кто-либо другой из знакомых Лоры.

Лора пролежала без сна до полуночи, вспоминая, как смотрела в лицо Кангеми менее двух часов назад, но так и не рассказала ему о найденной ею сумке. И так и не позвонила полицейским, чтобы сообщить о ней, потому что все мысли были о другом. Несмотря на кредитные карты Сабины Фощ, сумка принадлежала точно Томасине. У Лоры все еще был к ней доступ, и она не собиралась отдавать её, не взглянув на содержимое еще раз.

Лора вызвала такси, оделась и поехала в салон. У неё не было другого выбора. Хотя выбор, по правде, был. Она могла бы позвонить полицейским и рассказать им все и утром они заберут сумку. Но это означало бы, что Лора никогда больше не осмотрит её. А она никогда не сможет защитить свою сестру, если полиция вобьет какую-то глупость в их коллективные головы. В основном, Лора никогда не узнает, что было в сумке, и раз ей не спится, независимо от того, что она сделает, она должна удовлетворить свое любопытство.

Когда Лора вышла на улицу, чтобы встретить такси, она увидела полицейскую ленту, протянутую через входную дверь ее сестры. Джимми спал в дверях, с ломом в одной руке, и телефоном, почти вывалившимся из другой. В тишине ночи было слышно его похрапывание. Она почувствовала благодарность к нему. Он заботился о трех женщинах, которые арендовали дом по соседству больше, чем любой другой конгломерат. Когда Лора села в такси, она заметила большого оператора, стоящего через дорогу, опираясь на фургон без опознавательных знаков. Он отхлебнул из бутылки с содовой и кивнул ей, когда такси проехало мимо.

Лора и раньше бывала в офисе ранним утром, поэтому пустота и расплывающаяся тишина её не тревожили. Журналисты ушли, чтобы сообщить что-то еще, и вполне могли бы вернуться через несколько часов, но сейчас было тихо.

Лифт открылся перед демонстрационным залом Джереми. В нем горел свет, наверное, кто-то был там. Наверно, Джереми разговаривал с какой-нибудь новой фабрикой в Китае или готовился к показу, с которого начнется шествие к полному доминированию бренда. Она сопротивлялась желанию постучать в дверь, чтобы посмотреть, что он делает. Вероятно, он был чем-то сильно занят, и ее визит не был бы уместен.

Лора прошла по коридору в свой демонстрационный зал. В темноте она чуть не опрокинула новомодный стол Корки, пытаясь открыть дверь.

Сумка была в ящике, где Лора оставила её. Она плюхнула её на стол, расстёгивая лакированную деревянную пряжку. За этим шумом Лора слышала другой звук, как щелчок, но не смогла его идентифицировать. Она прекрасно осознавала, что оставляет отпечатки на всем, что может оказаться уликой и Кангеми устроит ей веселую жизнь. Но вчера Лора и так достаточно наследила, так что сейчас не было никакой необходимости надевать перчатки.

Девушка начала осторожно выгружать предметы на стол по одному: крем для лица, сотовый телефон, кошелек, три ручки, косметичка, которую надо будет открыть и посмотреть позже, три пакетика безглютенового соуса «Тамари» и маленький кошелек «Coach»¹⁸, полный кассовых чеков.

Косметичка была заполнена небольшими пластиковыми контейнерами совершенно новой, супердорогой косметики, шведского производства. Лора вытащила немаркированную янтарную бутылку таблетками. Она высыпала содержимое. Приметно десять капсул. Поставив бутылку в сторону, она перешла к кошельку. На каждой карте была указана Сабина Фощ, которая, должно быть, была своего рода псевдонимом. Или, может быть, Томасина была псевдонимом. Но кто бы взял себе имя Томасина? Она не могла выбрать что-то менее запоминающееся.

С квитанциями все обстояло сложнее. Откопировать она их не могла, как и не могла оставить у себя. Лора слышала сухой кашель с другой стороны тонкой как бумага стены. Она прижала ухо к нему и слышала еще один кашель, как будто он был в ее собственной спальне, но других голосов не было слышно. Лора осторожно постучала по стене.

— Джереми?

Его голос донесся с другой стороны.

— Я так и думал, что это ты там. Твой показ прошел. Иди домой. Оторвись на несколько часов.

— Я могу воспользоваться твоим копиром?

— Приходи.

Она схватила маленький кошелек и квитанции и пошла по коридору.

Он уже ждал ее у двери своего офиса. Отпер его и пропустил её вперед.

— Ты знаешь, где он стоит.

Она не смотрела на него, потому что пыталась не думать о том, что делает. Она брала чеки из бумажника мертвой женщины и копировала их перед тем, как передать полиции, потому что... почему?

Потому что в глубине души она знала, что все обернется повторением истории с убийством Померанц. Тогда у неё тоже не было ни времени, ни обязательств заниматься расследованиями. Её попросили больше так не делать. И это было глупо и эгоистично. Но у ее сестры были проблемы, и она не знала, почему. Хотя Лора хотела доверять системе, и, возможно, доверяла системе, она собиралась посмотреть, сможет ли раскрыть еще одно убийство. Лора старалась не думать об этом, и чем больше она старалась не думать, тем

больше правда колола глаза.

— Что ты делаешь? — Спросил Джереми, вытаскивая из холодильника бутылку воды.

— Нет. Что ты делаешь? Ты похож на покойника.

— Спасибо. — Джереми улыбнулся, и она улыбнулась в ответ, затем он снова кашлянул.

— Бумагами нужно заниматься даже на неделе показов. Да ладно, ты же здесь работала. Знаешь, как все происходит. — Он вытащил из кармана бутылочку с таблетками и вытащил пару.

— Да, но я не знала тогда то, что знаю сейчас. Ты заболел?

— Борюсь с этим. Полет в Китай был ужасным. Даже в первом классе все плевались. В Пекине микробов как в канализации. Я сказал об этом президенту производственного конгломерата, а он только посмеялся. — Он кинул в рот таблетки и запил их водой.

— Фу, гадость. — Она разделила квитанции по дате, разложила на стекле, чтобы поместиться один день на страницу. — Ты не сможешь продолжать работу, если только не станешь ходить на работу с аппаратом искусственного дыхания.

Она ожидала отрицаний, но вместо этого он сказал:

— Грейси, возможно, была права.

— Она не была права. Она была напугана. Тебе просто нужно организовать это иначе, чем все остальные. Ты не можешь летать по всему миру, смотреть на фабрики. Так ты только себя сгубишь.

Он прислонился к холодильнику с бутылкой воды, выглядя усталым и подавленным, как будто хотел сказать что-то, но сдерживался.

— Когда Ивана начнет командовать тобой? — Лора почувствовала, что это не то, о чем он действительно хотел поговорить.

— Я думаю, что нам придется взять у них деньги примерно через две недели, когда мы окажемся на мели. Она начнет вмешиваться сразу же. А через три недели, я уже приду сюда одалживать твои каталоги страз из горного хрусталя. — Лора собрала квитанции, которые копировала, и стала их прятать обратно в кошелек, давая понять Джереми, что это ее вещи.

— Знаешь, у нее много связей с пиарщиками, чтобы замять историю с Томасиной Вэнт. Через две недели будет в её интересах сделать это. — Он потягивал воду и сквозь бутылку наблюдал за ее реакцией.

Просто так, или потому что Лора не хотела уходить, она скопировала и кредитные карты.

— Ты говоришь, что я должна связаться с ней прямо сейчас, и попросить ее, как предполагаемого творческого партнера, воспользоваться своей пиар-службой, или пресс-секретарем, или кем-то еще, чтобы замять историю с Томасиной? Но если Пьер действительно найдет альтернативного спонсора, которого он обещает, что делать тогда?

Он пожал плечами.

— Нанять пиар-агентство. На самом деле, она ничего не потеряет.

Лора понятия не имела, как все это работало, и при этом не понимала, как манипулировать, нанимая фирму, хотя она знала, что это то, что надо делать, если вы действительно были загружены. Но что Лора действительно понимала, так это то, что Джереми был как раз тем самым гениальным манипулятором, и она была рада, что он на её стороне.

— Как Руби? — спросил он.

— Копы с ней хорошо поработали, но она должна быть в демонстрационном зале,

иначе...

— Я имею в виду о Томасине.

— Отлично, я думаю.

Джерери отбросил пустую бутылку.

— Ну, теперь, когда показ прошел, ты можешь больше времени уделять своему парню.

Ему может не понравиться твой график работы.

— Кому?

— Парню в велосипедных шортах. — Джерери махнул рукой, словно нарисовал имя в голове.

— Стью?

— Да, ему. Как-то он брал у меня интервью.

— Он не мой парень.

Джерери втянул губы, и нижняя часть его лица сильно напряглась. Она подумала, может быть, он пытался не улыбаться, но затем выкинула эту мысль из головы.

— Руби сказала...

Лора оборвала его.

— Руби живет в надежде и воображении. Мы с ним расстались, даже не начав встречаться.

— И как ты себя чувствуешь? — Он снова улыбался, и это испугало ее почти так же, как и его вопрос со словом "чувствовать". Джерери не спрашивал о чувствах, не говорил о них. Чувства не были бизнесом.

— Я чувствую себя хорошо, — ответила она.

— Хорошо. Я очень счастлив слышать это. Очень счастлив.

Он выглядел так, словно хотел сказать больше, но Лора уже не смогла придумать причину задержаться еще немного. Выходя, она оглянулась на него. Джерери стоял перед столом Рене, улыбаясь.

Когда она вернулась в свой демонстрационный зал, то сразу же положила чеки обратно в кошелек. Убирая пузырек с таблетками обратно во внутренний карман косметички, Лора натянула рукав свитера на ладонь и открыла крышку, высыпав маленькую капсулу себе на ладонь. Хуже уже не станет, подумала она и спрятала капсулу в карман пальто. Затем она взяла мобильный телефон и проверила новые сообщения. Ничего. От «Bobcat» было последнее. Она догадалась, что все знают, что нет смысла писать мертвой женщине.

«Bobcat».

Идиотка. Конечно, это был Боб Шмиллер. Она поразилась его полной долбанутости Лора разозлилась словно была Ивановой и задалась вопросом, вложил ли он капитал в «Портняжный сэндвич», чтобы получить доступ к Томасине, обдувив Ивану с ее мечтой о собственной компании. К тому времени, как она переупаковала сумку, Лора была в ярости. Она не хотела иметь ничего общего с Бобом. Затем Лора подумала, возможно, просто возможно, ей следует узнать его немного лучше, если она хотела выяснить, кто убил Томэзину Вент.

Лора положила сумку на стол с запиской для Корки, что тоут принадлежит Томасине. И оставила визитку Кангеми, поэтому Корки мог позвонить полиции, чтобы они приехали и забрали ее. В офисе больше нечего было делать, и было слишком поздно возвращаться в постели в Бэй-Ридж, поэтому она отправилась на съемку.

В поезде в Уильямсбург было так тихо, что Лора, задремав под стук колес, чуть не пропустила Бедфорд-авеню. Когда она вышла, на часах было четыре часа. До начала рабочего дня оставалось два часа, и бары уже закрывались. Завсегдатаи, которые гуляли в ночь со вторника на среду, потихоньку выползали на улицу. Под светлеющим небом блуждали такси без лицензии, жужжа радио и замедляясь возле станции, выискивая слишком пьяных, неспособных самостоятельно добраться до дома.

Лора нашла закусную, работавшую вероятно с 70-х годов, старомодную настольку, что стала дико модной. Парень за стойкой выглядел так, словно он спал под грилем на металлических кухонных принадлежностях, когда не перебирал засаленные счета негнуцимыми пальцами. Она присела за стойку, пытаясь не замечать радужные полупрозрачные хлопья, плавающие на поверхности кофе. Газета лежала в пределах досягаемости — Daily News, свернутый заголовком вниз. Лора пододвинула её ближе и открыла. Проходя мимо киосков, она старалась не смотреть на них, потому что знала что то, что она не хотела видеть, будет на первой полосе. Она была права, но ее страхам, что там окажется её истощенное лицо, не суждено было сбыться. Работа Томасины состояла в том, чтобы быть на обложке, и она делала ее даже после смерти. «СУПЕРМОДЕЛЬ ТОМАСИН ВЭНТ УМЕРЛА В ВОЗРАСТЕ 27 ЛЕТ»

Лора поняла, что не знала, сколько лет модели, так как это обычно не обсуждалось. Рабочий возраст этих красивых девушек был слишком коротким. Всего лишь окно между восемнадцатью и двадцатью пятью. Либо женщина была слишком молода, и ею интересовалась МААВ, либо она была слишком стара и ею не интересовался никто. Поэтому, они лгали. Все они. И их агенты лгали. Потому что требовалось два года, чтобы создать из девушки настоящую модель, а затем агенты хотели достаточно времени, чтобы извлечь из этого выгоду, прежде чем она родит или наест себе талию в непригодные двадцать семь с половиной дюймов¹⁹.

На первой странице была ссылка на продолжение статьи, но она в любом случае знала больше, чем журналисты. Портновский Сэндвич, наряду с именами ее и Руби, появился внизу первой страницы. Кроме того, Томасина была представлена в своем первом наряде — костюме из искусственного шелка, который окутывал ее как папиросный дым вешалку.

История продолжалась на одиннадцатой странице, Лору поразило собственное лицо на потрясающем черно-белом снимке. Первый показ ее коллекции, и она не могла накрасить ресницы? Неужели она так и будет всю жизнь ходить с дико распахнутыми глазами и волосами как стог сена? И почему они не напечатали Руби, которая всегда выглядела так, как после фотошопа, даже когда просыпалась с похмелья и раздраженной? Красивые новости снаружи, и ужасные внутри. Как она и предполагала. Ей потребовалась еще одна минута, чтобы прийти в себя от культурного шока, вызванного собственным портретом, прежде чем добраться до самой истории.

«Мисс Вэнт была основателем Фонда Белой Розы, спасательной миссии для молодых девушек в Восточной Европе. У нее остались брат Рольф Вэнт и сестра Ханна. Оба живут в Берлине».

Статья не упоминала, что она была одной из наследниц «ostalgie» — старой гвардии восточногерманского богатства, которой удалось заставить толпы протестующих защищать их, заявив, что новая демократия поможет им присоединиться к Вэнтам в новой меритократии²⁰ богатых. Затем они сыграли на ностальгии довоенных дней и красоте

восточногерманских деревень, чтобы удержать демонстрантов в страхе. Для этого они использовали страсть и гнев скинхедов, которые хотели вернуться к старой Германии. Блестящая игра, хотя и сомнительная этически.

Когда Лора увидела фотографию Рольфа, она поняла, почему его сестра от стыда за свою семью предпочла вообще стать сиротой, и почему звездные таблоиды упоминали только её мертвую сестру. Рольф Вэнт был скинхедом, и довольно злобным на вид. Она надеялась, что он остался в Германии.

Здание «Lancaster Glass» возвышалось громадной стеклянной машиной над набережной приковывая к себе внимание проектировщиков, журналистов и активистов. Здание было в двадцать два этажа из толстого красного кирпича со стальными створчатыми рамами, которые были в основном сломаны, но это было не потому, что район был «плохой», и не потому, что жителям окрестных домов было все равно. Напротив, здание считалось одним из самых ценных объектов недвижимости в городе. Еще в восьмидесятые годы, когда динозавры бродили по земле, а Уильямсбург был центром стекольной промышленности города, «Lancaster Glass», которая владела зданием с 1850 года, оставила свой завод, склад и перевела свои производственные цеха в Китай. Никто не заботился о здании до конца девяностых. А затем озаботились все.

Окна от пола до потолка. Наружная кирпичная кладка. Захватывающие дух виды на город. Открытые площадки. Описание здания звучало как копия объявления от риэлтора до того, как было заменено первое поврежденное окно.

Но застройщики сразу же наткнулись на камень преткновения. Если бы все юридические вопросы с этим зданием были так легко решаемы, то его бы уже не было. Здание было заложено у трех сторон, каждая из которых хотела продать или переделать здание сразу, и был наследник — Кэтрин Ланкастер, которая ничего не делала. Кэтрин хотела вернуть производство в Бруклин. Это была единственная причина того, что здание не было преобразовано в апартаменты, хотя активисты, которые полагают, что Нью-Йорк не нуждается в еще одном роскошном кондоминиуме, любили думать, что они имели некоторое отношение к срыванию сделки после соглашения. Застройщики со своей стороны, были более терпеливыми. Они просто ждали, когда Кэтрин умрет. Она, между тем, зарабатывала неплохие деньги, сдавая в аренду площади для модных съемок и фильмов.

Лора спустилась по Второй Южной улице к воде. Здание «Lancaster Glass» стояло посреди пустой набережной, как большой столб на краю земли. Желтые знаки со стрелками, загадочно обозначавшие фонарный столб, направляли ее к входу в воду. У оператора лифта был планшет. Она знала его, поэтому он впустил ее и щелкнул дверью за ней. Олли был хорошим парнем с потрясающей памятью на лица. Он любил управлять лифтами больше всего на свете, и даже надел свою форму для этого двухчасового полуночного концерта в Уильямсбурге.

— Привет, Олли, — поздоровалась Лора. — Уже кто-то подъехал?

— Ремонтники — одиннадцать человек. Команда по безопасности. Они с веревками и сетями, верно?

— Да, я полагаю.

— Ваш фотограф и его помощники тоже приехали сюда. Он немного... — Олли покрутил указательным пальцем у виска.

Она кивнула.

— Да.

— Модель пришла рано, и он стал нюхать ее дыхание. Как щенок. А затем он прошептал что-то на ухо другой девушке, и та сказала: «Чейз благодарит тебя за то, что ты не блевала перед съемкой, и хочет, чтобы ты знала, что это запрещено». Честно сказать, я хотел блевануть ему немного на ботинки, чтобы посмотреть, что он будет делать.

— Орать, как подстреленная выпь, вот что, — ответила Лора. — Запах сводит его с ума. Он распахнул двери и подмигнул ей.

— Одиннадцатый. Кофе налево.

Кофе был именно тем, о чем Лора думала. Она намешала себе чашку, затем направилась прямо к крыше, где должна была состояться съемка. В какой-то момент она, возможно, даже немного выпила, но следующий час был потрачен на подготовку и обсуждение деталей со стажерами, макияжа с Монти, одеждой с Марией и Карлосом, отвечающими за одежду и аксессуары, которые прибыли в высоких чемоданах на колесах, и, Руби, которая появилась за минуту до того, как Ровена вышла из-за занавеса.

— Ты в порядке? — спросила Лора.

— Они опечатали мою квартиру. Я даже не могу войти.

— Они объяснили тебе, почему они это сделали?

— Нет. — Она покачала головой, словно пытаясь ослабить шестерни. — Как дела у Чейза?

Фотограф, с его фирменной длинной копной кудрявой черной шевелюрой и кепкой, делал то, что всегда делал перед съемкой — держа камеру на груди, стоял прямо на пути и глядел вдаль. Он ни с кем не разговаривал — предварительно проинструктировал свою женскую команду, нашептав им инструкции на ухо. Они установили сетку над краем здания, а затем еще одну, большую пониже, и висячий паллет для Чейза и его бесшумной камеры.

— Он не доволен Ровеной, — сказала Лора. — Томасина работала с ним сто раз. Она могла читать его мысли. С Ровеной ему придется поговорить. И она, очевидно, кутила ночью.

Он стоял там до тех пор, пока солнце не оказалось в нужном месте на небе, и его команда, как хорошо обученный отряд убийц, перестала разговаривать и застыла, когда он поднял руку. Человек, ответственный за музыку, пустил запись, и Ровена вышла из-за занавески в шелковом платье, который выглядел как двадцать ярдов обернутого вокруг нее и зашитого тюля.

— Она не может ходить, — сказал Руби.

— В этом-то и дело.

— Ты сделала это, потому что тебе не нравилась Томасина. Теперь, ты довольна?

— Я довольна тем, что она выглядит точно так же, как Томасина, но с другим лицом и акцентом, который я хотя бы могу разобрать. — Лора вытащила из кармана фиолетовую капсулу. — Ты когда-нибудь видела что-то подобное?

Руби, едва взглянула на нее, прежде чем ответить.

— Это, наверное, витамин.

— Не бывает витаминов сиреневого цвета.

— Откуда ты знаешь?

— Как будто кто-то вылил конфетку «Pixy Stix» в прозрачную капсулу. И что с тобой? И почему ты становишься в оборонительную позицию из-за таблетки, которую даже не знаешь, где я взяла?

— Мне просто жаль Ровену, и это твоя вина, что она не может нормально ходить.

Лора подозревала, что что-то не то, но у Руби был такой кислый вид, что она отстала от нее.

Съемка была простой. Модель стояла над уступом в платье, в котором не могла сделать и шага, откинувшись так, что за её спиной открывался вид на город. Образы должны были быть великолепны, получив одобрение всех четырех: Лоры, Руби, Томасины и Чейза, который только кивал, хмыкал или шипел. Внизу была натянута сетка, к модели приделана страховка, а также платье настолько плотно прилегало, что кадр звенел от напряжения. Ключевым было согласие Томасины выглядеть так, как будто она падала на двадцать пять этажей, чего Лора не понимала, пока Ровена не вышла в платье с юбкой длиной до лодыжки, в котором девушка надеялась ходить, но не смогла.

Чейз сделал рукой жест, и Ровена переместила, насколько возможно, все шесть футов²¹ направляемых тканью ног, выглядя абсолютно недоступной представителю любого пола для секса, дружбы, или чашки кофе за два доллара. Она повернулась боком, и Лора заметила кости на руках и задумалась, как Ровена может быть такой тонкой, словно некоторые внутренние органы и мускулатура были удалены, чтобы ее кожа могла лучше прилипнуть к ее костям. Но то, что выделялось больше всего, заключалось в том, что, несмотря на всю нехватку подготовки, Ровена неплохо справлялась. Если Чейз выполнит свою работу, то съемки отправят девушек по всей стране кувыркаться над крышами.

Лора повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть подходящую к ней Рокелл Рик.

— Это было ловко, — сказала Рокель, потягивая сливочный кофе из старинной китайской чашки. Лаура была уверена, что кофе и чашка пришли из «Marlene X» на Третьей, с совместного завтрака с моделями, теми, кто хочет стать моделью, агентами, продюсерами, как настоящими, так и фальшивыми, модными выскочками, и случайными популярными дизайнерами в поисках неизвестного стиля.

Лора погладила невзрачный бумажный стаканчик, держа в руках уже холодный кофе. Однажды она была в «Marlene X», и ее поймали без денег, и ничего не взяли. Она была унижена и никогда больше туда не возвращалась.

Рокель, казалось, чувствовала мысли Лоры, как кошка, и играла на них, как сука, когда сказала:

— Моя девушка умерла, а вы двое не теряете ни секунды.

Несмотря на усталость, язык у Лоры, как всегда, работал быстрее мысли.

— Пожалуй, если бы я умерла в субботу днем, Томасина бы не пропустила воскресный ланч.

Рокель звякнула чашкой о блюде, и они вновь принялись наблюдать, как продвигается съемка.

— Никто бы не пропустил, но она бы сделала это не так публично.

Лора повернулась к Рокель, чтобы увидеть выражение ее лица, но на нем было слишком много косметики, чтобы что-то понять.

Модельный агент улыбнулась.

— Она была классным работником. И многие знали об этом. О, и не начинай о подиуме и Руби. Это был досадный момент. Я слышала, что и у тебя они есть.

Лора снова повернулась к съемке, своей съемке. Ровена подняла руку вверх, затем вниз и сделала большой круг с другой рукой. Лора была уверена, что женщина сейчас упадет через край. Даже со страховкой было страшно, и ее инстинкты отказывались верить, что Ровену поймают. Но модель выровнялась, откинулась влево и зарычала в камеру, в момент

щелчка затвора. Даже Чейз произнес шокированный звук. Ровена, казалось, устала, и он поднял руку. Его команда бросила все и кинулась к нему: один спустил паллет с Чейзом и подал ему контейнер с чем-то коричневым и сыпучим; кто-то вручил Ровене миску с миндалем.

— Отличная работа, — сказала Рокель. — Вы делаете их красивыми, а затем выбрасываете из зданий. Вы играете на общественном презрении. Все остальные — на амбициях.

— Это не входило в мои намерения.

— Конечно, нет. — Рокель подошла к Ровене. Она говорила мягким голосом и гладила волосы модели.

Лора почувствовала руку на плече и, повернувшись, увидела Монти, стилиста Джереми, а теперь ее — из-за того, что она, видимо, не имела никаких связей за пределами круга знакомых её бывшего босса. Они хотели обменяться воздушными поцелуями, но Лора повернула голову не в ту сторону, и поцелуй пришелся в щеку.

— Вчера ты была великолепна, — прошептал он.

— Может быть, ты поможешь мне сегодня?

— Как Руби? Держится?

— Отлично.

— Давай я что-нибудь сделаю с твоим лицом? — спросил Монти, в очередной раз, выпрашивая разрешение добраться до Лориного лица. — Пожалуйста?! — Его скорченная мультяшная мордашка была старой уловкой, но сегодня, расстроенная фотографией в газете, Лора сдалась и села к нему на стул.

Первое, что он сделал, — это закапал капли в глаза.

— У тебя глаза красные, как у омара. Ты не спала?

Лоре не хотелось отвечать ни на какие вопросы о ее бессоннице.

— Как ведет себя Ровена?

— Она все время в туалете. Уже как дива.

— Чейз взбесится, если почувствует, что ее тошнит.

— Ровена? Никогда. Милая, она просто не утруждает себя едой с самого начала.

— Монти мазнул кистью по щеке Лоры и продолжил. — Димфна ест саму себя. Она просто жует жвачку, потому что нет ничего хуже, чем дыхание девушки после похода в туалет. Особенно после сыра. Они все притворяются, что похожи на твою сестру. Есть как свиноматка у корыта, и не прибавить и сантиметра в талии. Но не могут, дорогая.

— Ты знаешь все об этих девушках.

— Конечно. Они все время оказываются в моем кресле, после туалета или нет, поэтому я должен знать о них все.

Она потянулась назад к сиреневой таблетке, чуть не получив при этом кисточкой от туши в глаз.

— Сиди смирно, — сказал Монти.

— Подожди, ты видел их раньше? — Она протянула таблетку.

Он взглянул на нее и вернулся к работе.

— Где ты это нашла? — прошептал он. Выглядел стилист при этом крайне серьезно.

Лора сразу же поспешила спрятать капсулу в карман.

— Что это?

— Диетическая таблетка, — сказал он. — Это из Амстердама или Нидерландов.

— Амстердам находится в Нидерландах.

Он пожал плечами. По-видимому, география не была его сильной стороной.

— Она вызывает аллергию на еду. Они так говорят, во всяком случае. Но не похоже, что эти сороки были учеными, если ты понимаешь, о чем я. Где ты его взяла?

— Я нашла её у одной из девушек. — Это была правда, но правда, которая могла бы помочь ей узнать чуть больше информации.

— Не говори мне, — сказал он, попадая прямо в ее ловушку, — Димфна Бэстил.

— Нет.

— В самом деле? Я удивлен.

— Почему?

— У нее толстые пальцы. Никогда не замечала? Она склонна к полноте, поэтому изо всех сил борется с весом.

Лора собиралась спросить Монти, что именно он имел в виду, под словами склонна к полноте, и что именно он видел, когда разглядывал пальцы Димфна Бэстил, но появилась Ровена. На ней был матовый черный обтягивающий костюм, который одевался под следующее платье. Все согласно порядку одевания: нижнее белье, макияж, волосы, верхняя одежда. С волосами пришлось повозиться подольше, чем с примеркой одежды, но вскоре девушка стояла в последнем костюме. Ровена должна была представлять платье-оригами, подозрительно напоминающее платья, из-за которых Лора чуть не провалила экзамен в Парсонсе. В невообразимой трапеции, состоящей, из черно-белых конусов и галстуков, напрочь отсутствовала шея.

Ровена протянула одну из завязок.

— Как это работает?

— Это похоже на математику, — сказала Лора, заправляя, складывая и завязывая. — Ты носишь его в соответствии с первыми тремя аксиомами евклидовой геометрии²².

— Я пропустила этот урок, — пробормотала Ровена. Монти что-то брызнул в волосы, и она оттолкнула его. Но он проигнорировал её, заканчивая работу.

Лора завязала последний узел и завернула заднюю часть в скрытый капюшон.

— Ну, получить пятерку за неё достаточно трудно. Я слишком вожусь с этой вещью.

— Дорогая, — сказал Монти, отводя капюшон в сторону. — Я не знаю, что это значит, но давай ты будешь суетиться с этим платьем, когда я закончу, хорошо?

Прогнанная, Лора обнаружила, что ее сестра суетится с бумажным пакетом, полным браслетов.

— Серебряные? — спросила Руби.

— Да. Должны были быть с серо-лиловым.

— Я планировала надеть много их на левой руке, но теперь я думаю... — Она приподняла два браслета.

— Хорошо. Эй, — сказала Лора, как будто какая-то интересная мысль только что пришла ей в голову — Я тут подумала, а что, если Томасина ввязалась в какую-нибудь диету с таблетками и смешала её с алкоголем?

— Я не знаю, но вот отличная идея. Боже мой, это гениально! Подождите. У меня кое-что есть. — Руби приковала к себе все внимание Лоры, что даже не смотрела в сторону Ровены. — Хм, если я расскажу об этом, ты будешь знать обо всем? Окей. Это все разрешит. А что, если... ты решила, что я тебя прощу за то, что ты вытворила?

— Она была твоим другом. Тебе все равно?

— Нет, мне это действительно важно. Я только об этом и думаю. Но поскольку найти ее убийцу означает, выставить Томасину в дурном свете, я бы предпочла, чтобы это сделала полиция.

— Принимать таблетки для похудения — это зло? Эти девочки должны это делать, или их бедра не будут влезать в узкие джинсы.

— Сегодня это таблетки для похудения, завтра, кто знает, что ты раскопаешь? — Руби подняла небольшой серебряный браслет с камушком, который переливался на утреннем солнце.

Он был прекрасен, и Лора погладила его большим пальцем.

— Ты имеешь в виду, что она спала с Бобом Шмиллером?

Руби застыла с расширившимися глазами. Возможно, она бы и подтвердила это заявление, но их прервал парень с каштановыми волосами в идеальном беспорядке, в идеально посаженных кожаных штанах, с резкими зелеными глазами и акцентом, которые не оставлял места для раздумий.

— Кто из вас нашел Томасину?

Лора могла сказать по открытому рту Руби, что та собиралась добровольно рассказать обо всем. Возможно, это была его внешность, или, может быть, грубость его голоса, но именно то, что вдохновило Руби ответить, сразу же вдохновило Лору сделать шаг вперед и сбить с мысли свою сестру.

— Простите, кто вы? И почему я должна отвечать?

Позади мужчины возник один из помощников Чейза, который пусть и не в силу полномочий, но по приказу фотографа, вмешался и сказал:

— Мистер Чармен желает, чтобы вы покинул площадку немедленно.

Но парень в коже никак не отреагировал. Он не сдвинулся ни на дюйм от Лоры.

— У моей сестры кое-что пропало, когда они ее нашли. Если вы украли это, я могу предложить вознаграждение и никаких вопросов. — Его предложение звучало, как тикающая бомба замедленного действия.

Лора ничуть не оскорбило обвинение в краже. Может быть, потому что частично оно было справедливым. Однако перед ней открывалась возможность узнать больше информации. Парень был в расстроенных чувствах и мог сказать что-то полезное. Он также был Рольфом, парнем по телефону, кричащим: «Wecken, wecken». Она не узнала его с волосами.

— Сумка? — Спросила она.

— Бумажник.

— Я не крада его, но я знаю, где он.

— Сколько ты хочешь?

Чейз так громко щелкнул пальцами, что все услышали его на другом конце крыши. Ровена стояла у уступа, ожидая аксессуаров, весь Манхэттен простирался перед ней, а солнце поднималось и поднималось, меняя свет каждую секунду.

— Я хочу знать, кто такая Сабина Фош.

Руби встряла:

— Кто...?

— Это не важно, — ответил Рольф.

— Я согласна, — вцепившись в браслеты, как будто она решила перейти к разговору о достоинствах серебра и платины, сказала Лора.

Рольф подошел ближе к Лоре. Он говорил тихим голосом, более умоляющим и менее требовательным.

— Там, откуда мы родом, мы не можем свободно передвигаться. Мы не можем покинуть усадьбу. Все нас знают, и есть те, кто очень быстро покончит с нами. Ей нужно было другое имя. Мне тоже.

— Чтобы, она могла сходить в продуктовый магазин?

— Разумеется, — сказал он, словно уступая.

Она посмотрела на часы, и пошла в сторону Ровены с браслетами, бросив через плечо:

— Бумажник был у меня сегодня утром, но сейчас должно быть он у полиции.

Рольф остановился на секунду, словно хотел узнать больше, а затем ушел.

Съемка продолжилась еще два часа, большая часть из которых была потрачена на подгонку одежды, прически, и макияжа Ровены. Чейз использовал пленку, а не цифру, и не менял его ни разу. Все, что было снято за эти три часа, было на одной пленке. Фотографы обычно нажимали на затвор и держали там палец, пробивая сотни кадров, чтобы получить один точный. Лора спросила об этом одного из его помощников.

Девушка, которой она дала бы не больше двадцати, ответила:

— Ему нужно пять кадров для композиции и десять, чтобы дать редакторам что выбрать. Но он всегда знает, когда снимать, и он всегда это понимает. Он потрясающий — прошептала она со слезами на глазах.

Они получили доступ к крыше сарая девять футов высотой с лестницей, которой заканчивалась металлической дверью. На последней съемке Ровена сидела наверху, широко расставив ноги, смело представляя платье из темно-серых прорезиненных драпировок. Она повернулась на камеру, что бы было видно красную отсрочку по подолу.

Где-то раздался звон телефона, и Ровена отошла от верхней части сарая и спустилась по лестнице к крыше здания. Съемка была окончена. Она попрощалась мимоходом, мчась в Центральный парк, на показ, взяв туфли на платформе в руку.

Руби выглядела обеспокоенной, наблюдая, как Чейз собирает свою камеру и уходит.

— Говорят, он может получить все в пятнадцати кадрах, — сказала Лора.

— Да.

— И Ровена выглядела великолепно.

— Да.

— За исключением коричневого пятна на ее лодыжке.

— Да.

— Руби, что у тебя на уме?

— Откуда ты узнала это имя? Сабина Фош?

Лора не хотела признавать, что она дважды совала нос в сумку Томасины, поэтому она сказала приблизительную правду.

— Я нашла ее сумку в обуви и открыла кошелек.

— Так ты узнала о Бобе?

— Да.

Руби повернулась и посмотрела ей в глаза.

— Ты всегда выглядишь такой хладнокровной сучкой, как будто тебе на все плевать, кроме бизнеса. Но это не так. Ты говоришь ужасные вещи о Томасине и продолжаешь дальше жить своей жизнью, как будто ничего не случилось. Но ты собираешься выяснить, почему она умерла, не так ли? И отомстить за нее.

Лора закатила глаза. Руби схватила ее за плечи и воскликнула:

— Стью!

— А что с ним еще?!

— Он знает всех и вся. Мы можем спросить его, что он думает.

— Руби, нас ждет работа. Корки в салоне один.

— Все на показах. Давай. Во всяком случае, ни у кого нет денег на покупку до конца месяца.

— Час назад ты говорила мне не лезть не в свое дело

Но Руби, непостоянная ведьма, уже тащила ее по улице на восток до Бедфорд-авеню, где гуляли хипстеры, художники и безработные.

Глава 6

Для некоторых людей девять утра было слишком рано, судя по их мутным глазам и медленным походкам по проспекту. Очередь уставившихся в телефоны бородатых мальчиков и девочек с волосами цвета хурмы, обвивала парадную дверь кофейни. После помоев на съемке Лору соблазняла мысль встать в конец очереди, прекрасно понимая, что этим лишь оттянет неизбежное. Руби, почувствовав ее замедленный темп, наоборот ускорила у кофейни.

— Я не знаю, что заставляет тебя думать, что Стью все знает, — пробормотала Лора.

— Не то, что он знает, а то, что он может узнать, и что может выяснить.

При других обстоятельствах Стю был бы первой инстанцией в любое время, когда что-то беспокоило ее или казалось неправильным. Но между ними все изменилось. Или они изменились не так, как ожидали. И вся эта путаница привела к дискомфорту, которого Лора изо всех сил старалась избежать.

После того, как убийца Грейси был найден, всем стало известно, что Лора и Стью встречаются. Нададь регулярно стал называть их парочкой, раньше, чем они даже стали держаться за руки, а Руби, свободная от помолвки с придурком Майклом, отдала все свои свадебные эскизы Лоре. Это настолько въелось в сознание, что Лора с головой сразу же погрузилась в семидесятичасовую рабочую неделю, а Стью начал писать статью об убийстве Померанц и ее участии в расследовании. И время, которое они должны были провести в полутемных ресторанах и за закрытыми дверями, проводилось с Лорой, сгорбившейся над ее работой и отвечавшей на провокационные вопросы Стью о двух неделях в феврале, когда она распутала дело о подделках и убийстве Грейси. Затем Стью предложили написать статью для «Нью-Йорк таймс». Но они потребовали еще пять тысяч слов и три месяца исследований, а темп работы в самом престижном журнале в мире — со слов Стью — превратили его в отшельника. Он даже бросил работу курьера, работу диджея и свою стажировку в журнале «Cultcha Bustas».

Потом, когда она скрепляла ромбовидную промежность брюк «Парсиппани» и думала обо всем, кроме него, он позвонил. После обычных любезностей он сказал:

— Я должен тебе кое-что сказать.

Все еще слишком глупая, чтобы волноваться, она ответила:

— Хорошо, что у нас есть телефоны.

— Ну, — начал он, а затем остановился. Это был первый раз, когда ему когда-либо было неудобно говорить что-либо вообще, и хотя она заметила это, Лора не прекращала скреплять штаны ни на секунду.

— Ты бы мог говорить, вместо того чтобы делать то, что делаешь. — Она сказала шутливо, но он искал способ начать беседу, и через несколько недель она поняла, что преподнесла его на серебряном блюде.

— Мы очень результативны, я и ты, — сказал он. — Мы идем на ужин, и я приношу свою записную книжку. Мы встречаемся в твоём офисе на обед, потому что ты не можешь прекратить свою работу.

— Да. — Она вытащила брюки из формы и вывернула их наизнанку, заправив одну брючину в другую, чтобы проверить средний шов. Дефекты, обнаруженные во время примерки, не были заметны на образце, но вывернув брюки таким образом, она увидела, что форма изменилась во время шитья.

— Мы фактически не ведем себя как люди, которые встречаются, — продолжил он.

Её показалось, что сердце проткнули. Что-то было неправильно, и её ответ, что они не были похожи на всех остальных, не помог бы.

— Мы же договорились притормозить, пока не выйдет статья, и у меня не пройдет мой первый показ.

— Я встретил кое-кого, — выпалил он.

— Что?

— В последний раз, когда я поцеловал тебя, ты уже вышла из бара, и ты сказала мне взять его обратно. Мы только думаем, что мы вместе с тех пор. На самом деле мы совсем не вместе.

— Это ты о сексе?

— Не надо сердиться на меня. Ты слишком хороша для этого.

— И как я должна это понять? Кто она?

— Мне жаль, что я рассказываю об этом по телефону.

— Ты серьезно избегаешь вопроса? И кто ты теперь? — Она фактически перестала работать над штанами и выглянула в окно. Был вечер, и большинство офисных окон погасли. Она посмотрела на часы — девять тридцать.

— Я встретил её на митинге протеста в мэрии, куда Нададь потащил меня. Она милая, но дело не в ней.

— Правильно, — сказала Лора, — речь идет о несуществующих нас, верно? И тебя это стало беспокоить только тогда, когда у тебя кто-то появился? — Он, возможно, хотел что-то сказать, но она не дала ему шанса. — И как её зовут?

Он что-то сказал. Это были не Мэри, Джейн или Стефани, а что-то чужое и экзотическое.

— Тофу? — закричала она. — Ты встречаешься с кем-то, кого назвали в честь прессованного растительного белка?

— Лора, пожалуйста, не говори того, о чем потом будешь жалеть. Мы всегда должны оставаться друзьями.

— Белые кубики в рассоле? Вот с кем встречаешься?

— Я не позволю тебе так все извращать.

— Это слишком отвратительно, даже для тебя. — Она так крепко вцепилась в брюки, что помяла их.

Когда она спускалась вниз по Бедфорд-авеню вместе с сестрой, она подумала о том, о нескольких неестественных разговорах, которые она вела со Стью с тех пор, разговоры, которые он начинал чтобы смягчить их размолвку. Она приготовила несколько сотен

причин, почему они должны постараться совсем не видеть его или говорить с ним.

— Слишком рано, — сказала она.

Руби, которая знала всю историю от и до, знала то, что делает и полностью ее проигнорировала. Лора была готова поклясться, что Руби специально ускорила, заставляя её почти бежать на Четвертую Норт-Стрит, и повернуть направо, чтобы она не успела придумать оправдание или задуматься о реальных мотивах Руби. Они остановились перед маленьким особняком Стью, который был похож на любой другой особняк в квартале и рос в цене с каждой минутой. Она вспомнила, как сказала ему, что он переплачивает, а он был слишком хорош, чтобы указать на ее ошибку.

Руби постучала в дверь, прежде чем Лора могла вздохнуть свободно, и по мере того, как секунды тикали, она увидела себя в отражении окна. Монти так и не закончил её макияж, поэтому правый глаз был полностью покрашен, а у левого была какая-то база и немного чего-то еще, но он вообще не выглядел завершенным.

— Я похожа на рекламу Мерле Нормана! — воскликнула она, но было уже слишком поздно. Входная дверь открылась, и за ней стоял Стью, после душа и полностью одетый. Лора внезапно почувствовала усталость и изнеможение.

— Привет, Руби, — сказал он. Его улыбка при виде Лоры, была достаточно искренней и успокоила ее. Она все еще ему нравится. Что бы ни случилось, она ему все еще нравилась. Это и полный билет на метро помогут ей добраться до центра.

— Стью, — сказала Руби, — нам нужен твой мозг.

— Все, что от него осталось, полностью в твоём распоряжении. — Он взглянул на Лору, прежде чем отступить в сторону и пустить их в дом.

Темная деревянная лестница была увенчана окошком, из которого в фойе лился свет. Этот эффект делал Стью похожим на таинственного ангела, его бледное лицо оставалось в тени, а свет сиял в золотых волосах. Это не то, что было нужно Лоре. Ей был нужен прибавивший пятьдесят фунтов и пахнувший несвежим кофе и свежим чесноком. Увы, он был все еще тем же самым Стью, которого она выбросила. Точнее, Стю, которого она выронила из кармана, когда бежала к автобусу.

— Что у тебя на лице? — спросил он.

Она повернулась к зеркалу. Дому было сто лет, а деревянные вещи были такими же, как и когда он был только построен. В фойе была деревянная скамья со стойкой для шляп и крючками для одежды. Зеркало служило центральным элементом, и Лора покрутила лицом из стороны в сторону. К счастью, Монти успел припудрить ей лицо целиком.

— Выглядит мило, — добавил Стью.

— С какой стороны? — спросила она.

— Да.

Руби хихикнула, но Лора даже не подумала, что это смешно. Его ответ заставил ее почувствовать, что ему все, равно какая сторона, но она не собиралась превращаться в сумасшедшую еще больше и давить на него.

— Поднимайтесь. — Он пошел, вперед показывая дорогу, шаркая тапочками по деревянной лестнице на старческий манер. Одет Стью сегодня в узкие джинсы, хлопковую рубашку и неправильно застегнутый широкий кардиган в хипстерском стиле. Неправильно застегнутые пуговицы, казалось, улучшали прилегание свитера, делая его интересным асимметричным образом. Трудно было удержаться, чтобы еще раз не взглянуть на него, потому что ей хотелось исправить кнопки, но второй придирчивый взгляд решил, что все

идеально.

О, как она хотела ненавидеть его.

Как только она вошла в квартиру, она действительно возненавидела его. На журнальном столике лежала кожаная сумка с бахромой, а также папка с файлами, ноутбук и гладкий маленький принтер. Насколько она знала, Стью не был неряхой, и не носил сумку с бахромой.

— Что здесь случилось? — Спросила она.

Руби шлепнула сестру по руке.

Он направился к кухне.

— Я работал над статьей. Не хотите ли выпить кофе?

— Папа Римский гадит в лесу?

Руби взглянула на газеты.

— Почему твоя книга еще не вышла?

— Руби! — прошипела Лора.

Стью продолжил, как будто вопрос его совсем не задел.

— Все началось как детектив-любитель, вроде твоей сестры, охотится за убийцей богатой женщины. Но я приплел сюда целую коррупционную сеть. Таким образом, его жизнь в серьезной опасности. И весь сюжет пошел куда-то не туда. Но редакторы считают, что это классно, и выступают за то, чтобы дать герою полную свободу. Посмотреть куда его заведет судьба, так сказать. Поэтому, пока сюжет еще не готов, и у меня есть время, я свободен.

— Круто. Эй, мне нужно воспользоваться дамской комнатой, — встряла, Руби. В ответ белый шум, которого они не заметили, прекратился, и в комнате стало слишком тихо. Это был душ, и кто бы его не принимал, он закончил. Руби откашлялась и села. Тишина была толще пухового пальто.

— Ты слышал о том, что Томасина Вэнт умерла во время нашего показа. Лора решила нарушить тишину.

— Трудно не услышать об этом, — ответил он. Его тон подразумевал, что в мире куда больше трагедий и происшествий, которые могли бы занять место в газете. — Еще одна богатая женщина умирает, и мы все должны забросить все.

— Боже мой! — воскликнул Руби. — Ты снова это делаешь?

— Ты имеешь в виду отстаиваю интересы маленьких людей?

— Нет, — ответила за него Лора. — Я думаю, она имеет в виду жалобу на мертвых богачек, о которых ты пишешь статьи и книги.

Она знала, что это вовсе не то, что имела в виду Руби. Руби была слишком расстроена, и, вероятно, даже не заметила этого двуличия. И хотя у Лоры не было намерений заходить слишком далеко со Стью, шум в ванной не дал ей и пяти минут. Она не хотела, чтобы Тофу слышала, как она бьет по яйцам Стю из-за этого или чего-то еще. По какой-то причине она хотела, чтобы новая подруга беспокоилась о ней, что полностью противоречило ее собственным интересам, но она не контролировала извращенный импульс.

Стью перевел взгляд на Руби.

— Туше.

— Ладно, у нас сегодня ещё много дел, — сказала Лора, все еще беспокоясь о том, что из ванной может кто-нибудь выйти. — Могу я попросить тебя об одолжении? Потому что ты знаешь всех и вся.

— Естественно. — Он присел рядом с Руби на диване.

— Я случайно просмотрела вещи Томасины.

Стью смеясь, почти поперхнулся кофе. Руби толкнул его локтем.

— Прости, — сказал он. — Продолжай.

— Все вещи в ее кошельке были сделаны на имя Сабины Фош. Кредитные карты. Европейские водительские права.

— Библиотечная карточка? — спросил он.

Она проигнорировала его шутку.

— Ее брат сказал, что это была личность, которую она использовала, чтобы путешествовать и ходить в супермаркет. Что бы никто её не узнал. Но ты же знаешь, у неё было столько денег, что она вполне могла отправить в магазин горничную. И она ни капли не стыдилась того, кем она была. Итак, ты сможешь узнать, что это за человек?

— Сабина Фош?

— Нет, брат.

Он посмотрел на нее так, словно пытался проникнуть в ее мысли.

— Что еще? Мне нужны все детали. Где и как ты натолкнулась на эту информацию и что точно сказал Рольф.

Он уже знал имя брата Томасины. Очень впечатляюще. Но ей не хотелось особо распространяться, как много она успела посмотреть в сумке Томасины, тем более перед Руби. Лора рассказала историю, опустив часть с возвращением в офис в час ночи и копированием квитанций, пока Стью наливал ей чашку кофе, а Руби сок. Куда могла влезала Руби, рассказывая ему, что Томасина потрясающая подруга, и инцидент на подиуме был просто несчастным случаем, и что даже ее сестра-чудовище полюбила немецкую наследницу.

В тот момент, когда дверь в ванную отворилась, Стью сказал:

— У меня, конечно, будут условия. Я помогу достать вам любую доступную информацию. И все мои источники легальны. Но это будет моя история. И у меня будут эксклюзивные права первым получать информацию обо всем, что с вами, ребята, происходит, что вы говорите, и все, что будет касаться дела Томасины Вэнт.

— Ты превращаешься в торгаша, Стюарт. — Раздался мелодичный женский голос с легким акцентом, который лишь добавлял большей музыкальности совершенной речи. Пять девять и ни миллиметра больше шестого размера²³, она была сияющей и чистой в джинсах и белой рубашке. Когда девушка искренне и тепло улыбнулась, Лора почувствовала вину за то, что так ее ненавидела.

Девушка протянула руку Руби.

— Я — Тофу, — сказала она, но прозвучало это совсем иначе. То, что она сказала, звучало как экзотический плод с тонким сладким вкусом. Таа-Фоу.

Руби пожала руку Тофу, и до Лоры дошло, что Тофу думает, что Руби — это она, потому что, если кто-то опишет ее и сестру без фотографий, то он или она мог бы использовать те же самые слова. И если кто-то чувствует угрозу от кого-то, и в комнате есть два женщины, ну, можно предположить, что проблемой будет наиболее привлекательная. Можно было бы подумать, что конкуренция была равной. Но нет, это была женщина три дюйма короче и на пятнадцать фунтов тяжелее. И с половиной лица, как будто она играла главную роль в Заводном апельсине. Все, что ей было нужно, это высунуться из треугольника с ножом. Лора немного покачала головой, так что ее волосы закрыли глаза.

Руби многозначительно посмотрела на нее. Если бы она могла передавать мысли на расстоянии, ее взгляд сказал бы: «Веди себя естественно».

Лора откинула волосы с лица, выставив на обозрение свой накрашенный глаз.

— Я — Лора.

Тофу была просто образец вежливости, поскольку она тут же переключила свое внимание на Лору и крепко пожала протянутую руку. Как полная сука.

— Приятно наконец-то познакомиться, — сказала она. Наконец-то. Как будто Лора была давно потерянной сестрой Стью или соседкой-канадкой.

— Дорогой, — обратилась она к парню, как бы показывая, кто есть кто, — ты достал палатку из шкафа в холле?

— Уже у двери. — Затем он повернулся к Лоре. — Тофу проводит акцию у «I.I. building» сегодня.

На «International Insurance» был наложен арест из-за уклонения от налогов и продажи необычных финансовых продуктов, которые составили легализованную азартную игру с инвесторами, управляющими хедж-фондами и пенсионным фондом федерального правительства. Генеральный директор получил девятизначную премию, а пенсионеры разорились. Старо как мир. Это погружало Лору в кому, а Руби начинала рассматривать ногти.

— Наш дорогой тоже должен был идти. — Видимо, наш дорогой был Стью. У Тофу, должно быть, были замашки старой леди. — Но он слишком занят, используя свои таланты для работы на крупное издательство.

— «New Yorker» — не крупное издание. — Но по выражению его лица Лора могла сказать, что он был в смятении, и по фальшивому тону разговора она знала, что проблема уже не раз обсуждалась до посинения.

— Дорогой... — Тофу коснулась его лица. — Сто маленьких, борющихся газет, которые поддерживают наше дело, войдут в историю. Даже «Village Voice». Не то, чтобы это идеально, но, по крайней мере, они помещают взгляды левых на проблемы.

— Из журналов с любым видом тиража, The New Yorker считается самым прогрессивным журналом в стране, без сомнений.

Она закатила глаза.

— Кофе есть?

— О, прости. — Он указал на Лору, которая схватила чашку, в которой, по-видимому, было кофе Тофу.

— Хочешь еще? — предложила Тофу.

Лора поставила кружку на стол.

— Я как раз собиралась уходить. Было очень приятно встретиться с тобой.

— Мне с тобой тоже!

Руби попрощалась, но из-за реакции Тофу, было ясно, что энтузиазм в ее приветствиях был основан не на теплоте, а на восприятии угрозы для ее территории.

Стью спустился с ними открыть дверь.

— Я позвоню тебе, если у меня что-нибудь появится.

— Она сгрызет тебя, если ты потратишь на это слишком много времени, — вмешалась Руби.

Лора проигнорировала ее.

— Она милая, Стью. И симпатичная.

— Рад, что ты одобряешь.

Она услышала легкое раздражение в его голосе, как будто он либо думал, что она лукавит, либо она была сосредоточена не на том. Поэтому она должна была сделать что-то, чтобы произвести на него впечатление, и единственный способ произвести впечатление на этого конкретного хипстера — быть честной до боли.

— Я не сказала, что я её одобряю.

— Мне нравится, что ты никогда не меняешься, — сказал он.

Но ей это не нравилось. Совсем.

Они стояли в очереди за кофе в каком-то богемном кофе. Это была ее четвертая чашка за день. Чтобы продержаться еще пару часов, ей нужен был какой-нибудь допинг, и выбор пал на кофеин. Руби, увязалась за ней, хотя Лора знала, что ей куда-то нужно.

— Собираешься в выставочный зал? — спросила, Руби.

— Нет, я должна привезти Йони заказ на утвержденные ткани, или она родит кальмара.

— Это некрасиво. Не стоит ей желать такого.

— Почему? Ты думаешь, что я могущественная ведьма? Прокляла Томасину, потому что хотела, чтобы она умерла за тот случай на подиуме?

— Ты этого не делала!

— Боже, ты как маленький сентиментальный фашист. Какое вообще тебе дело? — Лора отвернулась, по привычке разглядывая толпу и отмечая вещи, которые она видела. Полосатые джинсы с объемным геометрическим верхом, старинные очки, принты в мелкий цветочек, приглушенные цвета. Начесы, по-видимому, снова возвращались в моду. Она окрестила такой стиль «Geriatric Nouvelle» и постаралась запомнить.

— Приводить тебя к Стью было ошибкой, — сказала, Руби. — Я должна была потащить тебя к Джереми. Это бы тебя подбодрило.

— Что угодно было бы лучше.

— Он твой друг. Ты не должна просто выкидывать его из жизни.

— Я знаю, — едва слышно сказала Лора.

— Я знаю, что это сложно, но...

Она не могла стерпеть эту банальную пошлость, поэтому резко оборвала фразу сестры.

— Знаешь, что трудно? Что это был он? Он был моим шансом быть с кем-то, кто не интересовался тобой, и иметь кого-то, кого ты не сможешь украсть.

— Я не собиралась...

— В точку. Он мне нравился, и он был в безопасности от тебя, и я была в этом уверена, и я все испортила. Знаешь, как трудно слушать, как ты говоришь о реальных отношениях, а у меня нулевой опыт? Мне так надоело задаваться вопросом, что это такое. Я даже не могу читать книги, не завидуя героям, которые на самом деле... ну ты знаешь. — Она слишком поздно понизила голос. Парень, стоящий позади их, прекрасно все слышал, хотя и делал вид, что оглох.

Лора, подняла взгляд на Руби и тут же почувствовала внутри сожаление и желание извиниться. Но она не хотела ничего, кроме как убежать от всего разговора.

Как благословение свыше, они достигли конца очереди. Она что-то заказала, но забыла, что это было, а потом начала бормотать что-то о стиле старой леди в хипстерском комплекте, прежде чем Руби предложит дозу сахара или сочувствия.

Руби, знаящая о Джереми, была бесполезной для Лоры. Она имела дело с постоянным подмигиванием и подталкиванием, особенно после того, как Стю оказался таким неудачником. Намеки и уклончивые взгляды доводили ее до белого каления, и несколько раз Джереми, отведя ее в сторонку, спросил, все ли в порядке у Руби или она страдает синдромом Туретта²⁴, который не принесет пользы в демонстрационном зале. Конечно, как только он представил их всем и увидел, как Руби взяла под свой контроль ситуацию, какой она была привлекательной, теплой, представительной, и завела близких друзей, он зауважал ее профессионально. После этого похвала текла рекой, но он никогда не перебарщивал с ней. Лора считала это приятным поворотом событий. Несмотря на то, что она официально больше не интересовалась своим прежним боссом, она все еще питала небольшую, раздражающую нотку собственничества к нему, по крайней мере, в том, что касалось Руби. Ее сестра украдала у Лоры достаточно бойфрендов за всю её жизнь, чтобы знать, если Джереми захочет Руби, ее сестра будет готова встретиться с ним на полпути. И все хотели Руби. Она была как сила природы.

И это касалось не только мужчин. Женщины тоже жаждали дружбы с Руби. Томасина не стала исключением. Всегда выбор оставался за Руби: быть другом, любовником, или вообще не общаться. Даже Боб замурлыкал, когда впервые встретил Руби. Женатые мужчины были для неё табу, и, видимо, она отнеслась к его обетам более серьезно, чем он. Лора не представляла, как Бобу пришлось в голову, что ему хватит сил на роман и с Руби, и с Томасиной.

А что было в нем для Томасины? Деньги казались слишком легким ответом. У нее было больше, чем большинство людей заработали бы за всю жизнь. У Шмиллера не было ни статуса, ни каких-либо знаний за пределами футбольного поля, ни связей с людьми, которых бы она не знала. Лора отказывалась верить, что там были замешаны высокие чувства. Такие люди, как Томасина, даже рядом не ходили с такими людьми, как Боб, если у последних не было денег или связей. На самом деле, Лора прочно приколола к мертвой модели образ женщины, общающейся с такими парнями как Боб только ради выгоды.

Всю долгую прогулку в Тюдор-Сити, к прикованной Йони, ее и Джереми менеджеру по производству, Лора провела, беспокоясь о том, выложит ли Боб хоть один цент с участием в дизайне Иваны или без, если некая супермодель, вдохновлявшая его на это, мертва.

Йони не была женщиной, которая сидит на месте. Она была дико продуктивной, дотошной, четкой, скрупулезной и здравомыслящей. При желании она могла бы управлять своей собственной компанией, но была слишком занятой, чтобы открыть ее.

Поэтому Лора вообразила себе самое худшее, когда поднималась по лестнице, чтобы увидеть ее в довоенном кооперативе «Тюдор Сити», хотя бы потому что, когда находишься рядом с человеком, способным передвигаться со скоростью сто шестьдесят километров в час, собственные проблемы отходят на второй, а то и третий план. Йони, не стала бы сидеть на месте, даже если бы врач приказал ей, или привязал ее. Вот почему она стала фрилансером для Лауры во время отпуска по беременности и родам. Никто не мог удержать хорошую женщину и ее ребенка.

Крепкая женщина с кожей цвета вареников, не глядя, провела Лору в заднюю комнату. Квартира состояла из углов и коридоров, где стояли небольшие столики с маленькими безделушками, прекрасно сочетающимися с различными мелочами, разбросанными вокруг них.

Йони лежала на кровати с поднятыми ногами. Ее семимесячный живот был едва виден.

Пальцы стучали по клавиатуре, а пальцы ног шевелились в такт. Из колонок доносилась расслабляющая музыка, а на экране телевизора крутилась абстрактная картинка, меняющая форму, не предназначенная для пристального просмотра. Повсюду лежали книги, перевернутые вверх корешками, на манер закладок. Тем не менее, существовал определенный эстетический порядок, из-за которого даже беспорядок казался каким-то правильным.

— Что ты мне принесла? — спросила Йони, увидев Лору с картонной папкой.

— Утвержденные образцы. — Лора переложила несколько книг, похожих на кирпичи, со стула. Тома были озаглавлены «Взятие врага и техники проникновения для внедрения в будущем». Не удивительно. Папа Йони служил в Моссаде, и не было доказательств, что она не пошла по его стопам. Лора плюхнулась в кресло и вытянулась так, что ноги выпрямились, а пятки коснулись паркета.

— Надеюсь, у тебя есть прогнозы. — Когда Йони увидела лицо Лоры, она швырнула папку на покрывало. — Вам нужна поставка, или нет? Скажи мне сейчас.

— Йони, ты знаешь календарь лучше, чем я, и ты знаешь...

— Мы опаздываем.

— Как мы можем уже опаздывать? Мы разработали линию на год раньше срока поставки.

Йони на секунду прикрыла глаза, явно пытаясь сохранять спокойствие.

— Как долго ты работала на Джереми? Ты считаешь, что он календари для развлечения составлял? Покупатели ожидают увидеть продукт, когда они захотят, не раньше или позже, а календарь поставок был придуман Богом, так что это ваш личный ад.

— Нет, — сказала Лора. — Мой личный ад — это Ивана Шмиллер, обладающая решающей властью над линией, мертвая модель в моей ванной во время показа, попадание в неприятности из-за замены ее на съемке на следующий день, и партнер тире сестра временно не дееспособна, потому что она дружила с мертвой моделью, у которой, между прочим, есть очень горячий брат, кому я не доверяю вообще, и он появляется на съемке. Ох, и полицейские, которые полностью опечатали спальню моей сестры сегодня ночью.

Йони подняла глаза от папки.

— Почему?

Лора пожала плечами.

— Они не сказали.

— Даже если бы и сказали, то солгали. Послушай меня. Ты лучше меня знаешь. Они пришли, потому что думают, что твоя сестра — убийца.

— Ни в коем случае!

— Вэнт умерла? От огнестрела? Её задушила другая стерва? Нет. Её отравили. Вопрос почему?

Лора пожала плечами.

— Убирайся, — сказал Йони. — Ты своими разговорами раздражаешь ребенка. Она хочет выйти и дать тебе пощечину.

— Йони!

— У меня сейчас схватки. Из-за стресса. Из-за тебя. — Она вытащила из прикроватного столика пластиковую бутылку дистиллированной воды и залпом опустошила тару.

— Мне вызвать врача?

— Зачем тебе убивать кого-то ядом? Почему бы тебе просто не пристрелить его?

— Оружие грязное, громкое и труднодоступное.

— Придушить стерву.

— Она слишком сильная.

— Возьми нож. — Йони наконец налила себе воды в стакан вместо того, чтобы глотать её прямо из бутылки.

— Снова слишком хлопотно. И так трудно кого-то убить. Жертве слишком легко сбежать или выжить после удара.

— Ты можешь держать свою руку так... — Она согнула ладонь, так что костяшки пальцев торчали вверх. — И ударить в адамово яблоко. Это перекрывает доступ к трахее.

— Я не думаю, что обычный человек мог сделать это с первого раза. Я имею в виду, если бы её связали, и ударили пару раз. — Лора представила себе, как оседлала бы Томасину, била бы в её трахею, пока она проговаривала бы: «Немного влево. Нет, с моей стороны, влево».

— Итак, — сказала Йони, — ты утверждаешь, что жертву отравили, потому что она сильная, и убийца не хотел привлекать к себе внимания. У убийцы не было пистолета. Значит, он не профессионал. Скорее всего, убийство носило личный характер. Но и не было случайным. Определенно. Если бы это был несчастный случай, детектив у тебя дома не сидел бы. Как его звали?

— Кангеми. Я не знаю его имени.

— Думаю, ты ему нравишься.

— Ему нравятся только его шутки.

Йони пролила воду, когда ставила стакан на ночной столик.

— Если ты хочешь отравить кого-то ядом, то, как ты собираешься его ввести? Может быть, таблетка? Возможно, жертва принимает какие-нибудь лекарства, которые легко перепутать?

— Таблетки для похудения, но я не уверена, что речь о них...

Йони погрозила пальцем Лоре.

— В следующий раз, когда придешь с такими вопросами, продумай очевидные вещи. У меня нет времени, чтобы учить тебя тому, что ты должна понимать самостоятельно. — Она отколола образцы от папки и покрутила в руках лоскуток креп-шерсти. Затем глянула в прилагаемые бумаги и снова стукнула папкой по кровати, попутно размахивая куском шерсти перед носом Лоры.

— Они взяли неверный DEN лайкры. Я этого не вынесу. — Как заправский ковбой, она молниеносно вытащила из-под подушки красную ручку и нацарапала «ОТКЛОНЕНО» и подпись в верхней части страницы.

— Расскажи мне что-нибудь, — приказала Йони, делая заметки на других образцах. — Ты хочешь отравить кого-то. Тебе надо вынудить жертву съесть что-то, что она никогда не ела? Или ввести яд внутрь? Как ты его достанешь? Может, она уже принимала наркотики?

— Если соберусь отравить кого-то, — ответила Лора, — я положу яд в еду, которую она уже ела. Но мне нужен доступ к ее продуктам.

— Верно! Кто кормил ее последним?

— Она ничего не ела, Йони. Это ее работа. Но если бы она это сделала, это был бы завтрак. Или ужин накануне. — Лора была расстроена собственным ответом. — Или перекус, я не знаю!

Йони подняла руку, и Лора сразу почувствовала успокоение. Сразу стало понятно, каким родителем станет менеджер по производству. Строгая мать, с которой ребенок будет чувствовать себя в безопасности и в хороших руках, которая будет знать все ответы на вопросы, но ждать, пока человек дойдет до них самостоятельно. Полная противоположность матери Лоры.

— До этого, — вспомнила Лора, — когда я последний раз видела её, она была зеленая от рвоты, и Монти тогда сказал, что на ней лица нет. Должно быть, она заболела. Но она не сказала, что была больна всю ночь или внезапно или что-то еще.

— И?

— И значит, она уже была отравлена, но я не знаю, как долго.

— Поддай сейчас же мне ту книгу. — Йони указал на стол в стиле ар-деко.

Лора осторожно положила толстый том на колени Йони, потому что он был примерно одинаковый, как и в высоту, так и в ширину.

Йони раскрыла его.

— Расскажи мне больше о том, что случилось тем утром, пожалуйста. Что она говорила? Как себя вела?

— Она была нормальной. Просто немного больной.

Йони сжала кулак.

— Больше.

— Она была капризной, как обычно, и Руби встала на ее сторону.

— Капризной из-за чего? Боже мой, как ты можешь испытывать терпение беременной женщины.

— Она хотела надеть солнцезащитные очки на подиум. И Руби сказала: «Хорошо»? Да вы серьезно? Мало того, что это тупо, так мы их не арендовали и нигде не прописывали. Нас могли за нарушение авторских прав оштрафовать.

— Как она дышала?

— Я не заметила.

— Зрачки были расширены?

— Ты знаешь, я пропустила второй курс меда.

— Черная часть была большой?

— Солнцезащитные очки... алле, она не снимала их. Я спорила с ней, и она почти не отвечала, только извергала непонятные щелканья, которые должны, по всей видимости, походить на восточногерманский акцент «знатного богатого человека, который может делать все, что захочет». И вот, Монти пытался работать с ней, а она не сняла очки. Она готова была идти по подиуму с шелушащейся кожей, просто потому что? Почему? Я не знаю. Я не знаю, потому что он, наконец, просто снял их с нее, и это не было похоже на то, что у нее был синяк под глазом или что-то еще

— То, есть ты так и не увидела её зрачков.

— Зрительный контакт отсутствует. Она ростом около семи футов, так что я постоянно смотрю ей в нос.

Йони откинула книгу.

— Все слишком очевидно.

— Что?

— Ты не заслужила ответов. — Йони взмахнула ногами на краю кровати. — Очевидно, что она была убита, потому что тогда бы твой детектив из отдела убийств не крутился бы

вокруг.

— Да.

— Людей убивают по нескольким причинам. Любовь. Жажда мести. Деньги. Возможно, политика. Отравление хорошо для некоторых из них. Для политики. Да.

— Томасина? Единственная политика, которой она интересовалась, были сплетни из примерок.

— Не исключай её слишком быстро.

— Ну, забудь о мести или любви, — поправила Лора. — Потому что в чем смысл мести, если вы не стоите над ними, говоря им, что они умирают за то, что они сделали? И любовь—то же самое. Никого не убьют из-за любви, пока убийца не услышит последние слова. Потому что они надеются на извинения или сожаления. Нет. Это должны были быть деньги.

Йони поднялась с кровати.

— По крайней мере, ты включила свой мозг. И вот что я тебе скажу. Она надела солнцезащитные очки, потому что свет резал её глаза. Кожа была сухой. Щелканья и шипенья из горла, потому что она не могла что-то проглотить. Она была очень больна. Ты должен была быть вежливее.

Лора поджала губы. Она могла бы быть милее. Но что она должна была сделать? У нее было три жирафа, блевавших в задней комнате, двое из которых выглядели так, как будто это их первый выход, сестра-партнер, зеленая, как халапеньо, и слухи о том, что Пенелопа Сидуиндер с орлиным взглядом сидит снаружи. Так что да, весь спор из-за солнечных очков стал жестокой руганью со словами типа «озлобленной сучки», брошенных в порыве гнева. Вина заставила ее протянуть руку Йони, когда беременная осторожно пошаркала по полу. Помощь была отклонена, но Йони медленно продвигалась к ванной.

— Это были алкалоиды, — сказал Йони. — Все симптомы. Она пришла уже на показ с отравлением. Тебе повезло, что она не грохнулась на подиуме. МААВ напали бы на вас как бомбардировщики на цель. Теперь выясни, как они попали в нее. Сможешь это сделать?

— Кажется, я уже знаю.

Йони поднял бровь. Они были прямо у ванной. Лора побежала к сумке и выудила капсулу.

— Можем ли мы выяснить, является ли это алкалоидом?

— Я думала, что она не принимала таблетки?

— Я нашел это в её сумке.

— И не отдала полиции?

— Я отдала им все остальное. Но если они собираются начать обвинять мою сестру в чем-то и не сообщать мне об этом, мне нужно делать свою работу. Ты так не думаешь?

— Я очень впечатлена. — Йони взял таблетку. — Дай мне пару дней.

— Конечно.

Лора купалась в лучах признания, пока домработница провожала её до двери.

Только в холле девушка вспомнила, что она не сказала Йони о квитанциях, с которыми она определенно могла её помочь. Она вытащила копии из своей сумки и направилась обратно к лифту, задаваясь вопросами о подоплеке её мотивов, о тактичности беспокойства, ведь она сама их даже толком не разглядывала, дожидаясь удобного момента. Стоит ли в таком случае беспокоить Йони? Когда она начала просматривать страницы, она поняла, что одиночество вернуло ее обратно в лифт. У неё не было никого, с кем бы можно было

поговорить. Руби, слишком эмоционально на это реагировала. Стю бы с продуктом переработки белка. Корки развлекал покупателей. Мама переживала из-за душевного состояния Руби. Джереми был слишком погружен в бизнес; он непременно сказал бы ей отступить и шить.

Йони была отличным человеком, чтобы поговорить, и она казалась очень доступной, когда дело касалось расследования, но она была беременна и на постельном режиме. Итак, к тому времени, когда лифт зазвонил, Лора смотрела на свои копии квитанций и думала, что она должна просто уйти. Она отвернулась, но потом увидела каракули на одном из клочков бумаги.

Копировальная машина сработала кое-как, но она смогла разобрать номер телефона, в котором был код старого образца «212». Квитанция из магазина «Кель» была датирована днем перед показом. Прежде чем она смогла отговорить себя от этого, Лора стояла у обочины, набирая номер. И прежде чем она смогла придумать оправдание для звонка, кроме того, «Извините, я набрал неправильный номер», кто-то ответил.

— Сидуиндер слушает.

Это был, безусловно, не неправильный номер.

— Привет, Пенел... Я имею в виду, мисс Сидуиндер. Я... э-э... это Лора Карнеги? И: «Портняжного сэндвича»? Я сожалею, что беспокоила Вас? — Она испытывала отвращение к вопросительным окончаниям своих предложений. Люди, которые так говорят, вызывали у неё отвращение. Они были слабыми и бесполезными, и она была одной из них.

— Да, мисс Карнеги. Я направляюсь в показ. Чем я могу вам помочь?

О Боже. Лора не знала, что ответить.

— Вы вчера видели мое шоу? — Глупая, глупая, глупая девочка. Это звучало так, как будто она хотела попросить о повторном просмотре, а именно этого Сидуиндер и ожидала, судя по её формальному тону. Прежде чем рецензент закончила бы беседу и положила трубку, она выпалила. — Я хотела сказать, некоторые из девушек на моем показе... Я не думаю, что они были совершеннолетними. И я не знаю, что с этим делать. Мне так плохо, и я не хочу попасть в беду, но если я не расскажу, ну, это будет еще хуже. А моя мама выглядела на шестнадцать, пока ей не исполнилось двадцать пять, поэтому... я не хочу кого-то ложно обвинять.

Шум на заднем плане в трубке Сидуиндер, как если бы рецензент вошла в здание.

— Где ты, дорогая?

— Жилой комплекс «Тюдор-Сити». — Боже, ей обязательно было называть адрес Йони?! Какой-то хреновый шпион из нее получается.

— Ты когда-нибудь бывала в «Бакстер-Сити»? Знаешь где это?

Это были два совершенно разных вопроса. Нет, она никогда не была в «Бакстер-Сити», потому что это единственное в своем роде, невероятно эксклюзивное место, но да, она знала, где это. Но прежде чем Лора смогла объяснить, что она никогда не была их клиентом, она обнаружила, что уже согласилась встретиться с рецензента там через полчаса. Лора позвонила Корки, чтобы сообщить ему, что ее не будет в салоне в течение нескольких часов и готовила оправдания, когда он ответил на телефон в режиме полной паники

— Где ты? — прошипел он.

— Я у Йони, получаю подтверждения по тканям.

— Я здесь один.

— Где Руби?

— Не здесь. У меня здесь покупатели, которые выходят из магазина, и нет времени болтать. У меня нет времени даже воду в вазах поменять. Я съел бранч четыре раза. Блумингдейл на час опаздывает, и где, черт возьми, вы, ребята?

— Корки, я не знаю, где Руби. Предлагаю тебе позвонить ей. Но я не смогу добраться туда еще несколько часов, и сейчас ничего с этим не могу поделать. Мне жаль, но так получилось, но я не собиралась оставлять тебя одного в салоне.

— Это из-за Томасины?

— Да.

— Хорошо, — сказал он. — Просто верни сюда Руби.

Она пообещала, что исполнит его просьбу, но понятия не имела, как это сделать.

Глава 8

Лора слышала о «Бакстер-Сити», но никогда не видела его. Это было не то здание, которое можно увидеть, просто проходя по улице. Девушка свернула с центральной улицы на небольшую аллею, оканчивающуюся чугунными воротами. Дойдя до ворот, она встретила взглядом с парнем—охранником. В отличие от любого другого переулочка в городе, вымощенная брусчаткой улица была вычищена и отремонтирована. Мусорные контейнеры с их запахами были спрятаны, а на окнах здания не было ни решеток, ни охранной сигнализации. Парень в окне открыл ворота, и через пару минут Лора прошла за матовые стеклянные двойные двери с выгравированными на них буквами «ВН».

Пройдя мимо дверей, она вошла в простой вестибюль размером с приемную врача. В комнате было темно, единственными источниками света были свечи и маленькие оконные проемы. Худощавый азиат в черных джинсах и толстых черных бакелитовых очках двадцатых годов приветствовал ее из-за стойки из необработанного дерева.

— Я не член, — сказала она, опережая порттье с неизбежной насмешкой.

— Очень хорошо. — Он, не казался озадаченным ее плебейским статусом — Кто спонсирует вас сегодня?

Лора моргнула. Она понятия не имела, что он имел в виду.

— Чей вы гость?

Его вежливость была обезоруживающей. Если она была гостем, то расчет был на то, чтобы она чувствовала себя комфортно. Если она была нарушителем, это должно было вежливо дать ей знать, как попасть внутрь. Тогда Лора наконец успокоилась. Её не собираются выбрасывать за шкуру на улицу или выпроваживать, пока она не проведет встречу.

— Пенелопа Сидуиндер пригласила меня? — Боже. Опять в голосе вопрос. Когда она начала чувствовать себя такой ничтожной? Когда она решила, что она постоянно является низшим звеном в социальной иерархии, которого могут в любой момент поднять.

Бакелитовый проверил планшет и указал на две двери.

— Она уже наверху. Лифт справа. Лестница влево. Шестой этаж. Мэнди на стойке поможет вам, когда вы дойдете. И без фотографий, пожалуйста.

— Спасибо.

Когда она шла эти три, возможно, четыре шага к стене с различными транспортными средствами к верхним этажам, Лора задалась вопросом, какой способ выбирали богатые люди, люди, которые не были «гостями». Предполагалось, что лифтом. Но, по правде говоря, те, кому не нужно было думать о том, что разрешено здесь, а что запрещено, вероятно,

поднялись бы по лестнице. А разве она не хотела быть одной из них?

Более того, кем она хотела быть? Независимо от денег, какой бы путь она хотела выбрать? Лора замерла, на третьем шаге, прямо напротив стены между лифтом и лестницей, когда входная дверь открылась и в помещение влетела парочка, чуть не сбив ее с ног. Лора услышала хихиканье девушки и бормотание мужчины, и краем глаза заметила, как кожаная куртка и кусочек розовой оборки из креп-жоржета скрылись за углом лестницы. Ни извинений, ни даже взгляда в её сторону. Она решила поехать на лифте.

Все вокруг было волшебным и совершенным. Полы были сделаны из необработанного дерева, выложенного в виде елочки, широкими брусками для простоты чистки. Стены были покрыты произведениями искусства. Настоящее искусство. Небрежно нацарапанные граффити Бэнкси, числа Борофски, модели Райдена с большими глазами и мясом. Каллен, настолько порнографический, что она могла почти чувствовать его запах. Все полотна были в рамах и повешены настолько плотно, что стену было едва видно. Количество оригинального искусства, которое нужно было купить для достижения такого эффекта, было ошеломляющим.

На стойке рядом с телефоном стоял небольшой шкафчик с содовой и соломкой из «Хокинсона», как чашка для пожертвований в продуктовом магазине. Мэнди выглядела как обычный человек, а не модель, измученная гламуром членов клуба.

— У меня встреча с Пенелопой Сидуиндер, — сказала Лора, скрывая любой намек на вопросительные интонации. Для этого потребовалось колоссальное количество усилий.

Мэнди улыбнулась так, что Лора почувствовала, что она в клубе, часть их внутреннего круга, ей рады, и она прекрасна. Секретарь повела её по коридору, поднимавшемуся над лестницей на целый пролет, и углубилась в этот новый мир. Не желая упустить ни минуты, Лора выключила свой телефон.

Они вошли в самую большую гостиную, которую когда-либо видела Лора, с островками со вкусом подобранных кушеток, расставленных на значительном расстоянии друг от друга, коврами, разложенными таким образом, что часть прекрасного пола оставалась доступной для любования, и окнами от пола до потолка, созданные, казалось бы, совершенно случайно, но вид из них был рассчитан с математической точностью. От Нью-Джерси на западе до Лонг-Айленда на восток. Возникало ощущение, что вот он, город, у тебя на ладони. Объем пространства и виды из окон придали ей ощущение покоя и правильности происходящего. Она присоединится к клубу и получит доступ в эту комнату в любое время. Это было ее место так же, как для Пенелопы Сидуиндер. Она принадлежит этому месту. Даже одетая в старые джинсы, ремень на регулируемой цепочке и шерстяную куртку, которую она сама собрала из остатков ткани для «Сэндвича». Даже в своих дешевых туфлях и неясной родословной. Даже с макияжем на одном глазу, который уже стерся с утра, она поклялась, что это не последний раз, когда она увидит эту комнату.

Пенелопа Сидуиндер сидела у одного из окон, потягивая что-то из фарфоровой чашки. Заходящее солнце мерцало в выбившихся из пучка прядях. В свои пятьдесят, стройная как тростинка, она, вероятно, была моделью в юности. Эта женщина была и одной из первой половины людей, чье лицо могло украшать обложки журналов, и из другой, оставшейся половины, которая могла построить карьеру в модном бизнесе без нахрапа и наглости и выжить. Никто не ожидал, что она окажется женщиной со стальным характером и острым взглядом дизайнера. Когда её карьера модели закончилась, она взялась за подиумные показы, часто говоря то, что думала. Девочки были слишком молоды. Их тела были слишком

худыми, а индустрия съедала их живьем, оставляя на вершине лишь процентов пять успешных моделей.

И вот она сидела в «Бакстер—Сити», жестом приглашая Лору присесть.

— Мне очень жаль беспокоить вас, — сказала Лора, соскальзывая на холодную кожу.

— Я не знала, кому еще позвонить.

— О, я был на шоу Кельвина. Каждый сезон одно и то же. Я могу просто посмотреть на фотографии. Чай? Это ройбуш. Африканский красный. Я пью его со сливками и сахаром, как чай, но большинство людей предпочитает пить так.

Лора пригубила чай и оставила все как есть.

— Знаете, я не очень много думала о возрасте девушек, потому что «Mermaid» меня полностью заверили в их совершеннолетию. — Лора прислушалась к себе и подумала, что звучит как актриса на сцене. Вверх, вниз. — Но Томасина... с тем, что произошло в конце. Это весь день преследует меня.

Пенелопа наклонилась вперед и положила ладонь на колени Лоры.

— Не волнуйся. Если у вас есть «зеленый лист» из «Mermaid», вы защищены. — «Зеленый лист» был контрактом с заверениями агентства в том, что их девочки были нужного возраста и веса. Его называли «зеленым листом», потому что соглашение было впервые написано на зеленой салфетке в «Марлен X». — Но мне нужно знать, что вы видели. Особенно о Томасины. Все в МААВ аж пеной исходят. Скоро прольется чья-то кровь.

— Надеюсь, не наша. — Последние слова Лора практически выдохнула, потому что уже на середине фразы была уверена: говорить это не стоило.

— Я в этом сомневаюсь, — ответила Пенелопа. — Но кто может сказать? Всякое случается. И времени для полного расследования не было.

Лора задумалась. Какая глупость — потерять свой бизнес. Все шло не так, как надо.

— Это сложнее, чем я думала. Открыть свою линию. — И тут же поняла, что слишком разоткровенничалась.

— Все платят свою цену. Даже у людей, родившихся в нем, есть такая часть себя, которую они положили на алтарь.

— Томасина родилась богатой и имела в жизни все. Я имею в виду, мне жаль, что она мертва, я на самом деле, но...

— У Томасины были ужасно консервативные родители, которые только и заботились о своем имидже, и она ненавидела себя такую на каждой фотографии. Это было тем, что делало ее лицо таким особенным. Вы не добьетесь такого эффекта актерским мастерством.

— Я никогда этого не замечала. Мне жаль.

— Ты замечала, просто не могла понять, что это. У каждой девушки в глазах живет своя история. В блеске глаз, не говоря ни слова. Я сравнивала фотографии до и после того, как я приехала в Нью-Йорк, и на каждой я была совершенно разной, потому что была другим человеком.

Лора посмотрела поверх маленьких дужек прямо в зеленые глаза Пенелопы и не нашла там ничего, кроме теплоты и искренности. Чувствовалось понимание. Наконец-то, девушка почувствовала себя принятой.

— А где вы жили раньше?

Пенелопа вздохнула.

— Когда я начинала, мне было пятнадцать. Из Кентукки.

— Но у вас нет акцента.

— Тогда мы должны были избавляться от наших акцентов. Полностью. Теперь, конечно, это была бы часть моего бренда, имени. Почему не ешь пирожные? Я одна их не осилю.

Лора взяла одно и укусила.

Пенелопа внимательно наблюдала за её действиями, источая заботу.

— Я была в волейбольной команде «East Cherokee High». В те времена девчачьих команд было мало. Собиралась поступать в университет, что было, очень впечатляюще. А еще у меня был самый высокий рост в команде. — Она полезла в свою сумку и достала флакон с пипеткой.

— Я пробовала играть в волейбол в Далтоне. Но оказалась слишком низкой.

— Ах, Далтон. Это объясняет то, интеллектуальность вашей линии.

Щеки у Лоры покраснели, и она пожалела, что не может заморозить их.

Пенелопа вылила немного жидкости в свой чай.

— Концентрат витамина D. Хочешь?

— Нет, спасибо.

Женщина бросила бутылку обратно в сумку.

— Моя мама всегда делала мне дополнительный сэндвич с таким желе, когда я ездила на соревнования. Мы были очень хороши. Играли просто потрясающе. И оказались на областном чемпионате в Чикаго. Мой папа отвез меня туда, в пикап моего дяди. Он жаловался на то, что пришлось закрыть магазина и на стоимость топлива весь путь. — Пенелопа потягивала свой чай для пушного эффекта, немного улыбаясь.

— Вы победили? — спросила Лора.

— Я не помню. Это не имело значения. Там был рекрутер по имени Диана Горбент. Не волейбольный рекрутер или представитель колледжа. О нет. Рекрутер высоких девушек, которые могут стать моделями. А где лучше найти худых, высоких белых девушек, как не на волейбольном турнире? Никто никогда не обесценивал участие Дианы, но я и не возводила её услуги в абсолют. Она подошла к моему отцу после игры, рассказав ему обо всех деньгах, которые такая девушка, как я, могла бы заработать в Нью-Йорке. Конечно, мы не были совсем бедными... ну, я хочу сказать, мы жили в задней части аптеки моего отца. И представь, моей маме не нужно было бы делать никаких дополнительных сэндвичей. Мой отец сказал, что он поговорит со мной по дороге домой. Кто будет слушать о зле больших городов, если я там никогда не была? Он не плакал из-за этого. Но можно сказать, что он гордился тем, что я имею такую внешность. Что я могу зарабатывать ею. Прежде чем я села в самолет, он сказал мне: «В следующий раз, когда приедешь сюда, хочу, чтобы ты приехала со своим любимым. С кем-то, кто богаче твоего старика». Это было все, чего могла достигнуть женщина из Кентукки в семидесятые.

— Я приехала в Нью-Йорк с сумкой, спортивных шорт и спортивных бюстгалтеров, и Диана взяла меня на шопинг. — Она вздохнула. — Те дни. Это было похоже на сон. Как фильм. Я жил в её гостевой квартире у Центрального парка. Она кормила меня, как никогда раньше не кормили. Трехразовое горячее питание. Если бы я могла, хоть на минуту, вернуть то чувство постоянной благодарности и счастья, которые я испытала в течение этой первой недели. Даже к простейшим вещам. У меня не было никаких хлопот. Мне не приходилось заботиться о моих братьях или подметать магазин. Она отвела меня на вечеринку Донны Карнеги на Пятой авеню к самым искушенным людям, которых я когда-либо видела. Ты уверена, что не состоишь с ними в родстве? Я вижу немного сходства.

— Никогда её так не рассматривала.

— А следует. Продолжу. Я даже не позвонила родителям, но уже знала, что нашла цель в жизни. Это были лучшие недели моей жизни. Диана позвонила мне домой, в то время это было очень дорого, и сказала родителям не волноваться. Все было здорово. Моя сестра рассказывала, что все в школе просто умирали от зависти.

За те двадцать минут, что Лора провела в «Бакстер–Сити», солнце стояло в зените и направилось к горизонту, удлиняя тени и согревая мир желтоватым светом. Она задавалась вопросом, добралась ли Руби до выставочного зала, как себя чувствует полностью выжатая Ровена, и отправил ли Чейз снимки. Ей действительно не хотелось слышать историю Пенелопы. А отступать поздно.

— Миссис Сидуиндер, я...

— Я пошла на свою первую фотосессию в понедельник. Абсолютно неприемлемо, после выходных. Я не хотела идти, но Диана сказала, что все уже заказано. Она не могла отменить эту съемку, и попросила просто сделать пару фотографий. Его звали Франко. Диана сказала, что он достаточно известный фотограф, и, что со мной пойти не сможет. Я так никогда и не узнала, знала ли она, что он со мной сделает. Но теперь это не имеет значения.

— Кажется, я поняла. — Лора не хотела слышать продолжение истории.

— Студия была в центре города, до того, как центр города стал тем, чем он является сегодня. Не сосчитать, сколько крыс мне пришлось обойти. Но я думала: «Ах, такое происходит повсюду. Я все увижу и все сделаю». Это добавляло мне уверенности. Что ж, он не мог быть более обычным. Низкий и потрепанный. Я сделала макияж и вошла в свет. Он настраивает камеру, делает несколько снимков и говорит, что я отлично выгляжу. И я ему полностью доверяю. И затем, глядя в объектив камеры, он говорит: «Ты когда-нибудь сосала мужской леденец раньше?»

Лора чуть не поперхнулась пирожным.

— Именно, — сказала Пенелопа. — Когда я отреагировала, он сделал снимок, а затем сказал: «Ты же понимаешь, что прежде, чем уйдешь отсюда сегодня, ты будешь сосать мой леденец?». Еще щелчок затвора, и я подумала, что, должно быть, он говорит: «Ты любишь леденцы на палочке?», и я говорю: «Нет, спасибо, я не хочу». Но он проигнорировал меня. А дальше стал говорить такие грязные вещи, которые я даже не повторю. И прямо перед тем, как я начала плакать, он сделал последнюю фотографию со словами: «Что я скажу Диане, когда ты уйдешь?». — Она отхлебнула чай и поставила чашку на стол. — Лора, я знала, что мне придется это делать.

— Нет.

— Что мне оставалось делать? Как я должна была вернуться домой в Кентукки? Что в моей сумке? Стыд? Провал? И что мне теперь делать? Играть в волейбол в университете, выйти замуж за парня из моего класса и завести детей? Нет. Я больше не была оттуда родом. Я изменилась на той неделе. Недостаточно, чтобы иметь друга, к которому можно обратиться, и, конечно, недостаточно, чтобы отказать ему. Все, что мне нужно было сделать, это пройти через это.

— Я сожалею.

— Когда я вернулась на квартиру, я собиралась рассказать Диане, по крайней мере, спросить ее, нормально ли это. Но как только я вошла, она усадила меня и сказала, что не понимает, почему я так мало ела дома. Обильная пища прошедших недель благоприятно

повлияла на мой организм, и я прибавила в весе, а теперь нужно худеть. После того, как она сказала мне это, я не могла рассказать ей, что я сделала. Что, если это было неправильно? Какая мне тогда была польза? Я была бы шлюхой, причем толстой. На автобусе обратно на Средний Запад с ничем. Я начала убеждать, что хорошо питаюсь на званых обедах и потом выблевывала все.

Лаура почувствовала себя немного больной, и это, должно быть, стало заметно, потому что Пенелопа, которая уже была теплой и приветливой, смягчилась еще больше.

— Множество женщин прошли через худшие вещи, и многие модели, я осмелюсь сказать. Я приехала со Среднего Запада; некоторые из них приезжают из таких стран, о которых я даже не хочу говорить. Без гражданства их некому защитить. Без свидетельств о рождении. Их паспорта поддельные. Это ужасно. Мы даже не можем отследить половину из них. Вот почему так важно, чтобы дизайнеры были с нами заодно.

Лора шла на эту встречу, готовая говорить о детских щечках Димфны и пубертатном поведении моделей. Хотелось поделиться опасениями по поводу этой девушки, но, услышав историю Пенелопы, она решила рассказать совсем другое.

— Ровена Черчилль. Я была с нее с этим утром, и... Боже, я понимаю, что я не могу это доказать. Она не может ходить на каблуках, и кажется такой молодой. Она смотрела на Чейза, как на знаменитость.

Пенелопа наклонилась вперед, как репортер, почувывая большую сенсацию.

— Кажется, она из Северной Калифорнии. Страна секвойи. Она что-нибудь рассказывала, может быть, о школе?

— Она сказала, что никогда не занималась геометрией.

Глаза Пенелопы смотрели далеко, как будто она смотрела внутрь себя.

— Десятый класс. В мое время это был десятый класс²⁵.

— Сколько это лет?

Но Пенелопа только сказала.

— Рокелль может быть небрежной.

Лора собиралась согласиться, когда она услышала вздох за спиной. Затем хихиканье, и ей пришлось повернуться. Позади неё стоял Рольф с девушкой, в розовом шарфе из креп-жоржета с набивными всадниками. Узнав ее, он поднял бровь. А Лора узнала одежду. На нем была коричневая кожаная куртка. Это были они, те, кто чуть не сбил ее с ног на лестнице.

— Лора Карнеги. — Рольф кивнул ей в знак приветствия. Его дыхание было настолько неестественно мятым, свежим, даже с более чем достаточного расстояния, что Лора немного вздрогнула.

Розовая девушка из креп-жоржета с карими глазами размером с фрикадельку повернулась к Пенелопе.

— Я ваш большой поклонник. — Ее европейский акцент был настолько сильным, что ее было трудно понять.

— Фрау Сидуиндер, — сказал Рольф, переходя на немецкий, который Пенелопа, казалось, оценила и поняла. Видимо, они знали друг друга, как типичные богачи, вертящийся в одних и тех же кругах. — Эта молодая леди ест, спит и дышит, мечтая стать моделью. Ее имя —...

— Как мило, — сказала Пенелопа. Она посмотрела на девушку, но снова сделала это так, как будто смотрела вглубь себя. Это слегка смущало. — Я не выходила на подиум с тех

пер как тебе было около четырех лет.

Лора решила сменить тему на более безопасную.

— Вы забрали сумку сестры у полицейских?

— Они не отдали её.

— Вам просто нужно подождать.

— Эти американские полицейские...

Она понятия не имела, что он собирается сказать, но была уверена, что слышать это не хочет.

— Уверена, что в Германии они милашки.

Пенелопа вырвалась из своих воспоминаний и похлопала сиденье рядом с ней.

— Присядьте здесь, юная леди, и давай поговорим о модельном бизнесе.

— Возможно, в следующий раз, — ответил за девушку Рольф. — Мы как раз собирались уходить.

Но девушка с глазами-фрикадельками вырвалась из его объятий и села рядом с Пенелопой с детским восторгом.

Рольф присел рядом с Лорой.

— Твоя сестра во всех новостях. Они думают, что она убила Томасину. Хотел сказать тебе, что я в это не верю.

Она не хотела давать ему повод использовать какие-либо её слова против её же семьи. Лора вдруг почувствовала, что оказалась не в том месте, в неподходящее время, с людьми, которые хотели причинить ей боль.

— Мне нужно идти, — сказала Лора. — Было приятно поговорить с вами. — Она пожала руку Пенелопы и кивнула Рольфу и глазкам-фрикаделькам.

Когда она уходила, Пенелопа произнесла: «Продолжим позже».

Рокель небрежна.

Лора сидела в прекрасно обставленной ванной комнате, размышляя может ли быть подлинником Мане, висящий над раковиной, и вспоминала разговор.

Чем вызван такой интерес к Рокель? Что она сделала или по крайней мере получила? Что Лора забыла о репутации Рокель? Из любопытства она вернулась в залу с большими окнами и островками диванов. Пенелопа исчезла, но Рольф и глазки-фрикадельки сгорбились рядом с ее недопитым ройбушем. Она долго гуляла по вестибюлю, разглядывая произведения искусства, орхидеи и бумажные салфетки на столах, пропустила три приезда лифта, прежде чем она, наконец, смирилась и покинула клуб.

Глава 9

Лора услышала ужасную историю и ничего больше, и поездка на поезде обратно в город была идеальным временем для небольшого самоанализа. Она настолько втянулась в историю о превращении волейбольного игрока из Кентукки в гуру минета из Нью-Йорка, что так и не узнала ничего о Томасине. Однако, она вошла в контакт с Пенелопой Сидуиндер, что было немаловажным, поэтому, если у нее появится что-то более конкретное, что потребует срочного телефонного звонка, она может воспользоваться этим знакомством. К тому времени, как она добралась до офиса на 38-ой улице, её настроение заметно улучшилось.

Она замедлилась у газетного киоска и собиралась взглянуть на заголовки, но увидела знакомое лицо.

— Приятно встретиться здесь с вами, — сказал оператор Камичуры. На нем был

огромный твидовый пиджак с пятнами от шариковой ручки на дне карманов и соломенная шляпа. Он протянул руку. — Роско. Роско Кнутт. Вы, возможно, помните меня по четвертому каналу. Вы тогда были еще ребенком.

— Смутно. — На самом деле она привыкла просматривать все новостные программы вместе с мамой, поэтому знала поименно каждого ведущего за последние двадцать лет, но не собиралась поощрять его.

— Ты можешь помнить меня по инциденту у твоего дома прошлой ночью.

— Это я помню. — Она сделала полшага к вращающейся двери.

Роско увязался за ней.

— Я хотел бы получить преимущество перед своей коллегой. Знаете, она молода и амбициозна, и не расстанется с камерой. Как бы то ни было. Вышвырнула меня с моей работы. Ответьте на вопрос?

В таком расстроенном состоянии она всегда была как магнит для тех, кого кто-то более успешный посылал к черту.

— Один вопрос, и я могу не отвечать на него.

— В докладе коронера говорится, что Вент была отравлена этим утром между семью и девятью.

— Что? Они дали вам отчет коронера?

— Никто ничего мне не давал за всю мою жизнь. — Он пожал плечами. — У меня есть каналы, леди, пожалуйста. Я в этом не новичок, но послушайте, половина офиса убеждена в том, что она была у вашей сестры в то утро, но я сам, считаю, что её там не было. Итак, вы можете сказать мне правду? Пожалуйста?

— А что еще там сказано?

— Я его не читал, — сказал он. — У меня есть только парень, который рассказывает чуть больше, чем я могу рассказать, а все потому, что девушка приписывает все мои заслуги себе.

— Ну, я не могу вам помочь. Утром перед шоу я была на работе в шесть тридцать, перешивала платье «Hudson», чтобы оно село на Томасине. Она потеряла семьсот граммов, что на деле означает, что надо переставлять швы.

— Еще один вопрос. Вы видели у кого-нибудь проблемы с глазами тем утром? Может быть, поцарапанные?

— В смысле?

— Они нашли следы роговицы глаза под ногтем. Это действительно помогло бы, если бы вы вспомнили что-нибудь про это.

— Я попробую.

— Еще один вопрос.

Она кинулась к дверям достаточно быстро, чтобы обойти его и войти в здание.

Лора вышла из лифта, ожидая от Корки ежедневного отчета. Повернув за угол, она увидела Пьера, лихорадочно печатающего в телефоне так, словно его пальцы зудели. Он опирался на дверной косяк, как будто не мог ни войти в комнату, ни остаться в коридоре. Он многозначительно посмотрел на нее, и Лора поняла, что так и не включила свой телефон, после «Бакстер-Сити». Слишком поздно. Но она встречалась с Пенелопой Сидуиндер. А он не мог понять, почему она не на работе.

Теперь Лора могла не бояться деловой встречи. Ее короткие встречи с Ивановой не приводили к хорошим результатам или удобному сотрудничеству. Встреча в «Isosceles»

ничем не улучшила ситуацию. Женщина была легко обижающейся, капризной, богатой, и хорошо уважаемая в дизайне интерьера по причинам, которые Лора боялась, что никогда не разгадает.

У Иванны под левой рукой был зажат той-пудель, а правой рукой она держала куртку из весенней коллекции с обтяжными пуговицами.

— Что это? Пуговицы могут быть стразами. Или по крайней мере из золота. Почему мы так много обсуждаем то, что похоже на вещь из «Target»?

— Привет, — сказала Лора, надеясь хотя бы на ответную вежливость.

— Милочка, — сказал Иванна, — где вторая? — Она выглядела действительно недоумевающей.

Лора протянула ей руку.

— Руби, очевидно, здесь нет.

Иванна поздоровался с ней левой рукой, пока правая все еще укачивала собаку.

— Ты та, кто изготавливает модели? Та, кто занимается швами? Ты делаешь важную работу, но проектирование — это больше, чем пошив.

Лора не знала, спорить или позволить ей говорить. Хотела ли она так скоро выразить свое несогласие? Или она должна позволить женщине высказаться и только вставлять «да», «нет» там, где это необходимо?

Пьер, должно быть, заметил замешательство на её лице.

— Могу я предложить тебе кофе, Иванна? Я могу позвонить.

— Я принесу! — Корки практически выпрыгнул со своего места. Не лучшее поведение для продавца, но если он здесь быть не хочет, то ему и правда лучше уйти, подумала Лора.

Иванна заказала что-то типа мокко-фраппе, и, вытащив из-под стула мужскую спортивную сумку «Kate Spade», с грохотом бросила её на стол. Шум был такой, как будто она швырнула туда банку с камнями.

— Мы так поддерживает порядок в демонстрационном зале?

Корки повесил сумку на плечо.

Иванна разложила на столе куртку с искусственным мехом.

— Это полная имитация. Я вам за это отвечаю.

— «Barneys» это нравится, — вставил Корки. — И каждый наш вчерашний покупатель хотел знать, что нравится «Barneys».

— Им бы гораздо больше понравилось, если бы она была настоящей. — Иванна посмотрела под воротник, а затем отшвырнула его как использованную салфетку. — Они оформили у вас заказ?

— Ну, нет, — ответила Лора.

— Правильно. Их деньги не были выделены. Таким образом, разговор — это только разговор, и они могут говорить что угодно.

— Ничего больше у нас нет.

Иванна повернулась к Корки, чье приподнятое настроение тут же улетучилось, стоило дизайнеру смерить его взглядом:

— Ты разве не за кофе пошел?

И он тут же испарился, захлопнув дверь со звуком всасывающегося воздуха.

— Садись, — сказал Иванна, как будто это был ее кабинет.

Лора села.

Иванна спустила с рук собаку и положил обе ладони на стол.

— Тебе нужны деньги или нет?

— Конечно.

— Прошлым вечером, я была очень груба с тобой, признаюсь. Но я думаю, что у тебя есть шанс добиться успеха, моя дорогая. Очень большого. И я хочу, чтобы это произошло.

— Честно говоря, госпожа Шмиллер...

— Иванна.

— Иванна. То, что ты сказала прошлым вечером, было правдой. Томасина умерла на нашем шоу, ну, я имею в виду, что репортеры всю снуют вокруг меня, полицейские изучают все на меня. Думаю, это конец.

Пьер тяжело вздохнул.

— Конечно, ты имеешь в виду...

Взгляд Лоры заставил его замолчать.

Но Иванна не отвела от Лоры своих внимательных глаз.

— Ты беспокоишься о полиции и газетах?

— Я не беспокоюсь, — сказала Лора. — «Беспокоиться» означает, что я трачу свое время на вещи, которые не могу предсказать. Но, серьезно, полиция опечатала квартиру моей сестры, а моя, вероятно, следующая. Так что я могу предсказать, что что-то вонючее ударит по вентилятору, а это значит, что у нас не будет времени уделить этому необходимое внимание. И я знаю, что Акико Камичура делает обвиняющий нас репортаж. У меня просто нет средств или времени, чтобы бороться с этим и продолжать вести бизнес. Поэтому, вы можете сказать Бобу, что я сожалею, что потратила впустую его деньги? Я чувствую себя ужасно из-за этого.

Ивана отмахнулась от ее слов словно от надоедливого комара.

— Мой муж не знает, как потерять деньги. Его потери приносят прибыль. Это болезнь. — Она показала Лоре очень раздосадованной и в тоже время по-настоящему гордой.

Лора затаила дыхание, затем протянула руку.

— Мне очень жаль, так или иначе. Было приятно работать с вами, но мы закрываем дело.

Словно порыв сильного ветра в комнату ворвался Джереми с образцом меха в руках. Он выглядел удивленным, увидев Иванну.

— Иванна! Невероятно. Я только подумал о тебе.

Пока длились приветственные воздушные поцелуи и объятия, Лора сообразила, кому писал Пьер. Она посмотрела на него, он подмигнул в ответ.

— Можешь поверить какое качество в коллекции этих девушек? — спросил Джереми. — Эта ткань... — Он сбросил пурпурный шерстяной креп. — Сто пятьдесят ярдов и окрашенные в Северной Каролине, потому что цветок, который дает такой цвет, растет только в этой Аппалачской долине. Потрогай.

— Цвет прекрасен, но...

Джереми прервал ее.

— Я не могу в это поверить. — Он вытащил кожаный бомбер из кучи. Он усмехнулся, так, что это звучало по-настоящему, но Лора знала, что это надето. Джереми так не смеялся. — Я как раз принес тебе этот образец. — Он держал искусственный мех в руке сравнивая с искусственным мехом на воротнике. — Ну, похоже, я не смогу сейчас его использовать. Посмотри на это, Иванна. На ощупь как настоящий, не так ли? И мы можем использовать его, мы не должны отталкивать наших молодых клиентов. Они не хотят убивать животных.

— О, пожалуйста, — скрипнула Иванна. — Это кожаная куртка.

— Они думают, что остальная часть коровы съедена.

Иванна и Джереми рассмеялись над шуткой о глупости своих клиентов, и Лора увидела, что он сделал. Он говорил на ее языке. Он вошел в комнату, ища способ договориться с Иванной, и тут же нашел его. Что бы это ни было, но Лора нуждалась в его способности оценить человека за полсекунды и использовать его, чтобы получить то, что он хотел. Он проворачивал это фокус с рабочими в своей мастерской, играя на их страхах, делал это в салоне, играя с покупателями, чувствуя их желание быть модными, и он сделал это с Иванной, показав одежду из коллекции, которая понравилась бы ей и сгладив то, что ей не нравилось.

— Джереми, — сказала Лора, — это конечно замечательно, но мы роемся в труп. Мы закрываемся.

— Что прости? — Он повернулся спиной к Иване и посмотрел на Лору и она остро осознала тот факт, что он точно знал, что происходит. — О, верно. Ты уходишь. Увидимся завтра. Зайдем утром за кофе.

— Нет, — сказала Лора, — мы уходим из бизнеса. Мы обанкротились. Заканчивающиеся деньги и смерть Томасины... Слишком много, чтобы с этим справиться.

— Она мертва. Что она теперь может тебе сделать? — спросил Джереми.

— Акико Камичура и ее команда, или кто-нибудь еще, кто нацелен на нас. Они запустили историю о наших отношениях с ней, которая, я думаю, подразумевает, что мы как-то связаны с этим, и полицейские всю копают под Руби.

— Как это больше, чем проблема пиар-отдела? — Он перевел взгляд с Лоры на Иванну и обратно. — Найми «Tintell & Ives» и они превратят это в прибыль.

— Что? — Воскликнула Иванна. — Они окончательно погубят бизнес. Нет, дорогой. Мы должны использовать Грейсона. Они мои, и они потрясающие. Да, конечно, ты прав. Это не более чем проблема пиар-отдела. Мы разберемся с этим в кратчайшие сроки.

Лора сложила руки.

— Я не могу позволить себе нанять «Greyson Management», чтобы открутиться от всей этой ситуации.

— Не оскорбляй меня, — воскликнула Иванна. — Они у меня на постоянном контракте. Я плачу им за безделье. Решено. Мы остаемся открытыми, и Грейсон займется этим завтра утром.

Лора была уверена, что это было решено без нее, и она не возражала. Пьер и Иванна ушли в приподнятом настроении, оставив ее и Джереми в одиночестве среди хаоса демонстрационного зала.

Она подняла платье из шерстяного крепа и мысленно дала себе затрещину.

— Боже, я чувствую себя такой шлюхой. — Она запнулась, вспомнив историю Пенелопы. Не справедливое сравнение. — Она все покрывает блеском, а я должна буду просто стоять и смотреть.

— Ближе она полезнее. — Он повесил кожаную куртку, наклонившись над ней для этого. Движение было совершенно ненужным, так как на его стороне было много места.

Она посмотрела ему в лицо и увидела, что он делится с ней глубоким секретом, секретом, как использовать людей, чтобы получить то, что вы хотите. Ее слегка затошнило, и она не знала, было ли это потому, что идея была отвратительной или возбуждающей.

— Ее идеи неплохие, — продолжал он, — но их нужно обуздать. Используй их. Весь

трюк состоит в том, чтобы принять ваши собственные идеи и заставить ее думать, что они ее. Если ты дашь ей раскрыться с творческой стороны, она использует свое влияние, чтобы в эту дверь вошли нужные люди. А у нее есть влияние, Лора. Не стоит недооценивать, насколько это важно. За честность никаких призов не дают.

— Могу я хоть один сезон побыть честной?

— У тебя все получится. И ты не определила ваши минимумы ткани. — Только Джереми мог произнести фразу «минимумы ткани» теплой, манящей и сделать прелюдией для поцелуя. Он наклонился и сделал то, что она с первого дня встречи хотела, чтобы он сделал. Он делал это плавно, как кошка, или змея, или человек, у которого не было капли неуверенности.

Он поцеловал ее. Или она поцеловала его. Или было какое-то молчаливое общение между ними, какое-то изменение интенсивности их феромонов, или взгляд, говорящий «сейчас», и они поняли, что «сейчас» — это сейчас. Теперь. Теперь пришел конец ожиданию, прошло время размышлений, тоски и сдерживания чувств, и началось что-то новое. Что-то неопределенное. Теперь наступила пауза между желанием и обладанием, где желанием было все, что она знала, и обладание вдруг стало возможным, но неожиданным, невообразимым, пугающим своей непредсказуемостью. Это была дверь шкафа, которая открылась сама по себе посреди ночи или темный переулок, который был кратчайшим путем. Это был завернутый пакет, который выиграл у ярмарочного шута. Это был именно тот момент ожидания возможности, когда видишь скрипящую дверь, поворот в темный переулок и запечатанный пакет. Удивительный момент, который одновременно мог быть приятным, неприятным или невообразимым, но всегда особенным.

Их поцелуй продолжался вечно, а все, что она хотела сделать, так это сесть в темной комнате и вспоминая об этом мгновении, спросить, что это значило. Ее разум исчез, и она существовала только внутри ее собственного рта, где он был, с теплом, вкусом и чувством, что он окружает ее внутри и снаружи, и когда она подумала, что больше не может получать удовольствие от этого, она слегка толкнула его и открыла глаза.

— Нужно ли мне извиняться? — спросил он, смотря на нее темными, как прожаренные французские тосты, глазами под черными ресницами.

— Боже, нет. Я просто... я подумала.

Он поцеловал ее в шею, и она подумала, что она умрет прямо там, когда он прошептал ей на ухо:

— Скажи мне.

— Ты используешь шерстяной креп для весенней коллекции. Могу ли я присоединиться к вашему заказу на ткани и заказать доставку прямо сюда? Я могу использовать и кусковые ткани, если они придут некрашеными.

— Да. Что-то еще?

— Я... ах... ничего.

— Что угодно. Скажи.

— Я не могу думать.

Она полностью отдалась его губам, позволяя ему притянуть ее к себе.

— О, Господи! — воскликнул Корки, вернувшийся с подносом пенистого кофе. — Давно пора.

Они оторвались друг от друга, и Лора почувствовала румянец заливаает щеки.

Джереми вытащил мокко-фраппе Иванны из картонной коробки и вручил Лоре, со

словами:

— Я буду за раскроечным столом.

Как только он ушел, она спросила:

— Что ты имеешь в виду «давно пора»?

— Ты тоскуешь по нему еще со времени стажерства.

— Что ж...

— Ну? — спросил он.

— Думали, что он гей. Даже ты сказал, что в нем нечто недоступное. — Она говорила предложения, слышала, что она говорит, но её разум был затуманен вкусом Джереми и желанием залезть в угол и снова и снова пережить этот момент. Но Корки смотрел на нее, как бы пытаясь понять, о чем она говорит, и это смущало. — После шоу вы разговаривали по телефону, я не знаю, кто и...

— О, дорогая, я говорил не о Сент-Джеймсе. Я говорил о брате Томасины, Рольфе. Утром он был на площадке, и он горяч. Нет, нет, кусочек по соседству твой.

Она закатила глаза. Рольф был красив, но как-то не привлекал её. Лорин телефон зазвонил, избавив ее от необходимости отвечать. Корки начал убираться в выставочном зале, то и дело причмокивая, как после поцелуя, дразня девушку. Она ударила его по руке, прежде чем ответить.

— Привет, дядя Грэхем, — сказала она.

— Как ты, любимая племянница?

— Я в порядке, — сказала она, пропустив ту часть, в которой она только что поцеловала любовь своей жизни, хотя и думала, что больше его не любит. — Почему ты звонишь мне в обеденное время?

— Полиция забрала твою сестру сегодня утром, и они хотят поговорить с тобой.

Лора немедленно бросила Корки с неубранным выставочным залом и поцелуями-пересмешками.

Глава 10

«Он поцеловал меня».

Лора все еще думала об этом и все еще ощущала на губах прикосновение его губ. Она шла к Южной через весь Мидтаун, но, пересекая кварталы, не замечала ничего. Лора ни на что не обращала внимания, врезаясь в парковочный счетчик и застывая у открытой двери такси. Она просто продолжала идти в прострации, задаваясь вопросом, исчезнет ли когда-нибудь ощущение его губ на ее губах.

Ей захотелось пойти домой и рассказать обо всем Руби, а затем предупредить ее держаться от Джереми подальше раз и навсегда, но Руби была в участке, и Лора должна была быть в своем уме, если она собиралась вытащить свою сестру из-под стражи. Ей пришлось стряхнуть с себя Джереми. Ничего особенного. На завтра это вызовет лишь зуд и дискомфорт. Ей нужно было немедленно двигаться дальше.

Ее чуть не сбил посыльный, когда она пыталась пересечь Бродвей на светофоре. Лора задавалась вопросом, почему ничего не получилось со Стью. Знала в глубине души, что есть Джереми? Нужно ли ей еще несколько месяцев чтобы выяснить, изменилось ли что-то для него после обнародования его гетеросексуальной ориентации? Или для ее? Чтобы разглядеть, были ли взгляды украдкой и кофе нечто большим, чем признательность за тяжелую работу и лояльность?

Она вошла в вестибюль участка, как будто все эти действия прерывали другие, гораздо более интересные события. Осмотрела комнату, выглядывая дядю Грэма, которого всегда было легко узнать по седым волосам и модным костюмам. Он стоял у колонны в центре комнаты. Вокруг колонны была установлена широкая деревянная полка, и дядя Грэм сделал из неё свой личный стол, открыв на ней свой портфель и разложив бумаги. Костюм был выполнен на заказ, а оправа очков выполнена из какого-то легкого металла, используемого на космических кораблях. Он помахал рукой, когда заметил Лору, положив телефон, как будто она была еще в колыбельке, а вестибюль участка был его личным офисом.

Когда Лора поздоровалась с ним, он удержал ее на расстоянии вытянутой руки со словами:

— Я не доволен тобой.

— Почему?

— Ты задавала вопросы.

— Я просто поговорила с... подожди, кто, с чего ты думаешь, что я задавала вопросы?

— В следующий раз, — сказал он, покачивая пальцем, — ты звонишь мне.

— Следующего раза не будет. — Хотя снова стоя в вестибюле Южного участка Мидтауна, она не была в этом так уверена. — Где мама?

— Я отправил ее домой. Я хотел поговорить с тобой, прежде чем ты войдешь.

— Разве это разрешено?

— Ты мой клиент. Они не могут остановить меня. — Она одновременно почувствовала раздражение, за то, что она указывает её что делать, и приятную теплоту за заботу. — Они также не могут помешать мне рассказать тебе, почему у них Руби. Мне просто нужно сначала получить твое устное согласие.

— Хорошо?

— Я не хочу, чтобы ты была вовлечена в дело, как это случилось прошлой зимой.

— Дядя Грэм, я не могу...

— Ты должна.

— Знаешь, что для меня значит моя сестра?

Он кивнул, как будто знал, но если бы он действительно понимал это, то никогда бы не стал просить о таком.

Она попыталась объяснить.

— Когда мы были детьми, и мама работала допоздна, а мы возвращались домой из Далтона, мы были сами по себе. У нас был наш собственный мир. Богатые белые дети не разговаривали с нами, а другие стипендиаты не знали, что у нас с ними есть что-то общее. Были только мы. Если с ней что-то случится, у меня как будто вырвут сердце.

— Это очень драматично. И так же не относится к делу.

— Почему они её забрали?

— Мне нужно, чтобы ты пообещала. Ради нее, а не ради тебя.

Лора скрестила руки на груди.

— Я не могу солгать. Я сделаю все, что мне понадобится. И если ты не скажешь мне, я пойду и найду любую информацию, которая мне понадобится, где бы я ни была. Причина, по которой я была втянута в убийство в последний раз, — это то, что я не получила информацию о местоположении определенного образца. Потому что детектив Не-знаю-его-имени-Кангеми защищал меня. Если бы у меня была эта информация, я бы избежала всего этого беспорядка.

— Убедительный аргумент. И недоказуемый. — Но он улыбнулся.

Лора пожалала плечами.

Дядя Грэм продолжил.

— Ты могла бы стать адвокатом.

— Там надо слишком много читать.

Они остановились, так как тема их разговора была намного тоньше, чем коленки состаренных джинс. Но молчать Лора не умела.

— Не могу поверить, что они думают, что Руби убила Томасину. Что они могли найти в доме? Я имею в виду, что Руби полный ноль в химии. Трудно поверить, что она смешала яд и положила его в капсулу.

Дядя Грэхем махнул рукой.

— Нет. Я думаю, они обратили на это внимание. Яд на столешнице или где-нибудь еще.

— Как?

— Кто-нибудь был в её квартире, Лора? Кто мог что-то сделать, может быть, что-то смешать на кухне?

— Дядя Грэхем, серьезно? Мы с Томасиной. Это все. Думаю, Стью забегал на интервью о деле Померанц месяц назад, но кто еще? Нет. — Это было безумие. Руби? Что-то совершенно не сходится.

— И они говорят мне, что мисс Вэнт была в доме Руби на ужине накануне? У них есть слюна на ложке.

— Ни в коем случае. Руби моет свои тарелки так, как будто она собирается провести операцию. Это полная ерунда. Из-за чего они её задержали, из-за какого-то... как вы называете это доказательство? Начинается с «К».

— Её можно задержать на основании косвенного доказательства, моя дорогая, просто нельзя осудить на его основании. Я был с ней на всех допросах, и лично я не думаю, что у них достаточно доказательств, чтобы арестовать её. Пока.

— Они рассказывали вам о докладе коронера? Томасина была отравлена этим утром, а не накануне?

Дядя Грэхем кивнул.

— Они знают. Но это не имеет значения.

Кангеми вышел, и ему хватило наглости улыбнуться ей. Лора не успела спросить, почему не имеет значения ночь или утро.

Глава 11

— Мы вообще не будем говорить о твоей сестре. Что бы ты не хотела узнать, ты можешь выяснить это у своего адвоката. Я собираюсь допросить тебя, и ты, разумеется, подумаешь, что это что это связано с ней. Поэтому я хочу, чтобы ты знала, я обязательно увижу, если ты начнешь лгать, чтобы защитить ее. — Кангеми приложил два пальца к глазам, а затем указал на нее.

— Она не убийца.

Он достал буклет из бумажного конверта и протянул её. Обнаженное женское тело чуть выше ложбинки попки до талии, сразу заставило ее задуматься о порнографии. Но остальное сверкало нежно-розовым, цветочным и кружевным, клубничным и кремовым. Рукописная надпись вверху, выполненная в глубоком сиреневом цвете с изображением вспышки объектива в углу, гласила «Агентство Пандора».

— И что? — спросила она.

— Ты когда-нибудь видела это раньше?

Лора воспользовалась случаем, чтобы пролистать буклет. Приблизительно тридцать страниц длиной в дорогом матовом исполнении. Около двенадцати девочек, на каждую — двухстраничный разворот. Фотография была полностью профессиональной, как и презентация девушек, несмотря на похотливую обложку. Она перелистнула на последнюю страницу, где была бы стоящая информация. Лора нашла адрес в Бельгии, пару смешных европейских телефонных номеров и нью-йоркский адрес — 277 Парк Авеню, 17-й этаж здание с атриумом. Ниже было три имени. Взгляд зацепился за руководителя агентства, им была никто иная как Сабина Фош.

— О, посмотри, — сказала Лора. — Здесь нет фотографий Руби и есть поддельное имя Томасины. Так чего же ты хочешь? Печеньку?

— Ты питбуль, знаешь?

Она не могла не быть польщённой.

— Моя сестра тратит полчаса на подбор цвета ногтей. — Она ткнула ему каталог моделей. — Руби — это не Сабина Фош. Это Томасина. Вы знаете это из кошелька. Я имею в виду, это похоже... подождите. Ты думаешь, что они вместе вели это бизнес, и у них возник спор, и Руби убила Томасину? В самом деле? Вы мою сестру вообще видели?

— Не важно, что думаю я.

— Да, а ты разговаривал с Бобом Шмиллером, прежде чем бросить мою сестру под автобус?

Кангеми съежился и заерзал на своем месте, словно вздрогнув от шока.

— Ты в порядке? — спросила Лора.

— Просто эта огромная боль в моей заднице с тех пор, как вошла в комнату.

Чертов комедиант. Лора постучала по верхней части буклета:

— Я никогда раньше этого не видела.

Он снова подтолкнул буклет к ней:

— А как насчет девушек? Видела ли кто-нибудь из них раньше?

Она неохотно взяла брошюру. Ей хотелось увидеть девушек, но она не хотела выглядеть слишком нетерпеливой. Кангеми, казалось, знал ее и ее любопытство. Девушки были одинакового женского типа, с ярдами изящных, слегка завитых волос. Агентство специализировалось, по-видимому, не на супермоделях или будущих звездах подиумов. Большие глаза. Идеальная кожа. Цепляющих взглядов нет и в помине. Ни одной девушки с большим сигнающим клином носа, посаженным на идеальное лицо. Нет характера. Ничего поразительного или шокирующего.

Кроме их возраста.

Лора протянула снимок.

— Как думаешь, она уже знакома с циклом?

— Третий класс информатики?

Она вздохнула. Они были младенцами. Полностью не неподходящие для МААВ. Фотошоп может убрать годы у женщины среднего возраста, а плохой макияж может добавить пару к девушке, но дети в брошюре были неопытными и милыми. Возможно, они были совершеннолетними, но ни один человек с нравственными или моральными принципами не пригласил бы их на ужин. И ни один человек под страхом закона не уложил бы ни одну из них в постель.

— Я ее знаю, — сказала Лора, зажимая страницу с девушкой с карими глазами размером с фрикадельки. — Я встречала ее в «Бакстер–Сити». Она была с Рольфом Вэнтом.

Кангеми взял брошюру, чтобы лучше рассмотреть.

— «Бакстер–Сити», да? Ты там окна снаружи что ли мыла?

— У них есть действительно вкусный красный африканский чай. Ты должен попробовать его в следующий раз.

Он улыбнулся. Это была лучшая реакция, которую она когда-либо получала от него после острот.

— Итак, у неё была с Рольфом деловая или личная встреча? — спросил он.

— Зависит от того, что понимаешь под деловой.

— Узнала ее настоящее имя?

— Нет, если только её действительно не зовут Сюзанной, в чем я сомневаюсь. Она просто затопила Пенелопу Сидуиндер фанатским обожанием.

Он кивнул, как будто знал рецензента по имени, хотя, возможно, он и знал, работая в Южном Мидтауне. Наверняка он заходил в торговый центр за одеждой.

— Ты когда-нибудь скажешь мне свое имя? — Спросила Лора. — То, которое твоя мама использует, чтобы звонить тебе?

— Я тебе уже говорил.

— Твоя мать зовет тебя «детектив»?

— Только когда я приглашу ее на допрос.

— Итак, — сказала Лора, зная, что говорит как парень, который кадрит кого-то не из своей лиги, — Ты думаешь, что Томасина и моя сестра поставляли несовершеннолетних девочек на подиум? А потом моя сестра разозлилась на Томасину и убила её?

— Это беспощадный бизнес.

— Я думала, её отравили.

— Да ты просто гений. Кто подписывал контракты для ваших девочек?

— Честно говоря, я выбирала девочек по типу телосложения. После того как я определилась, за моделями стала отвечать Руби. Она говорила, что они приходят из агентства Рокель, и все подписанные мной контракты были из «Mermaid». Все я не читала, просмотрела только один. Поэтому, утверждать, что возможно, одна или две девушки проскользнули из других агентств, не буду, но думаю, если бы у нас были девушки из «Пандоры», Руби упомянула бы об этом, особенно если она была партнером или тем, кем ты там её считаешь.

Он откинулся на спинку стула и сложил пальцы вместе. По выражению его лица было видно, что он пытается совместить все нити расследования, и что ее разозлило, так это то, что у нее не было информации.

— Я бы смогла тебе помочь, если бы ты мне все рассказал, — сказала она, замахиваясь на несбыточное.

— Ты думаешь?

— Да уж. Я могла бы вам кое-что рассказать.

— Скорее всего, я уже об этом знаю.

— Ты уверен, что Боб Шмиллер здесь не причем?

Кангеми никак не отреагировал. Его лицо осталось неподвижным либо от того, что это была самая скучная информация, которую он слышал, либо, от усилий выглядеть так, как будто у него не было реакции. Лора продолжала настаивать:

— Он позвонил ей, да, и я знаю, что он был в отъезде, но если он просто положил одну плохую таблетку в ее бутылку, то мог позволить себе подождать, пока Томасина не примет ее. Еще лучше, если Боб был в отъезде, пока это происходило, и он звонил ей, как будто она была жива. Он может быть терпеливым, верно?

Кангеми поднял руку.

— Ты можешь позволить себе удовольствие строить догадки сколько тебе угодно, но мы так не работаем.

Его высокая моральная планка несколько не поколебала Лору.

— Бобу пришлось избавиться от Томасины. Иванна начала заниматься собственным швейным бизнесом, и они должны были встретиться. Там больше сплетен, чем в мыльной опере. Секрет откроется, и что будет? Развод? Это стоило бы ему целого состояния. Эта женщина не глупа; она отхватила бы все, что у него есть. И тот факт, что ты так смотришь на меня, значит, я что-то нарыла, не так ли? Я имею в виду только потому, что я не слышала, что его вызывали на допрос, не означает, что ты этого не сделал. И что бы он ни сказал, вы поверили ему, потому что у него есть деньги, чтобы скрыть следы. И есть Руби, у которой ни гроша за душой.

— Я знаю, что ты не понимаешь, насколько серьезны эти обвинения. Думаешь, что это просто разговоры. И совершенно не фильтруешь, что говоришь.

— Просто скажи, что ты говорил с Бобом Шмиллером. Он мог подсунуть яд Томасине, уехать в командировку и ждать. Вопрос в том, когда он планировал эту поездку? До или после того, как она угрожала рассказать обо всем его жене?

— Разве он не твой поручитель?

— И?

— Может, тебе стоит перестать так о нем говорить. — положил брошюру «Пандоры» обратно в конверт и встал. — Тебе следует уйти прежде, чем ты скажешь еще какую-нибудь глупость.

Он бесцеремонно проводил ее в вестибюле и оставил с дядей Грэмом, как отец, отдающий невесту. Затем он ушел, как будто у него были очень важные дела.

— Они выпустят её через час, может быть два, — сказал дядя Грэхем, постукивая по своему BlackBerry. — Ты можешь подождать, если хочешь.

— Они допрашивали Боба Шмиллера?

Он подозрительно посмотрел на нее.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что у него был роман с ней, во-первых. И, во-вторых, он мог бы это сделать.

Он положил телефон в карман.

— Это то, чем ты занималась в начале этого года? Хваталась за соломинку?

— На самом деле, да.

— У Томасины не было дела с Бобом Шмиллером, уверяю тебя.

— Ты что-то скрываешь от меня.

— Когда Руби выйдет, ты сможешь сама спросить её об этом. Но пока оставь все в покое.

— Я не могу.

— Нет, ты можешь, и сделаешь это. Я подожду здесь Руби, и обязательно вернусь домой. Почему бы тебе не отдохнуть?

— Я не устала.

Он положил руки ей на плечи.

— Ты мне доверяешь?

— Да.

— Тогда позволь мне вызвать для тебя такси.

Она, конечно, позволила ему вызвать такси, ведь он был её дядей, но поехала не домой.

Глава 12

Остатков злости хватило на то, чтобы добраться до городской периферии и сесть в такси с рекламой Джереми Сент-Джеймса. «Saint JJ». Грядет весенняя коллекция. Сколько бы ее сердце не пыталось сдержать ярость, которая подтолкнула ее к дому Шмиллеров, тело продолжало помнить Джереми.

Западная часть Центрального парка никогда не знала возрождения, как другие районы. Не было метаморфозы от опасного к удовлетворительному, желаемому, недоступному. Здесь всегда были крепости за деньги, даже если стены были лишь в воображении жителей остальной части города. Всегда был швейцар, тент с медными стойками и свободная от парковки зона перед домом, потому что его жителям не допустимо испытывать неудобства от припаркованной машины возле их дома.

Естественно, Шмиллеры жили в самом вычурном здании с горгульями и каменными балюстрадами на двух верхних этажах с видом на Центральный парк и 73-ю улицу. Лора задалась вопросом об участии Боба в выборе кондоминиума. Он не походил на вычурного, лощеного парня. Он походил на бывшего футболиста с талантом превращать умирающие компании в деньги. Если бы она была его агентом по недвижимости, она бы приняла его за парня из Верхнего Ист-Сайда.

У Лоры было миллион причин быть здесь, но все-таки нужно было придумать оправдание для столь позднего появления. И ей нужны были цветы. Она сделала крюк на корейский рынок и купила самый большой и безвкусный букет, какой только могла унести.

— Здравствуйте, — сказала она швейцару с именем «Гарволд» на табличке. — Меня зовут Лора Карнеги. Я к Шмиллерам.

— Они ждут вас, мисс Карнеги?

— Нет.

— Прекрасные цветы. — Он снял трубку настенного телефона семидесятых годов, безошибочно произнес её имя и имя Иваны и указал на лифт. — Нажмите кнопку с надписью «Р».

Так она и поступила. Медные двери закрылись с тихим скрипом. Они, вероятно, доплатили за эту маленькую нотку старины, как и за деревянные панели внутри, и шерстяной ковер, и вольфрамовый свет. Лифт дернулся, а затем остановился, открыв небольшой коридор с одной дверью. Их квартира занимала весь этаж. Прекрасно. Она постучала.

Открыл невысокий мужчина в сером шерстяном костюме с голубым галстуком и очками в проволочной оправе. Он держал в руке кожаную папку и остановился, увидев ее.

— Вы та леди, о которой звонил Гарволд?

— Да. Я Лора Карнеги? — Черт, опять этот вопросительный тон.

— Полагаю, одна из Портняжных сестер?

— О, это имя лучше, чем то, что мы придумали.

— Ненамного, на самом деле. Она в саду. Желаете проследовать за мной?

Он провел ее через самую большую квартиру, которую она когда-либо видела. Вполне возможно, он был больше, чем дом Грейси Померанц, или такой же, но более просторный, и либо безвкусный, либо страдающий от переизбытка вкуса. Обитый бархатом диван был розового цвета, как спелая клубника, с рисунком не слишком крупным и не слишком мелким, с подходящей к нему кушеткой, оба украшенные черной отделкой, которая, как поняла, Лора была кожаной. В каждой комнате было что-то под хром или органическое стекло, и в каждой комнате, где они проходили, была какая-то шкура животного.

— Извините, — сказала Лора. — Я не расслышала ваше имя?

Он обернулся, протягивая руку.

— Очень жаль. Я Бак Штерн.

Она постаралась не засмеяться. Бак Штерн был хорошим именем для радиоведущего с глубоким голосом или звезды мыльной оперы. Но не для такой мелкой сошки.

— Как вы узнали обо мне и моей сестре? — спросила она.

Бак замедлил ход, и они продолжили путешествие по дому в более подходящем для разговора темпе.

— Я веду гроссбухи мисс Ивановны. Уже двадцать лет. Ваша компания в ее бухгалтерской книге.

— В самом деле? Я думала, Боб...

— Ах, да, конечно. Но на бумаге это ее компания.

— Нет, вообще-то... — Она остановилась. — Это моя компания.

Бак только улыбнулся и протянул руку, чтобы проводить ее по лестнице без окон.

— Они были построены как лестницы для прислуги.

— А кто ими пользуется сейчас?

— Они же. — И они поднялись по лестнице из алебаstra. Ведь работающие здесь горничные были слишком хороши, чтобы ходить по обычному дереву.

— Так вы управляете ее дизайнерским бизнесом? — спросила Лора.

— Нет, нет. Дизайнерские заботы Ивановы не в моей компетенции. Я больше менеджер, если точнее выразиться. Я двигаю нужные шестеренки, чтобы все работало как надо. Работа на полный рабочий день.

— Вы сказали двадцать лет? Я думала, что она замужем за мистером Шмиллером не более десяти лет. — Они вышли на просторную террасу на крыше со стеной из розовых орхидей справа, оранжереей слева и современными скамейками из темного дерева повсюду. Это был самый великолепный уголок Нью-Йорка, который она когда-либо видела.

Иванна стояла на краю крыши, держа на руках собачку, приносящуюся к пурпурной орхидее. Она была прекрасна, и Лора увидела в глазах Бака что-то немного большее, чем уважение к давнему работодателю.

— Иванна начинала как модель и инвестировала очень мудро. Она никогда не делает неверных шагов.

— Никогда?

— Никогда. Это её магия.

Такое утверждение не соответствовало ни имени, ни должности мужчины перед ней, но девушка безоговорочно в него поверила. Когда бывшая модель, ставшая инвестором, увидела их, спустив с рук собаку, направилась к ним, Лора почувствовала себя гораздо лучше, ведь женщина, которая всегда настолько критично оценивала успех других людей, что никогда бы не сделала плохую инвестицию, вложила в нее. Может быть, Иванна не была такой

отвратительной сукой. Возможно, у нее была пара положительных качеств. Возможно, она видела что-то стоящее в «Портняжках», даже в финансовом отношении, которое Лора могла бы извлечь, использовать и выделить. Когда Иванна подошла к ним, Лора и думать забыла, что считала женщину бездарью, а в дом к ней пришла, чтобы выведать информацию, которая поможет вытащить сестру. Все, что она сейчас чувствовала, были волшебная теплота и покой.

Она передала цветы, как только Иванна оказалась в пределах досягаемости.

— Они прекрасны, — сказал Иванна. — Спасибо. Садись. — Она указала на стол с видом на Парк. Он был собран из витой металлической проволоки, похожей на птичье гнездо. На спинках стульев были чугунные стебли, а на них сидели крошечные птички. Сиденье, несмотря на то, что оно было скрученным железом, оказалось удобным.

— Я пришла сказать, что мы начнем осеннюю коллекцию в ближайшие пару недель, и, если ты хочешь посмотреть на стенды, мы можем назначить встречу.

— О, как мило. — Иванна окинула взглядом просторы парка. — Я могу посмотреть на ваши стенды. И что тогда? Мне не нравятся эти вещи. Это пустая трата времени. Наклеить страницы журнала прошлого сезона на кусок картона с лоскутками тканей, которые можно было бы использовать? Глупо.

Она прекрасно понимала, о чем толкует Иванна, ведь это было точное описание работы Руби в крупной компании. Команды дизайнеров каждый сезон создавали стенды, некоторые от пола до потолка были забиты вырезками, эскизами, образцами отделки и тканей, расположенные в радующей глаз последовательности. Эти стенды создавались для того, чтобы генеральные директора, президенты компаний, креативные директора и инвесторы говорили «Ооо» и «Аааа» и задавали относительно разумные вопросы, ответы на которые не имеют никакого значения. Стенды были только для настроения и тона. А какую еще информацию они могли нести? «Я не хочу «солнечного веселья» в этом году?» или «Слишком много коричневого?». Нет. Потому что они не имели никакого значения. Неважно, что за «солнечное веселье» было на стенде; все будет таким, каким получится. Цвета не были высечены в камне. Ничто на досках не предназначалось для производства. Это делается просто для того, чтобы боссы почувствовали, что они участвуют в процессе проектирования, и никакие изменения не прошли мимо них, и никаких «сюрпризов» не будет. Он узнал о таких досках еще в школе, а Руби подготовила десятки таких в «Tollridge & Cherry», компании, выпускающей каталоги, с руководителями, прогуливающимися по кабинкам с видом, что они знают, что людям надо носить. Лора всегда работала только на Джереми, а была ему нужна делать стенды для себя самого? Он работал только с настоящими телами и тканями. Каждый день Лора осознавала, в какой роскоши она работала, когда была в доме Сент-Джеймса.

— Я также хотела поблагодарить тебя, — сказала Лора, — за то, что ты пришла сегодня. Нам пригодится твоя помощь. Я действительно хочу, чтобы это сработало.

— Я рада слышать, что ты это говоришь, — сказал Иванна. — Вам это нужно. Не пойми меня неправильно, но вы на грани потери компании.

— Да, с Томасиной не повезло.

— И ваша сестра? Она все еще в полицейском участке?

Лора уже не удивлялась тому, откуда её спонсор столько знает. Она была уверена, что все желтые таблоиды уже пестрят этой новостью.

— Пока да.

— Я уже связалась с Грейсоном. Они разговаривают с этой журналисткой. Должно быть, ты неплохую кость кинула ей, не так ли?

— Я сильно разозлилась на неё, когда она околачивалась около нашего дома.

— Занимательная история. Мы воспользуемся этим в наших интересах. Позволим её написать, что будто Руби убила Томасину. Прекрасно. Ваше имя будет у всех на устах.

— Что? Нет! Ты не можешь этого сделать.

Иванна посмотрела на нее так, словно она только что расстроилась, что завтра будет дождь.

— А как ты собираешься поступить? Дашь скучное опровержение? Нет и нет. Если она ничего не напишет, то и проблемы не будет. Это пиар-фирма. Пиар — это общественность, на которую они влияют.

Лора не могла избавиться от ощущения, что этот план был плохой идеей для Руби. Ее сестру использовали как кухонное полотенце. И даже, если это для её же блага, все было слишком рискованным. Что если Рольф узнает об этом и слетит с катушек? Что если его бритоголовость одержит верх над благоразумием, и он возьмет правосудие в свои руки? Как долго этой стратегии будет придерживаться Камичура и Роско Кнуг, прежде чем кинуть спичку во всю эту историю?

— Я была сегодня в участке, — сказала Лора. — Они даже не позволили мне увидеть ее. Я бы хотел сначала поговорить с ней.

— Неважно, что она скажет, дорогая. Ты можешь сделать все сама, как пожелаешь. Но когда ты просишь меня сделать это, я сделаю это тем способом, который считаю наилучшим. И это действительно будет наилучший способ. В бизнесе лучшие всегда поступают так. Вот что из этого получится.

— Позволить общественности обвинить её в убийстве, путь на секунду, это и может пойти её на пользу?

Иванна, должно быть увидела на лице Лоры боль и растерянность, потому что она потянулась и схватила ее за руки. Это жест потряс Лору так, что она не смогла пошевелиться.

— Иногда лучше всего взять вину на себя.

— Нет, если ты ничего не сделал.

— В Чехословакии мы были настолько бедны, что моя мама готовила нам обед из вот таких вот маленьких кусочков мяса. — Она отпустила руки Лоры, чтобы сжать пальцы до двух дюймов. — Она нарезала его на кусочки и потушила в соусе, чтобы все мы могли его попробовать. Кроме того, это было для того, чтобы мои два брата не съели все и не оставили меня ни с чем. Но мой старший брат работал весь день на заводе по изготовлению ламп, и он не обедал, поэтому однажды он съел все мясо, пока матери не было дома. Я видел его там, стоящего за столом, с этим крошечным кусочками мяса на палочке, жарящим его на плите и кладущим эти маленькие кусочки в рот. Сок стекал с его подбородка, и я подумала: «О, ему лучше облизать, иначе упустит все самое вкусное». Он тоже видел, как я смотрю. И как ты думаешь, что я почувствовала? Он был крупным мужчиной, даже в тринадцать лет, и когда мама увидела, что мясо пропало, я сказала ей, что съела его, потому что знала — она побьет моего брата, но меня не тронет. О, Боже, это было как бомба, поразившая дом, когда мой отец узнал об этом. Он швырял в меня все, что попадало под руку, а мои братья молча наблюдали из-за угла. Меня никогда в жизни так не били. Я думала, что никогда больше не смогу дышать из левой ноздри. Видишь? Смотри. — Она зажала правую ноздрю и вздохнула.

Ее левая ноздря слегка скрипнула.

Лора кивнула.

— Моя мама взяла меня и ушла. Просто так. Она понесла меня в церковь, и после спокойного сна и перевязки, она подхватила меня на руки, и мы пошли. Мы шли вечно, днем и ночью. Мы спали на обочине дороги и ели все, что находили. Однажды она остановилась в маленьком городке и начала нашу новую жизнь. Может, сравним это с этим? Я взяла на себя вину за то, чего не делала, и посмотри. — Она раскинула руки, охватывая необъятную квартиру. — Нельзя относиться к проблемам слишком серьезно. В конце концов, все, что не делается, все к лучшему.

Лоре было, что сказать по этому поводу, настолько много, что слова застряли у нее в горле, и у нее ничего не вышло. Это было негласное согласие. Плохие времена Иванны были временными, они были временными у всех. Но можно ли так часто прибегать ко лжи, как ей удалось это сделать год назад. И одинакова ли ложь, которую человек сказал по собственному выбору, и ложь, которую человек сказал о ком-то еще.

Лора выдержала паузу. Во многом потому что, рассказанная история была очень трогательной, и она очень сожалела, что такое случилось с женщиной, но она пришла к ней, чтобы узнать больше о командировке Боба. Но также она не смогла сразу накинуться на Иванну с именами и обвинениями.

В сад вошел Боб.

— Карнеги, — сказал он с искренним удовольствием, — человек, который рассказывает только правду. Что привело тебя сюда? Решила испортить нашу вечеринку-сюрприз?

Иванна скрестила руки на груди и сердито посмотрела на него.

— Ты... — сказала она с насмешливой яростью, затем повернулась к Лоре. — Он забыл, что у меня день рождения в это воскресенье, и ничего не подготовил. Но он за это заплатит. — Лора видела по ее лицу, что не заплатит больше, чем мог себе позволить. Несмотря на то, что она знала, что Боб спал с супермоделью, пара действительно любила друг друга.

— Я хотела поговорить с тобой о твоей командировке, — сказала Лора. — Мы подумали, что настолько ограничены в количествах, которые мы можем производить на 40-й улице, что у нас возникают проблемы с производственной линией. Один из вариантов решить этот вопрос, перевести часть производства за границу, чтобы выпускать больше. Я слышала, что ты только что вернулся из Шанхая. — Она придумала город очень быстро, почти сказала «Милан», поэтому он больше походил на «Ми'Шанхай».

Вместо того, чтобы заметить и исправить ее предположение о том, что он уезжал в Китай, он сказал.

— Если вы производите больше, то переезд будет стоить дороже.

Она должна была помнить, что он работал в хедж-фондах, в мире цифр, не в производстве.

— Самая большая стоимость производства чего-либо — это установка оборудования. Таким образом, чем больше вы делаете, тем больше распределяется стоимость. Тысяча пар штанов будет стоить меньше, чем пять пар.

— Но твоя востребованность терпит крах.

Она сглотнула. Он был прав, и говорил как раз о том, о чем она спорила с Руби с самого начала, когда та хотела звонить на все китайские, турецкие и пакистанские фабрики, с которыми она когда-либо работала в «Т&С».

— Я бы хотела присмотреться к этому варианту. У тебя остались там хорошие

контакты?

Он сел и обнял свою жену, она в ответ положила ему руку на колено.

— Я был в Северной Европе. Делать там перчатки тебе не по карману.

— Бобби ездил по делам фонда помощи, который я организовала для девушек, оказавшихся в ужасных ситуациях у меня на родине. — Сказала Иванна.

— О... — Лора не знала, что спросить в первую очередь. Не сболтнуть об фонде «Белой Розы» Томасины её удалось. Не хотелось слишком торопить события. — В Чехословакии?

— Это место для меня мертво, — ответила Иванна. — Он был в моем настоящем доме.

Лора кивнула.

— Да, ты говорила...

Боб прыснул от смеха.

— Ивана не рассказывала о прогулке с матерью до Восточной Германии? Хорошие времена, детка. Хорошие времена.

Иванна хлопнула себя по колену.

Лаура подумала, что за двадцать пять лет в одном из самых интернациональных городов мира она никогда не встречала более двух человек, живших в Восточной Германии.

Она чуть не уснула в поезде.

Вообще-то, это было бы неплохо, ведь дома в лучшем случае было бы неприятно, а в худшем — драматично. Даже если все ушли и дом был пуст. Возможно, Руби все еще была в Южном Мидтауне, а мама сидела в комнате ожидания, комкая ткань в узлы. Тогда было бы тихо, и Лора могла, лежать и смотреть в потолок не беспокоясь, и никто бы не превратил бессонную ночь в трагикомедию.

Вокруг вилось слишком много нитей, но они никак не сплетались в одну паутину. Немецкий фонд, к которому приложили руки и Томасина, и Иванна. Модели «Пандора». Рольф, брат умершей, появляется с девушкой с глазами-фрикадельками из каталога. И, конечно, Руби, с ядом на всей раковине, совершенно не похожая на себя. Если бы Руби собиралась кого-то убить, она бы заставила какого-нибудь парня это сделать. Она никогда сама не соображала в химии, и Кангеми, должно быть, знал об этом, потому что ничего не предвещало арест, больше было похоже на то, что сестру специально для чего-то удерживают.

Глава 13

Лора проскочила мимо фургона со СМИ, припаркованного через улицу. Полицейская лента все еще была натянута на двери, ведущей в садик. Она поднялась в мамину квартиру, они сидели за обеденным столом, грустные, уставшие, с опухшими глазами и очень обиженным видом.

Руби кинулась к ней с объятиями, а мама пошла на кухню за еще одной чашкой.

Ни Лора, ни Руби чай не любили, за исключением странного красного африканского сорта, который подают в клубах с оборотом по тридцать тысяч долларов в год, они грели руки чашками с горячим чаем и сахаром, положенным по маминому усмотрению.

— Они взяли у меня мазок, — пожаловалась Руби. — Знаешь, как это было унижительно? Они надели перчатки и стали царапать мне щеку, и дядя Грэм позволил им.

Она заплакала.

Лора подняла руку.

— Если собираешься устраивать драму в стиле CBS, я иду спать.

Поразительно, но ни мама, ни Руби с ней не стали спорить — она поняла, что это потому, что они были совершенно растеряны. Она стала главной. Это было все равно, что посадить за руль слепого.

— Руби, я хочу просто тебя спросить, — сказала Лора, стараясь подобрать правильные слова, — ты руководила модельным агентством с несовершеннолетними девушками с Томасиной?

— Когда бы у меня было время этим заниматься? Я все время работала над «Портняжным сэндвичем».

Лора так не думала. Руби, легко могла выкроить пару часов и управлять одним или двумя агентствами на стороне: несколько телефонных звонков, несколько воздушных поцелуев на вечеринке, чтобы адвокат составил один или два контракта.

— А Томасина?

Руби покачала головой.

— Нет.

— А как насчет фонда «Белой Розы»? Для сирот в Восточной Европе? Это было в деле Томасины, и я только что узнал, что Шмиллеры тоже в этом замешаны.

Мама суетилась с чайными ложками и сахаром.

— Я не хочу, чтобы ты расстраивала свою сестру, дорогая. У нее был плохой день.

Лора никогда не была из тех, кого сдерживала мама.

— Она занималась им одна или с кем-нибудь? Или этим кем-то была ты?

Руби ответила кратко, как человек, у которого нет другого выбора, как только подчиняться, для своего же блага.

— Я не знаю, не знаю, и нет.

— Разве вы не жертвовали в этот фонд?

Руби фыркнула и кивнула, шумно цедя по каплям чай.

— Мы вообще-то обе сделали пожертвования.

Она почти забыла — обед и речь до того, как Руби и Томасина поцеловались и помирились, в то время как Лора сидела и давилась от обиды. Модель, пережившая всеобщее недовольство публики и едва не потерявшая Рокель в качестве агента после того, как скинула Руби с подиума, пригласила их на обед и рассказала свою историю. Томасина не была злой. У нее было много мыслей, особенно о ситуации в Восточной Европе с красивыми молодыми женщинами. Ужасные страдания. Изнасилования. Убийства. Последствия войн и худшее, конечно, экономические бедствия, которое западный мир игнорировал, потому что жертвы были белыми и красивыми. Страдания молодых девушек в странах третьего мира, в Венгрии и Словакии, были жестокими, даже, по-видимому, в сравнении с тем, что происходило в Африке и арабском мире. Лора пришла в плохом настроении, и полная решимости оставаться в таком состоянии, молча, терзала еду на тарелке. Руби, благослови ее Господь, прослезилась над её историей как дождевое облако. Несмотря на свое хладнокровие и репутацию, Лора не выдержала слез сестры и подписала чек.

— Была еще брошюра, да?

— Да, у меня лежит. — Руби махнула рукой вниз. — В коробке в моей квартире.

— Ну, это может подождать, — сказала мама, забирая все три чашки одной рукой. — Полиция все там опечатала. Дядя Грэм может помочь вам пробраться туда. Мы позвоним ему завтра.

Лора посмотрела на Руби, дядя Грэм может спать допоздна, несмотря на все заботы.

Мама протестовала на каждом шагу. Во имя хорошего ночного сна. Во имя собственной защиты. Во имя их гарантийного депозита. Во имя закона.

В квартиру Руби был только один путь, по которому можно было пройти, не нарушив полицейских печатей, и он шел через чулан для метелок. Дом строился по вертикальному принципу. В подвале располагалась кухня, этаж выше, выходящий на крыльцо, был отдан под жилые помещения, а на верхних этажах располагались спальни. Он был предназначен для одной семьи с кухонным лифтом, чтобы передавать еду. Но во время Великой депрессии нижний этаж был переоборудован в отдельную квартиру, лестница была закрыта. Пространство под ступеньками на верхнем этаже было переделано, добавили пол, двери и стены. В квартире Руби внизу было два шкафа: исконный, который был под лестницей, идущей с верхнего этажа, и один над лестницей. Если открыть двери старого шкафа, можно было найти ступеньки, которые сестра переоборудовала под полки. Если бы Джимми их разобрал, то получился бы один большой длинный шкаф, но он, на их удачу, этого не сделал.

Лора как ураган ворвалась в шкаф для метел и вытащила десятки чистящих средств, неопишное количество обувных коробок, набор старинных чемоданов «Samsonite», с которыми уже никто никогда не поедет путешествовать, и рулоны стеллажной бумаги. Как только пол стал чистым, она осмотрела его края. Абстрактный линолеум из пятидесятих свернулся в углах, где клей отклеился от палки, и она была уверена, что грязь, которую она только что стерла, была здесь пятьдесят лет. Она ухватила за самый многообещающий угол и дернула его как можно дальше и Лора сделала так же на других углах, производя треск, треск, хрюканье, что заставило ее радоваться, что стены между зданиями были каменными. Последний кусок оказался самым крепким, и её пришлось использовать плоскогубцы, чтобы оторвать линолеум от его места. В конце, в проеме шкафа не осталось ничего, кроме двухметрового куска линолеума, прикрепленного к центру шкафа, и сморщенного старого пола. Попасть вниз было невозможно.

Мама стояла позади нее, сложив руки.

— Не делай этого.

— Я помогу, — сказала Руби, вытянув руки.

— Нет, я сама.

Но Руби было не удержать и мама, видя, что ее дочери собираются сделать именно то, что она им запретила делать, смиренно вздохнула.

Лора осмотрела бардак в коридоре и нашла беспроводную дрель. Она проверила заряд, на шестьдесят пять процентов пустой, или на тридцать пять процентов полный, если придерживаться оптимистичной точки зрения. Инструмент завибрировал, как семифунтовый сверчок, когда она нажала на курок. Она передала инструмент маме.

Мама присела, и дрель застонала, продетая в отверстия под винты, сделанные там шестьдесят лет назад. Естественно, что, когда они вытянули все винты, они обнаружили гвозди, которые нужно было вырвать отверткой или задней частью молотка, или ножом для масла. Для некоторых потребовалось всего три удара, и Лора с матерью вырвали их вдвоем в тесном шкафу. Последний гвоздь сидел настолько плотно, что матери пришлось просверливать фанеру вокруг него, чтобы потом выдернуть все плоскогубцами.

Они были потные и уставшие, но зашли слишком далеко, чтобы сдаться. Мама взялась за лом, чтобы вырвать доски. Для этого ей пришлось выйти из проема шкафа в прихожую, которая превратилась в дикую свалку хлама из шкафа и кусочков линолеума, которые они вырвали.

Фанера приподнялась, затем упала с громким хлопком обратно, пахнув на них затхлым воздухом. Мама снова поддела ее, чтобы они могли схватиться за него руками, а потом подставить плечи. Мама постаралась дернуть его к двери, но это ни к чему не привело, потому что фанера была больше рамы, которая опоясывала шкаф. Лора, которая была меньше, залезла внутрь, перевернулась, чтобы вытолкнуть кусок деревяшки к двери. На это требовалось гораздо больше сил. Вырвать фанеру не удавалось, но она смогла освободить достаточно места, чтобы посмотреть, что там под ней.

Шкафчик Руби был таким же аккуратным, как и все остальное в доме. Чистящие средства, которые использовались регулярно, лежали, как младенчики, в милых клетчатых коробках. Лора была уверена, что, войдя она в углы, не увидела бы ценной шестидесятилетней чужой пыли.

У мамы наготове уже были фонарики.

— Я иду спать, — сказала она. — Не хочу в этом участвовать.

Она поднялась наверх, как будто можно было, сказав задним числом, отменить свое соучастие.

Руби, уже была готова. Лора спустилась, выбивая ящики с вещами, прежде чем открыть дверь шкафа. Они не осмеливались включать свет или направлять фонарики в окна, где их могли увидеть шпионящие журналисты. Сестра схватила ее за руку и потащила в спальню.

Руби выдернула из-под кровати коробку в горошек и, опустившись перед ней на колени, скинула крышку. Она вытащила стопку бумаги и половину стопки отдала Лоре.

— Это здесь, — сказала она, листая свою половину. — Где-то... Ах! Вот.

Они сгрудились в углу и поднесли фонари к бумаге. Брошюра представляла собой полноцветную брошюру на восемь страниц для организации «Белая роза», организации, занимающейся тем, чтобы обезопасить девочек, занимающихся проституцией в Восточной Европе.

— Переверни назад, — прошептала Лора. Там они увидели фотографию Томасины с просьбой о жертвованиях с размашистой и витиеватой подписью, и упоминанием о неизвестном сопредседателе Рудольфе Фоше. — Рольф?

Руби пожалала плечами и перевернула брошюру. На обложке красовалась довольно молодая, улыбающаяся, на прекрасно подсвеченном фоне, с простой прической и в потрепанной одежде, девушка с глазами-фрикадельками.

Лора сразу узнала ее.

— Это фонд Томасины, в котором участвуют Иванна и Боб. Я видела Рольфа с этой девушкой на днях, и она также была в каталоге моделей «Пандора». Она связь. Она может рассказать нам, какое отношение все это имеет друг к другу.

— Хорошо. Например?

— Кто на кого злился и за что, и был ли он настолько зол, что убил Томасину. И все твои проблемы закончатся. — Мозг уже почти не работал. Она была уставшей, расстроенной и беспокойной, и говорила совершенную чепуху.

Руби, пережившая один из худших дней в своей жизни, была на высоте. Она взяла брошюру и сунула ее в коробку.

— Давай возьмем все это наверх. Нам нужно внимательно все рассмотреть.

Лора кивнула, но знала, что сейчас это делать не будет. Если она сейчас же не ляжет спать, то упадет в обморок прямо в собственной слюне и поту. Мама, которая ждала их в коридоре, проводила ее до кровати, пока Руби собирала косметику, обувь и другие предметы

первой необходимости из своей закрытой квартиры. Простыни были прохладными и сухими, а мама накрыла ее одеялом, как будто ей было семь лет.

— Мама?

— Спи.

— Я сегодня целовалась с Джереми.

— С тем, на кого ты раньше работала?

— Ага.

— Ты на него еще работаешь.

— Иногда.

Мама остановилась, как будто хотела что-то сказать. Лора знала, что скажет ее мать. Джереми был манипулятором и использовал ее. Он никогда бы не был с ней, если бы не хотел чего-то от нее. Но она была вполне готова дать это. Она тосковала по нему шесть лет и, наконец-то, у неё появилась возможность быть с ним. Если он хотел использовать ее, она вся была его. И манипуляции едва требовались.

Мама тихо закрыла дверь, не говоря ни слова. Лора не рассказала ей о заказе шерстяного крепа, потому что сильно устала. Но мама гордилась бы тем, что Лора выжала из Джереми столько пользы, сколько он смог от нее. Может, даже больше. Она заснула под жужжание беспроводной дрели, когда пол в чулане для метел был заменен, как будто ничего и не случилось.

Глава 14

Лора не верила снам. Она не сидела в обнимку с хрустальными шарами и не развлекала себя разговорами о прошлых жизнях. Никаких карт Таро, чтений по рукам или болтовни об Иисусе. Она поклонялась швейной машине и молилась на выкройку. Она не забивала голову мыслями о «стиле» или «моде», потому что они были эфемерны и субъективны. Она предпочла старомодную куртку, которая прекрасно подходила к самой последней одежде от Н&М, цепь — к замысловатым бисерным украшениям и пройму с вышивкой в виде съезда с шоссе.

Но поскольку сны были отражениями событий предыдущего дня, в них появилась Фрикаделька. Даже, не она сама, а скорее мысли о ней, потому что она и Стью искали ее в Центральном парке, но нашли только шарики конского помета, похожие на тефтели.

Она спустилась вниз и увидела, что Руби спит на диване, а коробка в горошек для документов стоит на столе в столовой. Прошлой ночью они просмотрели его быстро и при плохом освещении. В документах могло оказаться, что угодно. Девушка на обратной стороне брошюры могла быть кем угодно.

Правильно?

Но нет, это была мисс Глаза-Фрикадельки, определенно лучшая из всех. Понемногу начала вырисовываться картина. Томасина возглавляла организацию по оказанию помощи молодым женщинам, привозя их в страну и устраивая на работу в качестве моделей. У Лоры вызвало большее недоумение, как Рокель Рик могла допустить её на свою территорию. Лора взяла телефон и набрала номер, напечатанный на обратной стороне брошюры «Белая роза».

Пара резких гудков и уведомление о том, что номер был отключен.

Позади нее Руби зашевелилась и со стоном села.

— Доброе утро, — сказала Лора.

Руби дотронулась до стула в столовой, села на него и опустила голову.

— Я не хочу сегодня идти в демонстрационный зал.

— Прости, но ты должна. И ты должна вести себя так, как будто тебя это всего лишь раздражает. Ты справишься. Пиарщики Иванны там все равно тебе все придумают.

Руби обняла свою подушку и застонала, как после похмелья.

— Мы смотрели одиннадцатичасовые новости. Я была в одиннадцать пятнадцать, падала с подиума. Они даже не упомянули, что у меня были не застегнуты туфли. Просто обвинили во всем Томасину.

— А тебя в убийстве.

Руби поднялась и подошла к ней, заглядывая за плечо, пока Лора рылась в бумагах.

— Ты собираешься заняться этим делом, пока я буду в салоне?

— Разумеется.

Руби обняла Лору сзади.

— Спасибо.

— Для тебя что угодно. Если бы речь шла о смерти Томасины, я бы работала над летней коллекцией и позволила полиции заниматься своими делами.

Руби, возможно, из-за усталости и беспокойства великолепная лишь наполовину чем обычно, порылась в бумагах, которые Лора разложила на столе. Модельные контракты для подиума. Модельные контракты на примерки. Модельные контракты на печать. Счета по каждому.

— Ты виделась с ней вечером накануне? — спросила Лора.

Руби кивнула.

— Обедали?

— Да.

— Что ты приготовила?

— Мы заказали доставку на дом из «DiBenedetto». — Вполне логично. Руби не готовила, если этого можно было избежать.

— Что-нибудь странное было? Может она что-нибудь говорила? Ей звонили? Она говорила о том, что кто-нибудь беспокоит или раздражает ее?

— Ей позвонили. Она говорила по-немецки. Постоянно повторяла «nicked», что, по-моему, по-немецки. Она была в бешенстве.

— Во сколько она ушла?

Руби, не ответила, поэтому Лора продолжила спрашивать.

— Потому что тот, кого она видела потом, мог отравить ее. Это может быть ссора, деловая встреча или что-то в этом роде. Она даже не сказала, куда направляется?

Руби, снова ничего не ответила.

— Я не могу воссоздать передвижения Томасины без тебя.

— Она была отравлена таблетками из своей сумке, верно? Разве это не значит, что кто-то положил таблетки в сумку намного раньше, может даже неделю назад? Так какая разница, что она делала тем вечером?

— Что ты скрываешь?

— Ничего, я просто говорю...

— Во сколько она ушла?

— Я не знаю. Думаешь, я все время смотрю на часы?

— Она вообще уходила?

— Что значат все эти вопросы?

— Она осталась на ночь?

Всего на секунду Руби выглядела ошеломленной, Лора встретила взглядом с сестрой и пришло понимание. Внезапная тесная дружба. Постоянные прикрывания друг друга. Хихиканье в офисе поздно ночью. Усеченные часы работы. Джереми спрашивал, как она держится. Он видел все за милю.

— Черт возьми, почему ты мне не сказала?

В ответ Руби бросилось в ванную и захлопнула за собой дверь.

Фантастика. Руби и Томасина были вместе. Неудивительно, что полиция брала у нее анализы.

Лора постучала в дверь, затем ударила со всей силы.

— Руби, давай! Ты сказала об этом копам?

— Конечно, я сказала, но все стало выглядеть так, как будто я сделала что-то еще.

— Она виделась еще с кем-нибудь после того, как ушла от тебя к началу шоу? Она говорила, что собирается куда-нибудь? Руби? Давай. Пожалуйста.

Раздалось сопение и звук, как будто кто-то подошел к другой стороне двери.

— Я приготовила завтрак, села и поела одна. Я не знаю, злилась ли она на меня или еще что, и теперь я даже не могу спросить ее или извиниться.

— Ты не знаешь, куда она ушла? — Вопрос казался неуместным, но Лора не знала, что еще сказать.

— Она жаловалась, что у нее нет наличных в кошельке, я предложила одолжить, но она не взяла. У нее был срыв по этому поводу, а я даже не смогла ничего сделать.

Лоре казалось, что она пропустила целую эпоху жизни своей сестры, потому что понятия не имела об отношениях Руби. Поэтому ей было тяжело из-за того, что Руби испытывает боль. Конечно, сначала она должна была смириться с тем фактом, что Руби была с женщиной, а затем, очевидно, влюбилась в эту женщину. Хуже всего, что сестра ничего ей не сказала. По сравнению с этим убийство казалось пустяком.

Руби не выходила из ванной, и Лора чувствовала, что без пары бокалов вина и хорошего ужина нет смысла пытаться выжать из нее больше. Она сунула папку с документами под мышку и пошла к поезду. Когда Лора выходила из итальянского гастронома с кофе, позвонила Йони.

— Что у тебя? — спросила Лора, опуская приветствия.

Йони, относящаяся к такому типу людей, которые прекрасно чувствовали себя без всяких формальностей, ответила:

— Твоя таблетка. Сделано из алкалоидов. Не достаточно, чтобы убить человека. Ну, может быть, если съесть двадцать или тридцать. Используется, чтобы вызвать рвоту.

— Идеально подходит для моделей с булимией. — Она пыталась говорить тише, но мимо проехал автобус, и ей пришлось кричать.

— Да, и кустарного производства. Об этом я могу тебе сказать, просто взглянув на ампулу. Ее любой легко может купить в магазине здорового питания. Они заполнены травами. Но этот порошок? Явно делал профи.

— Получается, ты говоришь, что порошок изготавливается в одном месте, а потом кто-то помещает его в капсулы? — Лора зажала второе ухо пальцем, чтобы заглушить гул улицы.

— Да.

— А можно узнать, откуда порошок?

— Могли бы, но...

— Чехословакия?

— Ого, да ты времени зря не теряла. Да. Он сделан из луковицы нарцисса, произрастаемой в основном в Восточной Европе.

— Что-нибудь еще?

— Мои лодыжки болят. Я хочу отстрелить их. Боже, я скоро истеку водой.

— Спасибо, Йони.

— Отправь мне заказ на ткани.

— О шерстяном крепе уже позаботились. Я присоединюсь к заказу Джереми.

Йони резко втянула воздух сквозь зубы.

— К нашему Джереми?

— Да, конечно. К кому еще?

— Я не знаю, что ты такого сделала, детка, но Джереми, наш Джереми, никогда не добавляет кого-либо в свои заказы на ткани. Он думает, что это может замедлить его работу, и он не любит путаницы при разборе заказа. Должно быть, ты нравишься ему больше, чем я думала.

— Может быть, он доверяет мне, вот и все.

Йони, не любившая прощания так же, как и приветствия, бесцеремонно повесила трубку.

Она нравилась Джереми больше, чем думала Йони, и казалось, что это хорошая новость. Но этот факт заставил ее почувствовать, будто он согласился взять её в закупку по неверным причинам: потому что она ему нравилась, что, с одной стороны, что давало ей странное чувство власти и заставляло ее чувствовать себя неловко. Очень неловко. Она хотела позвонить ему и сказать, что ему не нужно было добавлять её в заказ, и она попросила его в очень неподходящее время.

Она услышала, как поезд подъезжает к метро, когда набирала номер, и ей пришлось бежать вниз по лестнице или пропустить его. К счастью, она не смогла поймать сигнал под землей.

Кого она действительно хотела найти, так это Глаза-Фрикадельки. Модель могла рассказать, откуда она родом, кто ее представлял, как она попала в Нью-Йорк и была ли она спасена богиней в сияющих доспехах по имени Томасина или Сабина или кем-нибудь еще. Девушка также могла рассказать все о Рольфе и его участии в фонде.

Но Лора не могла добраться до девушки, которая нигде не оставляла ни номер телефона, ни контактной информации, минуя Рольфа. И она не собиралась стоять возле «Бакстер-сити», ожидая, пока он покажется.

На данный момент у Лоры была единственная ниточка — Рокель Рик. Модельное агентство, будь то в США или где-нибудь еще, не открывало своих дверей, пока Рокель не давала на это добро, и самая симпатичная девушка в любом агентстве стала бы объектом браконьерства, как яйцо на воскресном бранче.

Офис агентства «Mermaid» подчеркивал сексуальность и сексуальную силу, не прогибаясь под новыми веяниями и не сдавая свои позиции. Женщины на фотографиях, расклеенных по стенам от пола до потолка, были агрессивными, уверенными в себе и такими же недоступными, как и мифические существа, в честь которых они были названы.

Лицо Томасины пристально смотрело на Лору из-за стойки регистрации с зернистыми черно-белыми глазами, буквально такими же большими, как стоп-сигналы. Пронзительная. Идеальная. Она выглядела злой и голодной, как тигр, который не ел уже несколько недель.

Свежие цветы, лилии, орхидеи в зловеще дорогих композициях роняли лепестки на пол под подбородком. Вскоре фотография их мертвой звезды исчезнет, ее заменит другое разъяренной, чистокровной, у которой должны были быть лопнувшие капилляры под носом, но исчезли при фотографировании.

Войдя в офис, Лора на секунду испугалась. Потом напомнила себе, что это — глаза мертвеца, и она пришла сюда, чтобы отомстить за смерть от имени своей сестры, занимавшейся сексом с владелицей этих самых глаз.

Администратор широко улыбнулась, открывая вид на прекрасные, натуральные зубы, результат хороших генов и полезных привычек. Ее глаза осветили комнату с таким радушием, призванным противостоять агрессии в фото Томасины.

— Мисс Карнеги, как поживаете? — В дополнение к располагающему нраву прилагалась отличная память.

— У меня все в порядке. Рокель свободна?

Девушка—Солнце, как для себя назвала ее Лора, свела брови на переносице и посмотрела на экран компьютера.

— У вас назначено?

— Мне нужно расспросить ее об агентстве «Пандора».

— Мне жаль. Кажется, она на встрече.

— Я подожду. — Лора присела на обитую кожей скамью с самым высоким сиденьем, каким девушка только видела. Оставалось только догадываться, что такая высота связана с ростом постоянных посетительниц. Она написала Рокель: «Я в приёмной. Нужно увидится с тобой из-за девушки из «Белой Розы».

И стала ждать. Томасина уставилась на нее, и Лора привиделось, как оскал превращается в улыбку, какую можно увидеть на модели, находящейся в трех метрах от камеры. Улыбка говорила: «Твоя сестра влюбилась в меня, и она даже не сказала тебе. Она боялась тебя. Она делала все, что я ей говорила. Она скинула всю работу на тебя, потому что проводила время со мной. И я тоже была с кем-то еще. Потому что я могу».

Насмешки в голове бегали по кругу, от одного к другому, от причины к следствию и обратно, в хаотичном порядке. За пятнадцать минут чувства Лора сменялись от ненависти к наследнице к жалости к ней, к озадаченности, любопытству, отвращению, гневу, сочувствию, запугиванию, близости и обратно.

Но возвращались они всегда к одному и тому же: ты должна была видеть все, что происходило, но была слишком занята работой.

Однако она была не слишком занята, чтобы пропустить новую пару туфель, особенно пару Джимми Чу на ногах Руби. Ни каких-то там старинных, а этого сезона, не похожих на те, которыми торгуют в «Otto Tootsi Plohound» на Пятой, где одиннадцатый размер разлетается мгновенно.

Лора не стала удивляться или волноваться, увидев Руби с каким-то новым, дико дорогим аксессуаром, просто посмотрела на нее и сказала:

— Хорошая обувь.

Из коридора вышел Джереми с образцом ткани для эластичной вставки, бросил взгляд на закованные в роскошь ноги.

— Красные — заметил он, подбрасывая Лоре ткань. Она поймала её в воздухе.

Руби наклонила ногу, чтобы Лора могла рассмотреть туфлю сбоку. Естественно это были шпильки, с ремешками в форме оконной панели в стиле ар-деко и пяткой, изогнутой

под углом, что стало возможным благодаря какой-то технологии, которая была недоступна два года назад.

— Черные были слишком серьезны, — сказала Руби.

Джереми обошел её, осматривая задник. У него с Руби сложились странные отношения, как у братьев и сестер, которые терпят друг друга, потому что мама смотрит.

— Их было пять пар по всему городу, — сказал он, — твоего размера, я имею в виду.

Идеально тонкая колкость. Руби носила тридцать девятый, большой даже для ее роста в сто семьдесят сантиметров. Джереми знал об этом из печально известного инцидента с застежкой, произошедшего за шесть месяцев до разговора.

— Слышала об этом? — Он положил образец, над которым работала Лора, на стол. — Димфна Бэстил специально заказала их, но Томасина Вэнт пошла в «Plohound» и сумела их забрать. В «Grotto» был настоящий скандал.

Лора расстелила метр ткани. Джереми растянул ткань, и она измерила ее, забив число в калькулятор.

— О, сцена в «Grotto», — сухо сказала Лора. — Представляю себе.

Она передала Джереми швейный метр.

Он замерил обхват груди.

— Не знаю как одна из них оторвалась от ложки так надолго, чтобы сразиться за туфли. Добавь сюда еще четверть, и я думаю, что нам хватит.

Вмешалась Руби.

— Не говори таких вещей.

— Она больше не пользуется ложками? — спросил он.

— Это неправда, Джереми. Ты не должен распространять слухи. — Руби не могла оставить его остроты незамеченным из-за своего развитого чувства справедливости.

Лора бросила взгляд на Джереми, надеясь, что он не сделает еще одного резкого замечания, потому что она не могла запретить сестре быть той, кем та всегда являлась. Лора нуждалась в его помощи, и ей нужно было, чтобы между ними были терпимые отношения. Джереми пристально посмотрел на Руби, слегка скривившись и сжав губы, как будто сдерживая свои слова.

Лора прервала затянувшееся молчание.

— О, Руби, брось! Ты же знаешь, что Томасина, как и все другие девушки, проводит вечность в туалете и сплетничает с худшими из худших. И Джереми, ты знаешь, что лучше ничего не говорить Руби о ее друзьях. Я имею в виду, Боже мой, просто попробуй сказать что-нибудь плохое обо мне, даже если это правда, и она выколет тебе глаз одним из этих каблучков. А теперь убирайся отсюда. У меня много работы.

Может, последнее зашло слишком далеко. Ему не нравилось, когда ему говорили, что делать, даже если она пошутила. Или, может быть, Лора дала ему время, когда ему нужно было подумать о том, как донести свою точку зрения, и, вполне возможно, он делал это для ее пользы, потому что она была слепой, тупой и усталой.

— У Томасины тридцать девятый, не так ли? — Не дожидаясь ответа, он подмигнул Лоре, и вернулся в свой цех, где, по её сведениям, продолжал работать, глотая таблетки горстями, пока никто не видит, и, поддерживая привычку бегать пять-десять миль в день ради укрепления легких.

Он пытался что-то ей сказать. Либо Руби одалживала туфли у Томасины, либо модель подрезала их у Димфны, потому что Руби не могла позволить себе Джимми Чу с

ограниченным тиражом по полной цене. У ее сестры не было связей, чтобы достать их. Любой бы это заметил. Любой бы заметил, что отношения между дизайнером и супермоделью изменились, кроме Лоры. Но она только снова уткнулась в лекала, поблагодарив звезды и богов геометрии, что напряжение покинуло комнату.

— Лора Карнеги! — Рокель вырвала её из задумчивости, стоя рядом с чуть растянутой улыбкой.

— Ты уехала вчера перед уборкой. Я искала тебя, — обернувшись к девушке-солнцу, сказала Рокель

— Перенеси мою встречу в девять на полчаса и сдвинь остальные. Собрание в одиннадцать тридцать перенеси на завтра на обед и замени его обычным завтраком в «Marlene X».

Не дожидаясь ответа, она повела Лору мимо приемной, по узким как кишки коридорам агентства, где сновали прохожие и одинаково хорошо ориентирующиеся помощники.

В конце коридора был офис. Неоправданно большой, как Кадиллак Эскалада, а достаточно было Хонды Аккорд. Он имел вид комнаты, которой никогда не пользовались. Деревянные полы нигде не были потерты. Кожа на креслах была нетронутой, и стол выглядел так, как будто на нем ничего не двигали в течение нескольких месяцев, кроме как вытирали пыль.

Рокель села на диван и указала Лоре сесть напротив. В воздухе витал резкий отчетливый запах мяты. На столе между диванами стоял поднос с горячим кофе и чаем, соком, булочками и пепельницей в форме полумесяца. Над пепельницей на медном стержне толщиной с карандаш был подвешен бирюзовый шар.

Рокель нажала кнопку в верхней части шара.

— Закуришь? — Шар открылся с механическим щелчком, и из него высунулось множество сигарет, как солнечные лучи, нарисованные дотошным ребенком.

— Нет, спасибо. — Она была смущена сигаретами, а хозяйка комнаты, казалось, наслаждалась этим.

— Люблю хвастаться это штукой. Из 20 века. Конечно, курить здесь запрещено, но большинство новых девушек из стран, где нет строгих правил. Они чувствуют себя комфортно, когда видят здесь знакомый бренд.

— Здесь совсем не пахнет дымом.

— Мы здесь проветриваем. Так. Чего ты хотела?

Лоре, неспособной открыто лгать, пришлось прибегнуть к правде. Она достала брошюру «Белая роза».

— Я нашла это в вещах моей сестры. Эта девушка, здесь, на обложке, я встретила ее в «Бакстер-Сити» с Рольфом Вэнтом, но я не узнала её имени. Я хочу поработать с ней, и я подумала, что ты могла бы быть её представителем или найти её, если захочешь представлять её. Она достаточно перспективна.

Рокель пристально посмотрела фото.

— Немного смазлива для вашего бренда, тебе так не кажется?

Разумеется, это не оскорбляло ни модель, ни «Портняжек».

— Может быть, и так, — проговорила Лора, стараясь как можно увереннее. — Мы пытаемся сделать сладкое острым, а не острое острым.

— Интересно, а её никто не представляет?

— Ты слышала об агентстве «Пандора»? Думаю, это был Томасинин бизнес, но ее

больше нет?

Рокель ухмыльнулась.

— Это не модельное агентство, дорогуша.

Лора сделала паузу, прочистила горло и в голове отметила про себя все, что могло значить это высказывание.

Агент оборвала ее мысли.

— Почему вы просто не используете Ровену? Она прекрасно для вас подходит, и совершенно не засвечена. Бедняжка зависает с другими претендентами в «Марлен Х» каждое утро как потерянный щенок. Как-то утром она кружила вокруг Пенелопы Сидуиндер, ела крем-брюле, а потом сидела там с видом «Смотрите, я не блюю». — Она засмеялась и вздохнула.

— Что это за агентство? — спросила Лора

— Девушек, дорогая. Симпатичных девушек. Seriously, ты же не настолько наивна, чтобы не понять. — Её трудно было отвлечь от чего-то.

— Итак, ты никогда не видела ее здесь? Не снимала?

— Извини, нет. Но если найдешь, ты все равно можешь привести её к нам. Лучше, если пойдешь по проверенной схеме. Это общепринятая практика.

Работа с моделями, представленными агентствами, защищает дизайнеров от судебных процессов и путаницы. Она также защищает их от выплат работникам, страховкам, тысяча девятьсот девятой статьи и других суровых налоговых форм. Пятнадцать процентов доходов и зарплат сразу же уходят на оплату услуг агентств. Почти целое поколение дизайнеров, моделей и журналов покупали весь пакет услуг от и до, не задаваясь вопросом, сколько будет стоить случайный иск по сравнению с дополнительной зарплатой, согласованной агентами. Казалось, что целые экономики строились вокруг посредников и перекупщиков, но каждый раз, когда Лора пыталась придумать способ обойти их, возникала реальная работа по проектированию.

Рокель встала, давая понять Лоре, что пора уходить.

Девушка подумала, что эта встреча стала её самой большой тратой времени в жизни, когда её взгляд упал на бар в углу. На нем стояли две перевернутые чашки с блюдцами, сделанные под ситцевую ткань, в отдалении, и куча пудрениц и помад. Рокель была настоящей клептоманкой.

Глава 15

Лора вышла из лифта в здании 38-ой улице, прошла мимо выставочного зала Джереми, помахала Рене и завернула за угол, чтобы попасть в свой выставочный зал.

Уже подходя к нему, она услышала голоса: Корки говорил о методах окрашивания, в которых ничего не смыслил, бормотание женщины с сильным южным акцентом — должно быть, это был представитель «Nordstrom», их покупатель был из Кентукки — и, наконец, смех Руби, которым она реагировала на все, что говорила южная красотка.

Внезапно Лора осознала, что лучше тысячу раз умрет, чем пойдет туда прямо сейчас. Там она не была нужна, только была обязана. Когда она обогнула поворот в холл, послышался шум приближающегося лифта, и из его открытых дверей высыпало стадо жирафов — сплошные ноги, шеи и облако духов. Скорее всего, модели пришли на примерку к Джереми. Его показ должен был состояться на следующий день. Она увидела Ровену и Хизер Дал и повернулась направо, к туалету.

Внутри кабинки она села на холодное сиденье и положила голову на руки. Что, черт возьми, она делает, гоняясь за моделью из Восточной Европы, у которой не было агента, когда она могла быть в офисе и реанимировать свой бизнес? Ее злосчастный бизнес. Она встала, решив бросить все это и пойти помочь Корки, но дверь кабинки рядом с ней распахнулась, и она услышала безошибочные звуки рвоты.

Лора заглянула под перегородку. Хорошая обувь. Сумка Лакруа на полу. Несколько секунд спустя раздался кашель, пару раз сплюнули слюну, и оторвали туалетную бумагу. Она решила избежать неловкой ситуации и уйти раньше, чем соседка, но не повезло, кабинки открылись одновременно, и она столкнулась с Димфной Бэстил, свежей и сияющей, даже без характерного запаха изо рта.

— Привет! — воскликнула Димфна, как будто не была первоклассной сучкой. — Как дела? — Тот факт, что Димфне на самом деле потребовалась секунда, чтобы задать такой вопрос, означал, что за ними кто-то наблюдает.

Лора огляделась, но никого и ничего не увидела, кроме активнодвигающегося подбородка Димфны, которым она жевала жевачку.

— У меня все в порядке. А у тебя?

Модель пожала плечами.

— У меня примерка с Джереми в десять. Они проводили примерку в последний раз, когда я сидела на соке, теперь тянет молния. — Они стояли у раковин, мыли руки и разговаривали через зеркало.

— Знаешь, — сказала Лора, — я тут пытаюсь похудеть немного. Руби рассказала мне об этих капсулах, которые её дала Томасина. Говорят, они помогают.

— Да? — Димфна отвела глаза.

— Пурпурные кажется? — Димфна выжидающе молчала, поэтому Лора продолжила. — Знаю, это не твой вариант. Ты из тех, кто «можешь есть, что хочешь и все равно будешь худой». Но я? Не из тех. В любом случае, я подумала, что ты, наверное, знаешь об этом от других девушек, которым меньше повезло с фигурой.

Димфна заглянула под кабинки, чтобы убедиться, что они одни.

— Да, они получают их от Рокель, но, если ты скажешь, что это я тебе сказала, я буду отрицать.

Лора махнула рукой.

— Не волнуйся. Я скажу ей, что мне об этом сказала Томасина. Что Рокель сделает ей? Убьет?

Они рассмеялись, но Лора чувствовала себя грязной.

Когда она собиралась уходить, Димфна повернулась со словами.

— Эй, можешь сказать Руби, что мне жаль Томасину? Я знаю, она была сукой, но все равно. Никому такое не пожелаешь.

Димфна ребенком жила в коммуне хиппи в Восточном Хэмптоне, поэтому ее уличный язык в сочетании с открытостью к человеческому разнообразию не удивил. Что было шокирующим, так это то, что она, кажется, знала, что Руби и самая дорогая супермодель в мире были... как она вообще об этом помыслить? Были близки? Спали вместе? Делали это? Все это казалось странным.

Димфна прервала ход мыслей Лоры.

— Что это? — Она постучала по брошюре, которую девушка оставила на столике.

— Знаешь эту девушку? — Спросила Лора.

Димфна присмотрелась к фотографии, работая челюстью как буровая установка.
— Никогда не видел ее. — Она посмотрела более внимательно. — Нет, подожди.
На секунду она перестала жевать жвачку.

— Что?

Димфна тряхнула головой.

— Я видел ее на новоселье. Сенатор Мэшнелл недавно переделала свой пентхаус. Боже, там все в зеркалах и мраморе. А декоратором была блондинка с пуделем. О, господи, в следующий раз я не буду голосовать за нее. — Она вернула буклет и развернулась уходить.
— Я должна идти.

— Подожди! С кем она была, эта девушка? — бросила вдогонку Лора.

Димфна отозвалась.

— Она была помощницей декоратора.

Глава 16

— Что с твоим лицом? — спросила Руби.

Лора осознала, что стоит в коридоре возле туалета и пялится на пол.

— Я думаю.

— Это так болезненно?

— Томасина хотела привезти сюда девушек, верно? Найти им работу?

— Типа того.

— Она говорила, что уже сделала?

Руби пожала плечами.

— Мы почти не обсуждали эту тему.

Лора подошла к лифту, таща Руби за собой.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне о себе и Томасине? Или будешь постоянно смущенно краснеть?

— Я не смущена.

— Тогда, что не так?

— Она тебе не нравилась с самого начала, потому что она была богатой, а богатые люди заставляют тебя чувствовать себя неловко.

— Она еще была стервой. — Она пожалела об этом в ту же секунду, как сказала, и Руби не дала ей потратить эту секунду на объяснения.

— Ты бы никогда так не сказала о моем любовнике, если бы это был мужчина. Особенно о моем мертвом любовнике.

Представитель «Nordstrom» вышла из демонстрационного зала как раз вовремя, чтобы услышать перебранку. На ней были черные очки с толстыми стеклами и красная помада. Поравнявшись с девушками, она улыбнулась, как будто ни она, ни её секретари не слышали пререканий о мертвых любовниках. Уже стоя в лифте, Лора так и не смогла подобрать слова, чтобы ослабить висящее в воздухе напряжение или сменить тему. Руби упомянула что-то о своем следующем назначении, а дама из «Nordstrom» что-то сказала о ланче, и спустя шестьдесят секунд они все оказались на улице на осеннем воздухе.

— Прости, — сказала Лора, когда они с сестрой остались одни. — Я налажала.

— Да, определенно. Мне все еще нужно в туалет. — Они зашли в «Веронику» и заказали пасту.

Когда Руби вернулась из туалета, Лора спросила:

— Томасина знала Боба?

— Больше Иванну. Это она помогла нам получить поддержку, если помнишь.

— Нет, не она.

Руби пожала плечами.

— Ее присутствие не повредило. Это произвело хорошее впечатление. В общем и целом.

И это правда, даже если ты отказываешься в это верить. — Они с минуту молча ели, прежде чем она продолжила. — Ты хочешь спросить меня, но боишься. Конкретные вопросы, а не глупости вроде «Что происходит?», которые перекалывают на меня всю обязанность выяснять, что ты имеешь в виду. Я не знаю, чего ты боишься, но это похоже на то, как будто тебя швыряет по волнам. Это меня бесит.

— Это тяжело, Руби.

— Да уж.

— Ты любила ее?

Очевидно, Руби ожидала более делового вопроса, потому что выглядела ошеломленной. Это, однако, было именно тем, что Лора хотела знать не только потому, что это могло изменить тон последующих вопросов, но и потому, что это подсказало бы ей, сколько она пропустила, пока с головой ушла в работу.

— Да, — ответила Руби, и груз вины, покоящийся на плечах Лоры, стал еще тяжелее

— Мне жаль, что она умерла.

Руби закрутила немного пасты, затем отодвинула тарелку.

— Она была так мила со мной. И она ценила меня и покупала мне вещи. Она относилась ко мне лучше, чем любой мужчина, с которым я когда-либо была, и она уважала то, что я не была готова совершить каминг-аут, и она была полной лесбиянкой. Все. Быть моделью — единственное, чем она хотела заниматься, она жила этим. Поэтому она и взбесилась тогда на подиуме, но я передать тебе не могу, как плохо она себя после этого чувствовала. У нее была куча денег, она показывала мне свой банковский счет и спрашивала: «Что я буду делать со всеми этими деньгами, если я их не отдам?» Она платила за аренду и платила бы и за тебя, но ты... Ты никогда бы не взяла их. Ты продолжаешь говорить о справедливости. Но разве это справедливо, что у нее было все, а нам все равно больно?

— Это моя точка зрения...

— Нет, моя. Потому что, когда ты говоришь о справедливости, речь идет о том, что у тебя ничего нет, и брать ты ничего не будешь из-за своих предрассудков, и от помощи погасить счета ты откажешься. Но это так не работает. Взять деньги у Томасины, чтобы погасить счета. Вернуть их ей ничего не дает. Твой такой подход только порождает этот порочный круг несправедливости.

— Я не могу поверить, что ты сидишь здесь и рассуждаешь о вселенской несправедливости, когда получала всегда, чего хотела. Ты всегда была завалена горой подарков, ты одарена красотой и ростом, коммуникабельностью, и всем ты сразу же нравишься.

— А чем одарена ты? Как более справедливо, ведь у тебя есть этот талант, который можно использовать, чтобы заработать деньги? И у нее была красота, которую она использовала для того же? А некоторые люди не получают ни того, ни другого. И что же делать мне? Не любить кого-то, чтобы все были равны? Боже, причем тут внешность? Она была хороша для меня, но, более зрелой. Она не вела себя как какой-то глупый щенок, а вела себя как настоящий мужчина. Не знаю, было ли это плохо? Как будто она просто знала, что я

чувствую, еще до того, как я сама осознавала. И это не было жутко. Она была полностью в теме. Она владела мной и знала об этом, она не стала втыкать ножи в спину.

— Не утрируй, Руби.

— Ой, заткнись. Я не утрирую. Я просто говорю. Она была... Я не хочу, чтобы ты злилась, но ты будешь. Ну, она продолжала покупать мне вещи, и однажды, когда мы собирались поговорить с Джимми об арендной плате?

— В апреле?

— Она сказала: «Позволь мне позаботиться об этом».

— Ты же сказала «нет»?! — Лора почувствовала, что её мир вот-вот рухнет. Она заплатила за арендную плату из своих денег за работой по созданию выкровок, мама заплатила своей пенсией, а Руби заплатила из своих волшебных сбережений, которые, как она подозревала, были довольно волшебными, потому что их не существовало.

— Ну, конечно, я сказала нет, — продолжила Руби, — но потом она показала мне банковский счет, один банковский счет, и не поверишь, сколько там было. Она сказала: «Все эти деньги приносят еще большие деньги». И что она должна была с этим делать? Она могла бы купить дом у Джимми, и это никак бы не ударило по её бюджету. Так почему бы мне просто не позволить ей заплатить, чтобы мы могли спокойной жить вместе, а не беспокоиться и чувствовать себя виноватыми?

— Ты позволила ей?

— Если бы я её это позволила, то ты бы об этом знала.

— А мама знала?

— Теперь знает.

Сострадание, которое Лора испытывала несколько минут назад, испарилось. Сейчас ее чувства можно было описать только как полное эмоциональное отключение, сопровождаемое кипящей яростью, которая сжигало все добела изнутри. Ощущение было настолько сильным, что в мышцах покалывало, надпочечники стреляли, как будто она была самой медленной туристкой во время нападения медведя. Это был бой или бегство. Сражаться или бежать. Сражаться или бежать. Дорожка к двери выглядела заманчиво, но Руби была готова к словесному избиению.

— Ты знаешь, как это называется? — Спросила Лора, вытягивая более длинный и острый скальпель, чем хотела. — Когда ты занимаешься сексом с кем-то и берешь за это деньги?

— Даже не смей!

— Да что ты? Ты никогда не думала об этом? Тебе никогда не приходило в голову, пока ты «влюблялась» или что-то в этом роде, что эта богатая сучка может дать тебе немного в обмен на....

— Заткнись!

— Ты никогда не проявляла интереса к женщинам, пока не разорилась, а потом возникла Томасина Вэнт?

Руби встала и, размахивая пальцем, как оружием, колола и колола, цедила сквозь зубы голосом чуть тише, чем требовалось, чтобы устроить сцену.

— Ты утверждаешь, что не хочешь Джереми, потому что он шикарен и богат. Но только это не так, и ты это знаешь.

Лора втянула голову в плечи. Ее сестра не знала, что она целовалась с Джереми, и её слова звучали еще обиднее.

Руби, увидев, что сестра стусевалась, продолжила.

— Ты судишь женщин по тому, сколько денег они зарабатывают и как усердно они работают. И думаешь, что Томасина родилась с золотой ложкой во рту и палец о палец не ударила, но ты понятия не имеешь, что она относилась к себе так же требовательно, как и ты. Она чувствовала себя совершенно свихнувшейся. Почему, как ты думаешь, половина этих девушек такие, какие они есть? Потому, что они знают, что то, что они делают, слишком легко, а внутри себя они не вырабатываются на полную, и все время боятся, что недостаточно хороши, и не знают, как стать лучше. Ты бы тоже постоянно исходила рвотой и молила себя голодом, чтобы просто почувствовать, что это твоя работа, и ты её выполняешь. Особенно ты. Такие как ты превратили модельные бизнес в шоу на семьдесят часов в неделю.

— Теперь я чувствую себя ужасно. Ты закончила?

— Нет.

— Ты можешь хотя бы рассказать мне о «Белой Розе»? Или о «Пандоре»? Или еще что-нибудь, вместо того, чтобы рассказывать мне как трудно быть моделью? Потому что ты меня уже в этом убедила. Если бы общество просто дало им возможность чистить туалеты, они бы воспользовались этим в ту же секунду.

— Боже, ты меня так злишь! — Руби выглядела так, словно ее накачали адреналином.

Хотя Лора не чувствовала себя виноватой за то, что подначивала сестру, она почувствовала необходимость сменить тему, пока слово оставалось за ней.

— Что было между Томасиной и Бобом Шмиллером? Я думала, что они спали, не потом...

Руби расхохоталась так громко, что на нее зашикали.

— Что?

— Даже если бы Томасина когда-либо в своей жизни переспала с мужчиной, чего она никогда не делала, Боб не стал бы им, будь даже последним в мире. Боже мой, что заставило тебя так думать?

Лора рассказала ей о телефонном сообщении и поездке в Германию. Затем она рассказала ей о Глазах-Фрикадельках и ее работе помощником Иваны.

Руби испуганно присела.

— Ты все это время пыталась мне помочь.

— Ну, разумеется. А ты что подумала? Что я просто оставлю это на дядю Грэма и детектива Кангеми? Имею в виду, что они просто бумажки переключают.

— Я должна была сказать тебе все сразу. Я пыталась защитить Томасину, но, Боже, это было так глупо. — Руби устало потерла глаза.

— Фонд «Белая Роза» вообще был легальным? Или это было что-то вроде оффшорной зоны?

— Оффшорной зоны? Ты хоть знаешь, что это?

— Руби, если ты не перестанешь уклоняться и не начнешь говорить прямо сейчас, я тебя не прощу. Никогда.

Так Руби начала свой рассказ, закрутив спагетти, посыпав предварительно их хлебом, и дождавшись пока ланч закончится и в зале кафе станет пусто, как в спущенном унитазе.

Пока Лора работала последние шесть месяцев, создавая лекала для Джереми и своей собственной линии, Руби не тратила время зря.

На самом деле, она делала то, для чего была создана: добивалась благосклонности от

власть имущих, посещала вечеринки в качестве улыбчивого лица компании и заводила дружеские знакомства. А еще влюбилась, за что ее простила Лора, потому что, в отличие от нее самой, люди обычно не планировали свою личную жизнь в свободное от бизнеса время.

Её любовью оказалась скрытая лесбиянка—супермодель Томасина Вэнт, которая столкнула её с подиума шесть месяцев назад из-за мотивации, которая становилась все сложнее и сложнее по мере того, как Лора больше узнавала о немке и пыталась понять её планы на постмодельную жизнь. «За тридцать» подкрадывалось к ней как сороконожка, которая казалась маленькой и медлительной, пока не подползла вплотную и модель не начала пытаться ее обогнать. А Томасина не хотела остаться в памяти у всех как просто наследница, одаренная деньгами тех, кто жил и умер задолго до нее. Она хотела оставить свой след, и Лоре привиделось в этом умасливание эго, так свойственное богатым, и в то же время она чувствовала горечь от того, что деньги и красота Томасины позволили ей сделать гораздо больше, чем Лора надеялась сделать сама.

Родом из бедной страны, расположенной посреди одного из богатейших континентов мира, и живя за счет бедного класса, Томазина хотела сделать что-то, что было в ее власти. Будь она фермером, она бы научила их возделывать землю. Если бы она была водопроводчиком, она бы провела в трущобы пресную воду. Но она была моделью, и поэтому она хотела помочь красивым, бедным девушкам стать красивыми, богатыми.

— Они не просто бедные, — сказала Руби. — Их заставляют заниматься проституцией, когда им исполняется только двенадцать. В интернете на порно сайтах сплошь девушки из Восточной Европы и больше всего из Восточной Германии.

— Ты говоришь о куче дерьма, о котором ничего не знаешь.

— А что ты делаешь? Почему бы тебе самой не узнать обо всем этом, прежде чем осуждать? Потому что Томми кого-то разозлила? Она рассказывала мне, что есть девушки, которых она вытащила и из более ужасных ситуаций. Однажды была четырнадцатилетняя, которую купили три брата...

— И что она с ними делала? — Лора прервала Рубин рассказ, чтобы избежать кровавых подробностей, которые не должны были мешать ей спать по ночам.

— Она приводила их в безопасные дома, вроде монастырей, и пыталась устроить так, чтобы они получили здесь работу. Но были люди, которые не хотели, чтобы она это делала, потому что они загребали кучу денег, хватая девочек с ферм и по дороге в школу.

— Ты рассказала все это копам?

— Конечно.

На секунду Лора успокоилась. Возможно, на две. Затем поняла, что копы не собираются ничего предпринимать, основываясь на разглагольствовании обвиняемого дизайнера, а самым заветным желанием дяди Грэхэма было вытащить Руби и перейти к следующему оплачиваемому часу. Может быть, и у Лоры это должно быть самым главным желанием. Может быть, ей просто вернуться к чертежному столу, сделать свою работу, и позволить попыткам Томасины изменить всю ее плохую прессу умереть вместе с ней.

— Вернешься в выставочный зал? Корки будет просто в шоке.

— Да уж. Зато хоть чем-то занят.

— Что-нибудь еще хочешь мне рассказать?

— Да вроде в голову ничего не приходит. Но я обещаю, что, если задашь мне другой вопрос, и я смогу на него ответить, я это сделаю. И сразу. И ничего не упуская.

— Хорошо, иди. Я устала.

Они обнялись, и Руби побежала к Бродвею. Лора направилась в офис на 40-й улице, думая, что, возможно, она будет работать над подготовкой осенней или весенней коллекции. Она прошла мимо клерков, затянутых в старомодные ткани, в окнах, словно зажатых в бутерброд. Шла по теневой стороне тротуара, обходя трещины в асфальте, как ребенок, мешая всем спешить по своим делам. Лора не торопилась, у нее было кое-что на ее уме, и это было перекраивание созданной ею теории.

Если верить Руби — а она не настолько слепа и глупа, чтобы отмахнуться от романа Томасины с Бобом, если есть хоть малейшая вероятность того, что это произошло, — то послание означало нечто совершенно иное, чем Лора думала.

«Фасолинка. Я вернулся и скучал по тебе. Ты права во всем. Я отправил тебе домой кое-что».

Если опустить очевидный романтический подтекст «Фасолинки», то «я скучал по тебе» становится не более чем сожалением о пропущенной встрече. Это может означать и пропущенную встречу в «Marlene X» или еще где-то, не обязательно романтического толка.

«Ты права во всем». Он вернулся из бывшей Восточной Германии, откуда родом его жена и Томасина. Могла ли быть какая-то другая причина разногласий между Ивановой и Томасиной? А может Боб ездить проверять что-то? Причиной его поездки в Европу должно быть нечто важное, что-то связанное с финансами или отношениями.

«Я отправил тебе домой кое-что». Может быть, не подарок. Может быть, человека. Может быть, он послал кого-то в качестве помощника Иваны.

Глаза-Фрикадельки, должно быть, была последней девочкой, которая устроилась на работу по программе «Белой Розы». Боб и Ивана, должно быть, были инвесторами. Боб уехал, чтобы проверить данные в Европе, в то время как Иванна обучила Фрикадельку как стать отвратительным дизайнером интерьера. Сколько их было и чем они занимались? Лоре пришло в голову, что будь она была более важным человеком, то могла бы пойти в Государственный департамент и задать несколько вопросов там, но она была мелкой рыбой, и скорее всего, ответила бы на гораздо больше вопросов, чем задала.

Поэтому она решила позвонить Иване с подготовленной ложью. Трубку поднял Бак Штерн.

— Привет, мистер Штерн?

— Бак, пожалуйста.

— Хорошо. Я слышала, у Ивановы день рождения в эти выходные. Мы бы хотели устроить ей сюрприз.

— Думаю, что мистер Шмиллер подготовил что-то к ужину.

— Да, хорошо, но я разговаривала с сенатором Мэшнелл, и она хотела побудить своих клиентов к чему-то большему. Мне было интересно, есть ли кто-то, с кем я мог бы поговорить о том, чтобы связаться с ними? Собрать их всех в одной комнате, ну, это будет вечеринка, это точно.

Он немного рассмеялся.

— Давайте я дам вам номер ее помощника.

Детская игра. Сидя на скамейке в Центральном парке и рассматривая одежду прохожих, Лора позвонила по номеру, которые дал ей Штерн. Ответила молодая девушка с акцентом.

— Офис Ивановы Шмиллер.

— Здравствуйте, это Лора Карнеги. Могу я услышать помощника Иваны?

Пауза.

— О, мы встречались.

— В «Бакстер Сити»?

— Да.

Лора молча вскинула руку в кулак в победном жесте.

— Мне было интересно, могу ли я поговорить с вами о вечеринке-сюрпризе для Иванны?

Глаза-Фрикадельки ахнула от восторга.

— Обожаю такое! Мы могли бы встретиться, но я пробуду в Восточном Нью-Йорке весь день, буду осматривать пространства для заказчика. Это для художника Франко Файнелли. Скульптора, он великолепен, вы с ним встречались? И богатый к тому же. Он делает большие, большие кофейные чашки с кофе внутри. Под три метра высотой.

Боже мой, Глаза-Фрикадельки такая болтушка. Она будет фантастическим источником информации.

— Я никогда не была в Восточном Нью-Йорке. Почему бы нам не встретиться там?

— О, это прекрасно! Я не могу дождаться! Я здесь уже две недели, и все вокруг так удивительно!

Глава 17

Лора часто забывала о том, что в самом конце железнодорожной системы есть районы города, вытянутые на юго-восток как пальцы. Это все еще была подземка, но чем дальше от центра она отдалялась, тем больше проезжала по наземной части. Транспортные узлы. Перепады высоты. Белые пятна на карте, которые с таким же успехом могли быть Баффиновым заливом. Это были пригороды, которые не были пригородами ни по каким стандартам в других местах Америки. Но в Нью-Йорке он был ближе к развалинам, чем когда-либо. Единственный способ добраться до указанного Глазами-Фрикадельками адреса состоял в том, чтобы сесть на поезд L до Ист-105-й улицы, о котором она никогда не слышала, и пройти милю или сесть на автобус. Долгая поездка, чтобы добраться до пикантного разговора, который непременно будет перегружен деталями. Приз, безусловно, стоил стоимости проездного билета, но она не хотела идти туда одна. Причина, по которой все забыли о зонах двойных тарифов, заключалась в том, что в них жили бедняки.

— Привет, Стью, — сказала Лора в телефон, пока шла к синей ветке. — Что собираешься делать в течение нескольких следующих часов? У меня есть потенциальная история о филантропической иммиграции.

— Ты это только сейчас придумала, — пошутил он.

— Нет, это придумаешь ты.

Они встретились на платформе 14-ой улицы. Стью стоял, прислонившись спиной к бетонной колонне, и когда поезд остановился, поток воздуха взметнул его волосы. Он не стригся уже несколько месяцев, и хотя она и обвиняла Тофу в том, что он изменился, не могла не оценить его волосы. Они делали его похожим на маленького мальчика, даже со щетиной на подбородке. После поцелуя с Джереми она чувствовала себя настолько привлекательной, как никогда. Это придало ей необходимой уверенности, чтобы смотреть на Стью или любого другого мужчину, так как если бы они были её поклонниками и хотели её, несмотря на то, есть ли с ней рядом длинношеяя подруга или нет.

Затем Лора заметила ту девушку, стоящую у другой колонны. Она отправлялась в это путешествие для встречи с Глазами-Фрикадельками, с нетерпением ждала приключений и

ответов на некоторые вопросы о жизни и смерти Томасины. Но также, стоило признаться самой себе, она с нетерпением ждала встречи со Стью, что бы провести с ним пару часов, она невероятно скучала по нему. Она поняла это в тот момент, когда увидела его развевающиеся на ветру волосы. Поездка в Восточный Нью-Йорк выглядела все менее и менее увлекательной.

— Привет, — поздоровался Стью. — Ты помнишь Тофу?

Тох-Фух. Конечно. Лора старалась не насмехаться, хотя бы, потому что друг выглядел веселым и счастливым.

— Конечно. Приятно снова видеть тебя.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть вас в действии. Стью рассказывал, как вы, ребята, раскрыли дело об убийстве Грейси Померанц, я и подумала, что это так захватывающе!

— Я ничего не делал, — засмутился Стью. — Это все Лора.

Тофу улыбнулась будто бы одобрительно, но ее глаза были холодными и жесткими как камни.

— Я посмотрел адрес, — сказал Стью, когда они проходили через туннели к L-поезду. — Это похоже на старый торговый центр. Оказались на лезвии ножа.

Лора проворчала. Ей было все равно. Стью и Тофу держались за руки. Она была более раздражена на себя за заботу, чем кто-либо из них. Она отказалась от него, поэтому и причин желать скинуть его худосочную маленькую подружку в двухметровую яму, у нее быть не должно.

— Я читала о Восточном Нью-Йорке, — начала Тофу. — Это так далеко, и я не могу поверить, что это даже в городе, я имею в виду район. Именно там живут самые бедные из бедных. На них приходится около девяноста процентов, не так ли?

О, прекрасно. Она была не только куском кальцинированного бобового белка, но и болтушкой.

Тофу пересела на сторону рядом с Лорой.

— Я рассказала отцу все о Стью и о том, как он поехал с тобой на Стейтен-Айленд, на встречу с бандитами. Папаша после этого стал смотреть на него другими глазами.

Расшифровка: он нравится моей семье.

Она продолжала выкладывать козыри на стол.

— Раньше было трудно привыкнуть. Знаешь, вся эта суета. У нас в Гринвиче этого нет. Папа воспринимает её близко к сердцу.

Расшифровка: я богата.

— Он кого-то подыскал для меня. Не того, кто заботился о социальной справедливости, поверь мне, но я думаю, что с тех пор, как Стью получил работу в Нью-Йорке, он продвинулся с папа. Правда, милый?

Расшифровка: у меня куча других мужчин. Богатых мужчин. Но я выбрала Стью, и у меня есть что предложить ему взамен, в отличие от тебя.

Стью явно не терпелось сменить тему.

— Я ввел Тофу в курс дела, и она рада находиться там, где может потребоваться её помощь.

— Да, хорошо, за исключением того, что кого-то уже убили, так что это не прогулка для мисс Полли Покет²⁶. — Черт. Слишком сурово. Слишком прямолинейно. — Итак, — обратилась она Тофу, — ты оставила ее дома, верно?

Тофу улыбнулась, и у Лоры не осталось сомнений, что в этот раз она потерпела неудачу,

потеряв еще пару очков после проигрыша. Тофу будет трудно победить.

Когда они зашли в поезд, свободным оказалось только одно место. Стью встал рядом с ним так, чтобы было понятно, что оно занято, но не сел. Затем он жестом предложил сесте Лоре. Она прекрасно знала, что с ним бесполезно спорить о политике феминизма. Он был воспитан джентльменом, со всеми вытекающими отсюда глупыми предрассудками. Спорить с ним — все равно, что дождь просить остановиться, станет только мокрее. Поэтому она поблагодарила его и жестом пригласила Тофу. Тофу отказалась. В итоге они втроем остались стоять, а место занял парень в клетчатой байкерской куртке.

— Итак, — сказал Тофу широко улыбнувшись и вопросительно изогнув бровь. — На встречу с кем мы едем?

Лоре захотелось её пнуть.

— По прошлому опыту, если хочешь узнать, почему кого-то убили, выясни, чем он занимался по жизни.

— А если вы будете больше читать новостей, — сказал Стью, — узнаете об этом заранее. — Это могло прозвучать как оскорбление, но на деле просто показывало, насколько они были близки, чтобы дразнить друг друга.

— Опыт лучше, чем чтение.

— Туше.

Жирный плюс. Настроение у Лоры улучшилось, и она повернулась к Тофу.

— Мы едем на встречу с девушкой, которая, как я надеюсь, прольет или может пролить свет то, как связан фонд помощи девушкам, подвергшимся насилию из Восточной Европы и второсортное модельное агентство. Потому что Томасина участвовала в обоих.

— Хорошо, я поняла.

— Ожидается что-то потрясающее, — сказала Лора, — даже если мне придется устроить вечеринку для Иванны.

Когда они добрались до перекрестка на Бродвее, большинство пассажиров вышло из вагона, и остаться стоять выглядело бы глупо. Они сели вместе. Стью и Тофу положили руки на передние сиденья, перпендикулярные окну, а Лора устроилась напротив них. Поезд въехал на внешнюю колею, и в окно ворвалось полуденное солнце.

— Когда я была маленькой, я никогда не понимала, что такое сиденья у окна, — сказала Лора, — потому что видела поезда только в туннелях. Поэтому, когда мне было лет двадцать, я отправился на лодочную экскурсию из Шипсхед-Бей, и в поезде я могла видеть дома, задние дворы и улицы из окна поезда D. Это было лучше, чем телевизор.

Расшифровка: я родилась более энергичной, чем ты.

Стью не дал Тофу шанса отомстить, даже если и заметил, что происходило между женщинами.

— Уже дважды я вывожу тебя за город для расследования убийства.

— Ты должен потребовать исключительные права на издание.

— Я их и потребую.

— Считай, они у тебя уже есть.

Расшифровка: Тебе нечего предложить, сука.

Тофу закатила глаза.

— Ох, ребятки для вас это только работа.

Расшифровка: Гейм. Сет. Матч за куском кальцинированного растительного белка.

Плохие кварталы в Нью-Йорке можно определить по нескольким ключевым факторам.

Лора не знала, существуют ли эти факторы где-либо еще в мире, но для нее они были совершенно ясны. Торговые центры Широкие улицы. Высокие, сочетающиеся между собой жилые дома раскинулись далеко друг от друга. Были и другие отличительные черты для более районов с более плотной застройкой в Бронксе, но в Бруклине и Квинсе это были правила.

У Восточного Нью-Йорка, находящегося в самой юго-восточной части Бруклина, были все вышеперечисленное и свалка на юге. На самом деле не было ничего другого, что могло бы сделать его хуже, кроме, может быть, тюрьмы поблизости или тренировочного двора для петухов и питбулей. На каждой улице был торговый центр, и в каждом торговом центре было место для обналичивания чеков, и каждое такое место казалось довольно оживленным. Башни Старрет-Сити выглядели из-за низкого горизонта, словно последние зубы гнилой челюсти. Четко распланированное общество для арендаторов рабочего класса превратилось в проект жилья с низкой арендной платой.

Как и любой район с высокой преступностью в городе, он стал быстро облюбован художниками, которые просто нарисовали прямую линию из Манхэттена на карте. Появилось свободное пространство, доступное для самых смелых.

Поскольку там не было ни складов, ни зонта легкой промышленности, Восточный Нью-Йорк избежал гентрификации. Переезд туда потребовал большего воображения, чем у большинства людей, но стоило одному придумать, а тысячам последовать, как торговые центры заполнили все. У них было свободное пространство, большие окна спереди и маленькие задние дворы, где можно было распылить краску для скульптуры или выкурить сигарету. Стоянку впереди можно было использовать в качестве погрузочной платформы для огромных объектов, или, ну, в общем, просто для парковки автомобилей и пикапов, которые стали более привлекательными и приемлемыми с тех пор, как Манхэттен закрыли. Так же много центров освободилось после ряда кризисов, которые скосили множество бедняков и сделали богатых бедняками. Они продавались за бесценок. Многие из них принадлежали иностранным инвесторам, которые ремонтировали ванную комнату и полы, но никогда не проверяли, чтобы арендаторы не жили нелегально в задней комнате.

Магазин, по адресу, который дали Лоре, использовался для продажи ксероксов и факсов. Рядом с ним располагался еще один магазин с арендованными маленькими латунными почтовыми ящичками, которые можно было разглядеть через запотевшее окно. Стены между этими магазинами, были снесены, образуя огромное общее пространство.

Стью дернул за входную дверь, и она открылась с резким металлическим скрипом по бетону. Лора вошла первой, а Стью и Тофу последовали за ней. Комната, вероятно, не выглядела такой большой, когда была заполнена копировальной техникой. Судя по быстрому подсчету чистых пятен на ковре, их было двенадцать. Она почувствовала укол грусти, когда подумала о некогда процветающем бизнесе, неспособном идти в ногу с технологиями, или соседством, или арендной платой, или чем-то еще, что убило его, но затем отогнала это чувство мыслью, что владельцы могли расшириться и переехать в лучшее место.

— Привет? Сюзанна? — крикнула она, углубляясь в заброшенный магазин.

— Может быть, она пошла на обед, — предложила Тофу.

— Лора, — сказал Стью, — что-то не так.

Запах густой турецкой сигареты исходил от открытой задней двери. Задний двор был широким, и она видела маленький клочок сорняков с несколькими одуванчиками. Лора подумала, что Глаза-Фрикадельки, должно быть, курят, поэтому она ускорила шаг.

— Сюзанна?

Нет ответа. Вероятно, говорит по телефону.

Когда Лора вышла на улицу, она подумала, что кто-то выбросил на землю манекен. Но только манекены не курили толстые турецкие сигареты поблизости, и они не истекали кровью из дыр в груди.

За секунду до того, как она упала, она увидела, что единственный глаз, который не был закрыт, был коричневым и большим, как фрикаделька.

Развал — слишком мягкое определение для того, что произошло. Полный эмоциональный коллапс был бы лучшим термином, за исключением того, что это описание не охватывало физическое состояние Лоры. Стью практически поймал ее одной рукой на пути к засыпанной стеклом земле, не успев помочь Тофу, которая завопила, так же, как и Лора когда-то, увидев свой первый труп.

Три мертвых человека за шесть месяцев. Все женщины. С кем такое случилось? Разве большинство людей не проживали всю свою жизнь, не видя убийства? Все три смерти промелькнули у нее перед глазами четко, со всеми деталями, и Лору затопило рвущееся из груди горе. Для нее было слишком много. Слишком много смерти. Слишком много больно. Слишком много людей, лежащих на полу с несовместимыми с жизнью увечьями. Она знала, почему плачет. Толи из-за женщин, которых не слишком любила или знала, толи из-за себя и своих собственных неудач. Может, она просто плакала, потому что могла. Голос Стью, доносивший откуда-то издалека, терпеливо просил взять себя в руки. Она хотела ему ответить, но ее горе застило все перед глазами. Во рту ощущался солоноватый привкус. Это было не что иное как слезы.

Яркий луч заходящего солнца мазнул по передней парковке. Подул прохладный ветерок, даря убогим окрестностям хорошую погоду. Потом Лора увидела мигающие огни. Ей становилось холодно, но больше она ни о чем не думала, даже когда вода, которую она пила, попала ей не в то горло, и она закашлялась.

Когда она пришла в себя, солнце село, и небо переливалось оттенками бирюзового и голубого. Она сидела на заднем бампере полицейской машины с бутылкой воды в руке. Стью разговаривал с парнем в пиджаке с заметными округлостями на талии. Полицейский. Не Кангеми. Странный. Он казался единственным копом в мире, пока Стью не стоял там, разговаривая с ним, как будто они были земляками или соседями по комнате в колледже.

Полицейский, очень молодой парень не выше ста восьмидесяти шести, одетый в пуленепробиваемый жилет под курткой, выглядел как гигантский монстр, но когда он подошел ближе, она увидела пропорцию его головы к его плечам, она поняла, что под всем этим снаряжением он вполне нормальной комплекции. Она подумала, что сможет сколотить состояние на пошиве костюмов для полицейских в штатском.

— Я детектив Яриси, шестьдесят девятый. Вы в порядке?

Ее глаза болели, а во рту мокрота смешалась со слюной, но она все равно кивнула.

— Ваш друг сказал мне, что вы Лора Карнеги? Это ваша сестра сейчас во всех новостях?

Она бросила взгляд на Стью. Они не смотрели телевизор и телефон в течение нескольких часов.

— Мы разозлили репортера. — Она указала на скорую помощь с закрытыми задними дверями. — Ее звали Сюзанна, — сказала она, сопротивляясь снова рвущемуся плачу. Лора протянула брошюру фонда «Белая роза». — И вы должны разобраться в этом. Потому что я не могу делать два дела одновременно, хорошо? — Чувство опустошенности опять

навалилось на нее, прибывая к земле, но она вздохнула с облегчением, обнаружив, что Стью тут же поддерживает ее. — Я не могу продолжать находить людей, а потом пытаться выяснить, что произошло, потому что это расстраивает меня. Понимаете?

— Конечно.

— Вы должны сделать это сами, хорошо? Позвоните Иванне, объясните её все, выясните как Сюзанна здесь очутилась. Вы должны сделать это, потому что если я попытаюсь снова найти убийцу, то найду больше тел. Я говорю это на всякий случай, потому что сейчас я еду без остановок домой. И больше никаких встреч, и никаких расспросов. Даже с вами. Потому что я проклята. Боюсь, что следующим человеком, которого я найду, может оказаться тот, о ком я больше всего забочусь. И тогда мне придется ответить за все. Понимаете? Я вижу, как вы киваете, но не понимаю, что это значит.

— Это значит, что я понимаю. Парамедики здесь. Они дадут вам успокоительное лекарство.

— Нет! Я ничего не хочу. — Она повернулась к Стью. — Где Тофу? — произнесла она с сильным нью-йоркским акцентом, который не оставлял времени примириться и имя девушки Стью прозвучало мягко и безлико.

— Она пошла домой.

— Я тоже хочу домой.

Но, увы, она нашла еще один труп, а это означало еще один раунд вопросов. Лора уже знала, что у нее собираются спросить, прежде чем вопрос прозвучал, поэтому отвечала четко, вдумчиво и очень подробно, стараясь объяснить любые противоречия. И вот уже через час она сидела со Стью в такси цыганского вида.

Их водитель, по его собственному признанию, был из деревни в южном Судане, и Лора приготовилась к еще одной ужасающей истории из детства, которая довела бы её до края. Но он разговаривал сам с собой, а потом со своей встроенной магнитолой. Он не ожидал ответов или согласий. Парень просто делал свое дело, и если ей это не мешало, то и ему тоже.

— Я потеряла зацепку, — сказала Лора. — Знаю, это звучит бессердечно.

— Почему бы тебе не расспросить её босса? — спросил Стью.

Она посмотрела в окно. В темноте все казалось неузнаваемым, но чувствовался соленый запах океана, который напоминал ей о Джереми.

— Потому что я думаю, что она могла бы это сделать.

— Думаешь, она избивала и зарезала своего помощника?

— Нет, я про отравление Томасины. Я не знаю, что случилось с Фрикаделькой-Сюзанной. Я почти надеюсь, что это был просто районный разбой. Но Томасина, это было преднамеренно и сделано так, чтобы убийцы не было рядом с ней в момент смерти. А также была использована имитация популярной таблетки для похудения, которую принимают девочки. Так что это был практичный подход. Не преступление на почве страсти.

— Страсть может быть очень холодной.

Лора, фыркнула, понадеявшись, что он не спросит ее, о чем она фыркала. Она не хотела говорить ему, что это заявление заставило ее задуматься о недолговечности их отношений со Стью отношений.

— То, чем её убили, было дано утром. Утром она видела мою сестру — это все, что мы знаем, но я думаю, что она встречалась и с Рокель Рик в «Марлен Х». Рокель как-то

причастна; у нее в офисе был шарф Сюзанны, хотя она это и отрицает. Так что да, возможно, произошел какой-то конфликт. Как будто Томасина уговаривала девушек заключать контракты с «Пандорой», а не с «Mermaid». Это — то, что заставило бы Рокель обнажить зубы. Но убивать ее? Ни за что. Она бы и волоска на голове это женщины не тронула. Томасина была, так сказать, дойной коровой. Агентство «Mermaid» держалось на ее тощей спине, и да, они выживут без нее, но она приносила крупный доход. — Лора полностью повернулась к Стью. — Но Иванна? Теперь подумай об этом. Она настоящая деловая акула. Ее бизнес-менеджер говорит о ней, как будто она достает деньги из воздуха. Так что выслушай мою теорию.

— Это будет захватывающе.

— Томасина обращается к Иванне с просьбой принять участие в «Белой розе», потому что та знает, что происходит в бывшей Восточной Германии и она тайный финансовый магнат, что важнее. Так Томасина чувствовала, себя комфортней или просто нуждалась в деньгах.

Стью бросил на нее насмешливый взгляд.

Она подняла руку.

— Да, я знаю, что у Томасины была куча денег, но дай мне договорить, потому что по какой-то причине богачи никогда не используют свои собственные деньги, чтобы что-то делать. Они всегда должны позаимствовать их у кого-то более богатого или просто кого-то еще. Я не знаю почему.

— Думаю, это связано с налогами.

— С чем угодно. — Она потерла глаза, заметив, как они заболели. Было невероятно, как быстро она выбросила кучу трупов из головы. — Так так или иначе, Ивана как, хорошо, я помогу людям. Молодые девушки? Несомненно, я был такой однажды. А ее муж летит туда, чтобы проверить сделку и убедиться, что она чистая. Но это не так.

— Например, что?

— Включи воображение. Они продают детей. Или они просто отправляют случайных женщин. Или правительство не получает их откаты. Или у девочек свиной грипп. Или они наркоманы. Я понятия не имею. Давайте просто скажем, что Боб звонит Иванне и говорит: «Это не прокатит. Сделка дурно пахнет и нам нужно немедленно сваливать».

— Тебе лучше закончить, прежде чем мы доберемся до Уильямсбурга.

Он слушал ее полный внимания, душой и телом.

— Они не могут выйти из игры.

— Не могут выйти?

— Нет.

— Почему, черт возьми, нет?

— Томасина мертва.

— Ты слишком сильно закручиваешь, Карнеги. Убийство редко бывает таким сложным.

— Иванна и Боб связаны с «Белой розой» и, возможно, с «Пандорой», и они не говорят ни слова, Стью. Тебе не кажется, что с этим что-то не так?

Они подъехали к его дому на севере Седьмой улицы. Он протянул ей две двадчатки. Она не взяла их, и он не открыл дверь. Тофу была наверху, а Лора была в такси. У нее осталось несколько часов, и откровенно говоря, она хотела быть с ним.

Она посмотрела на двадчатки и отодвинула стекло такси.

— Сколько стоит до пересечения 48-й и Парка?

Маноло пожал плечами.

— Еще двадцать пять.

— Что ты делаешь? — спросил Стью. — Ты же сказала, что хочешь попасть домой прежде, чем кто-нибудь еще умрет.

— Иди домой к своей девушке. А я отправлюсь ловить гусей.

— И как зовут этого гуся на Парк-авеню?

— А что насчет твоей девушки?

— А как насчет гуся?

— Фонд «Белой Розы».

Он посмотрел вниз, сминая свои двадцатки.

— Ты в мире неприятностей, знаешь это?

— Я должна работать сегодня вечером, так что либо ты придешь, либо нет, но я должна идти.

Стью постучал по стеклу.

— Езжайте. Куда бы леди ни сказала.

— Хорошо! — Маноло повернул к Уильямсбургскому мосту.

Глава 18

Перед Парк-Авеню, 277 располагался трехэтажный атриум с настоящими деревьями и записями птичьего пения. Лорина мама рассказывала, что в атриуме когда-то жили настоящие птицы, но ситуация с кормами заставила руководство перейти на записанные трели. Лора так до конца и не выяснила, ввел ли кто-то маму в заблуждение или она просто это выдумала, чтобы заставить ее и Руби обедать с ней именно там, ведь атриум находился как раз посередине между офисами Скаази и настоящим районом портных, но Лора сильно сомневалась в существовании когда-либо живых птиц в нью-йоркских офисах.

Атриум был убежищем для рабочих из окрестностей, как и Брайант Парк для портных в ее районе. Чирикание становилось еще громче в восемь вечера, по-видимому, потому что скрип их кроссовок заглушало звуковое, но не реальное присутствие многообразия пернатых созданий. Она и Стью не разговаривали, слишком сильная была какофония в атриуме. Они просмотрели список офисов и не нашли ни «Пандоры», ни «Белой Розы». Технологичный звук лифта прозвучал неуместно, и из него вышла женщина в деловом костюме, шепча в телефон, как будто тоже хотела уважать величие отсутствующих птиц.

Лора нажала на кнопку семнадцатого этажа, и двери захлопнулись за ними. Птицы исчезли.

— Мы поднимемся и уткнемся носом в закрытую дверь, — пробурчал Стью.

— Тогда я смогу закончить эскиз Джереми, а ты сможешь пойти домой к своей девушке.

— Думай, как хочешь, у меня есть дедлайн.

Коридоры были очень похожи на те, что были в любом другом здании в городе, с рядами дверей и плакатов, отмечающих компанию или организацию. Поскольку здание было построено в 70-х годах, ответвлений труб и каналов было меньше, а слои краски не съедали ширину залов, но было ощущение, что здание находилось в переломном моменте жизни, стиль между «обновленным» и «винтажным».

У Лоры не было номера офиса «Пандоры». Брошюра содержала только номер этажа, создавая у читателей впечатление, что компания занимала весь этаж, от окна до окна. Но на

деле тянулись бесконечные ряды дверей.

— Я думаю, что мы должны вернуться обратно, — сказала она. — Пойдем от противного. Посмотрим, какие цифры отсутствуют в списке офисов.

— Пустая трата времени. Некоторые компании занимают по два офиса. — Но едва он отверг её идею, как Лора заметила, что вниманье Стью привлекло что-то другое, как ищейку, почуявшую след.

Потом она тоже уловила легкую вибрацию, казалась, будто в стенах что-то покалывает. Музыка.

Пульсация, повторяющаяся время от времени. Бит был не слишком громким, чтобы задремали бра, но достаточно ощутимым, чтобы следовать за ним, что Лора со Стью и делали, не говоря ни слова, как Зеленые береты на вражеской территории. Звук становился все громче или обманчиво тише, ведя их к одинокой двери в тупике коридора. Ни номер, ни имени на двери, только коврик на полу перед ним, с каймой из декоративных белых роз. Это мог быть туалет, если бы не музыка и голоса. Много голосов. Слишком много для туалета.

— Сегодня четверг, — прошептала она. — Разве эти люди не слышали о выходных?

— Выходные для любителей.

— Как думаешь, это единственный вход?

Стью потянулся к дверной ручке и стер толстый слой пыли.

— Очевидно, нет.

У Лоры напрочь отсутствовало чувство ориентации в пространстве вне острова Манхэттен. Седьмое Авеню и Бродвей шли на юг. Шестое и Восьмое шли на север. Остальные улицы растворялись. Оказавшись внутри здания без ориентации на поток машин, она могла оказаться, где угодно.

К счастью, у Стью такой проблемой не страдал. Ведомый природным чутьем, он с тем же инстинктом ищейки огибал углы и пролетал лестничные клетки, пока она не испугалась, что они безнадежно потерялись. Но потом музыка снова стала громче. Голоса звучали громко и отчетливо, когда она поднималась по секретному лестничному пролету, который, по словам Стью, мог вести через запертую дверь в новой стене на семнадцатом этаже.

Лестничный пролет использовали мало. Она видела и более грязное место в своей жизни, но оно было узким, бежевым и утилитарным, таким местом, где можно было просто поспешить вверх по бетонной лестнице, чтобы добраться до следующего места, так быстро, что человек мог просто врезаться в трех полуобнаженных людей... Лора закрыла глаза, но в ее памяти были выжжены мужская задница средних лет, голая спина женщины, прижатая к огнетушителю, и другая женщина на коленях, ее лицо было спрятано где-то, о чем Лора не хотела думать, вообще, никогда больше.

Стью схватил ее за руку, которой она прикрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Лора просто позволила ему протащить себя, куда она хотел. Она слышала ворчание и запахи, как будто ее присутствие не имело никакого значения для источников этих звуков и запахов. Дверь на лестничной клетке открылась, голоса стали громче. Музыка все еще доносилась откуда-то из отдаления, но голоса стали звучать четче. Они остановились. Их окружала крошечная темнота, но Лора не готова была убирать ладони от лица.

Она почувствовала, как Стью встал перед ней и взял ее за запястья.

— Ты это сделаешь, — сказал он, раздвигая её руки. Глаза Лора предпочла держать закрытыми. — Это просто клуб. Успокойся, мы видели вещи и более безумные. Помнишь вечер в «Neuday», с порнухой на всю стену? Просто притворись, что заплатила тридцать за

ВХОД.

— Может сделать вид, что мы в списке приглашенных?

— Если это поможет тебе нормально мыслить, то пойдет. Давай, идем. Если это офис «Пандоры», у меня будет еще одна история для жителей Нью-Йорка.

Ничто не успокаивает так, как делать одолжения кому-то. Кому-то, о ком она заботится. Кому-то, с кем она все еще хотела бы встречаться, исключая тот факт, что у него была девушка, слишком невинная, чтобы разыскивать секс-клуб в офисном задании. И, конечно, Джереми, чей поцелуй должен был стереть любые чувства к Стью.

— Я вернусь сегодня вечером на работу? — спросила она.

— Скорее всего, нет.

Она открыла глаза. Было темно. Хотя нет, это было лицо Стью, заполнявшее весь обзор. В его взгляде читалось, что все будет хорошо, если она просто расслабится. Она кивком дала ему понять, что полностью «остыла». Хотя если поискать в словарях слово «остыла», то определение относилось к переходным состояниям температуры, но в любом случае... она была спокойна.

— Раздеваться не буду, — сказала она.

— Поддерживаю. — Он взял ее за руку, и она огляделась.

Как любой житель Нью-Йорка, первым делом она взглянула в окна, ведь они определяли место, достаток и ориентацию. Вид открывался только из одного окна на офисное здание через Парк-авеню. Таким образом, они были в середине здания, потому что она не видела никакого прохода в угловой офис, а близость к офисам через улицу, где, вероятно, кто-то работал допоздна, усиливала волнение происходящего в окнах. У стен, словно оставленные в спешке, подбоченясь, стояли сложенные палатки и старые компьютеры. Половина стульев, отделанных серой тканью, были спрятаны под столами. Другая половина использовалась.

Однажды она смотрела фильм с Томом Крузом, где большую часть фильма он пытался попасть в секс-клуб. Момент, когда он входит, должен был стать самой горячей и самой сексуальной сценой в истории. Люди занимались этим на бильярдных столах, втроем, вчетвером, в больших масках, но никто не выглядел так, будто они пришли сюда повеселиться. Так что сцена не была сексуальной. Это было скучно. Она думала, что отсутствие сексуальности было намеренным. Лора не знала, можно ли сказать то же самое об офисе на Парк-Авеню.

Стью быстро оглядел комнату и указал на непривлекательную дверь с красной табличкой «ВЫХОД». Это была та самая входная дверь с розовым ковриком, дверь, которой никто не пользовался.

— Значит, есть дверь через задний коридор и еще одна служебная лестница? — спросила она.

— Да, но люди работают здесь.

— По-видимому. — Лора хотела пошутить о том, что работа идет прямо сейчас, и она прикладывает огромные усилия, чтобы не замечать этой работы.

— Мы выделяемся. — Они были единственными двумя полностью одетыми людьми.

Хотя, в комнате было еще двое одетых людей: мужчина в кожаной куртке и еще один в костюме. Женщина в золотом бикини повисла на мужчине в кожанке, когда он и мужчина в костюме пожали друг другу руки. Как только Кожанка повернулся к свету, Лора тут же его опознала.

— Рольф? — Из-за музыки она сказала это громче, чем хотела.

Рольф поднял глаза вверх и уставился прямо на нее. Она была на его территории, под защитой самого тощего парня во всех пяти районах, в окружении людей, которым было, что скрывать, и она была в ужасе. Стью сжал ее руку, что говорило ей, во-первых, о спокойствии, а во-вторых, о том, что он и сам чувствует себя не слишком уютно. Она не могла слишком хорошо разглядеть лицо Рольфа, поскольку окно было позади него, и каково же было её удивление, когда он развернулся и бросился в сторону розового коврика на выходе.

Еще более она удивилась, когда пошла за ним.

Она ничего не могла с собой поделать. Лора не для того видела лицо женщины, ткнувшееся в задницу какого-то парня, чтобы уйти и сказать что-то вроде: «О, Рольф был там. Как интересно». Нет, она собиралась схватить этого мудилу и вырвать информацию из него, если потребуется, несмотря на то, что он был на килограммов двадцать больше.

В кино Лора видела, как люди бегают по коридорам и лестничным маршам, и это всегда казалось довольно простым делом. Когда Рольф повернулся, она засекала его. Когда он несся по длинному коридору, она бежала с максимальной скоростью, замечая мятный запах жевательной резинки, который он оставлял позади. Но надо было еще подумать о ее скользких винтажных «Via Spigas», и за те три секунды, которые она потратила на то, чтобы растянуться на блестящем полу, выпрямиться и сбросить туфли, она почти потеряла его. Он сделал крутой поворот, поворачивая к лифтам, и, казалось, исчез. Когда она добежала до лифта, двери уже закрылись, а кнопки загорелись. На полной скорости Лора кинулась к двери, ведущей к лестницам. Босые ноги придавали её ускорения. В отдалении она услышала звук лифта.

Ее скорость сработала против нее, когда Рольф, очевидно, спланировав обманный маневр, полностью открыл дверь лестничного пролета и увернулся от ее удара. Было уже слишком поздно, чтобы остановиться, и весь вес ее тела упал на нижний угол коробки пожаротушения. Стекло разбилось и, когда Лора отскочила, застряло в ее руке, когда она ударилась о стену из шлакоблоков.

Стеклянные осколки посыпались дождем, воздух вылетел из легких.

Лора не потеряла сознание. Пожарная тревога, должно быть, была слышна даже в Бронксе. Дверь лестницы закрылась. Мотор лифта ударился о стену, против которой она стояла спиной. Комната повернулась на бок.

Нет, это она падала.

Он уходил. Почему Лора не знала. Но она хотела знать, а он исчез бы, как призрак, со своими миллиардами долларов, и что бы ни происходило с белой розой, Пандорой и троицей на задней лестнице, уйдет вместе с ним.

Все было сломано. Возможно, кость. Может быть, даже череп. Но было слишком рано после проигранной битвы со стопкой шлакоблоков, чтобы почувствовать это, и Лора была в силах добраться до следующего лифта и заползти в него.

Лежа на полу и глядя на освещенную металлическую сетку в верхней части лифта, она пожалела, что не взглянула на некоторых девушек, которых видела в офисах "Белой Розы". Девушка, прислонившаяся спиной к огнетушителю, та, у которой не было лица, золотая цыпочка в бикини — все они были для нее невидимками. Если бы она увидела хотя бы одну, то могла бы поискать их в каталоге, который нашла под кроватью Руби много веков назад.

Связь между «Белой Розой» и «Пандорой» больше не казалась надуманной. Они

находили девушек в заброшенных бедных частях Восточной Европы, привозили их в Германию, которая была частью Евросоюза, и каким-то образом перевозили их в США в качестве проституток. Может быть, они обещали им работу моделью, и девочки хватались за шанс.

Но Томасина не пошла бы на это. Как она могла? И что более важно, с чего бы это ей? У нее было достаточно денег, чтобы делать все, что она хотела; ей не было нужды крышевать проституток, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Тогда, Рольф. Он пытался ускользнуть от своей сестры. Возможно, он совращал девушек, и, возможно, именно это Боб узнал в своей поездке. Когда Томасина узнала об этом и попыталась остановить Рольфа, он убил ее.

Но куда теперь направился Рольф?

Лифт с грохотом остановился, и со скрежетом открывающейся двери на Лору навалилась какофония пожарной сигнализации. Птицы пищали, скрипели, выли и всхрипывали.

Нет. Не было никаких всхрипывающих птиц, по крайней мере, в аудио-атриуме.

Лора с трудом выбралась из лифта. Ноги казались целыми, но правая рука оказалась не способна выдержать её вес, поэтому Лора поставила себя на ноги. Ворчание доносилось откуда-то рядом, прямо под кнопкой лифта. Два человека боролись, и один из них был Стью, у которого весь лоб был в крови. Она не думала о том, кем был второй парень, настолько сильным было ее желание защитить своего друга.

Она прикидывала, куда ударить долю секунды. Стью улучив момент, оказался сверху. Лора ухватилась за возможность и подняла правую ногу. Свет подъехавшей пожарной машины осветил лицо Рольфа, и Лора опустила ногу на его трахею.

Одно точно. Лора не была тайным агентом Моссада. Рольфа это остановило лишь на секунду, но Стью этого было достаточно, чтобы, заломив ему руку прижать лицом к полу — несмотря на разницу двадцать килограммов.

Лара наступила на голову Рольфа, чтобы он не мог пошевелиться. Он выкрикивал проклятия на немецком языке. Лора слегка пошевелила ногой, и заставила рот закрыться. Больше никакого гортанного от него. Полицейские и пожарные прибыли одной бригадой, доставая наручники и переговариваясь в черные рации. Визжала сирена, и птицы щебетали, а Стью обнял ее, чтобы она не упала снова. Она приникла к нему и рассмеялась бы, если бы все это не было так нелепо.

Глава 19

— Сломана плечевая кость, — ухмыльнулся Кангеми. — Уверена, что она не была сломана от рождения? — в распоряжении у него оказались зрители поневоле в очень многолюдном приемном отделении с медсестрой, опустившей правую руку Лоры на стопку подушек как боевой топор.

— Заметь, что я даже не могу понять твою глупую шутку. — Она устала, работа накапливалась, а этот ублюдок охотился за ее сестрой. — Где Стью?

— На четвертом этаже, делают МРТ. Я не мог поверить, сколько вопросов этот парень может задать, когда у него сотрясение мозга.

— Он журналист.

— А какое оправдание у тебя?

Она ответила не сразу, решив вместо этого задуматься, как она с ее рукой в гипсе собирается делать узоры или хотя бы использовать ручку. Когда Лора все-таки заговорила,

то обошла болтуна и вместо этого забрала страницу из книги Стью.

- А что я только что видела?

Медсестра Боевой топор не проявила никакого интереса ни к шуткам, ни к манерам и быстро переключилась без каких-либо «как-ваши-дела?» на работу.

— Вам комфортно?

— Да, — Лорин голос был одновременно глухим, как звук упавшего кокос, и пронзительным, как скальпель.

— Я буду лаборантом, который наложит гипс. Расписаться левой можете? — Медсестра протянула Лоре планшет и вложила в левую руку шариковую ручку. Лора подписала, ничего не читая, хотя и не прекращала клясться, что никогда так больше не сделает.

Кангеми невозмутимо продолжал допрос.

— Как вы думаете, что вы видели?

Медсестра Боевой топор перелистала страницы, и Лора поставила подпись, куда указали.

— Ладно, моя мама сделала так, когда я спросила ее, есть ли Санта-Клаус. Она сказала: «Как ты думаешь, есть Санта Клаус? — и я сказала: «Да, я верю в Санта-Клауса», и я верила до тех пор, пока мне не исполнилось десять лет, что слишком много, если ты не знаешь. Поэтому, когда кто-то задает такой вопрос, то, как правило, это означает, что они скрывают какую-то ложь, которую они говорили в течение многих лет.

Он указал на ее сломанную кость.

— Ты действительно сломала её, а?

— Так и есть. Но больше никаких ответов, пока я не узнаю твое имя.

Он поднял обе руки в знак капитуляции, но Лора изобразила на лице выражение, призванное сказать ему, что переговоров не будет. Вероятно, у нее был вид страдающей от запора, но она изо всех сил старалась выглядеть серьезной и злой. Медсестра ушла со своими бумагами.

— Калоджеро, — сказал он с раскатистым «р» и мелодичным «л».

— Мне нравится. Могу я звать тебя, Кэл?

— О, «детектив» все еще в силе. — Он подтащил стул с громким скрежетом. — Мы еще не знаем точно, что вы видели. Там не было ничего противозаконного. У нас много девушек и парней, но никакие законы такого не запрещают. А у Рольфа есть адвокат и он ничего не говорит. Я не могу его арестовать.

— А как насчет незаконного проникновения?

— Он арендовал помещение. Юридически. Это вы, ребята, вторглись на чужую территорию.

— А девочки? Возможно, они были проститутками, которых вы арестовывали раньше?

Кангеми наклонился вперед, упершись локтями в колени с таким видом, будто разглядывал кроссворд, который он никак не мог разгадать.

— Видишь ли, это то, что мы не можем понять. У них у всех легальные грин карты и трое из них работают на тебя.

— На кого?

— На тебя.

— Что?

Он вынул крошечный конверт из нагрудного кармана и вытащил фотографии размером с кошелек.

— Ты нанимала эту девушку в апреле? — Он показал ей фотографию блондинки лет двадцати.

— Нет. Ты серьезно? Мы совсем на мели.

Он перевернул на другую фотографию: девушка со светло-каштановыми волосами и зелеными глазами.

— А вот эту? Примерно в середине июня?

— Нет. Как думаешь, я бы работала по вечерам и выходным, если бы мы могли позволить себе нанимать людей?

— Да, я понимаю. — Он показал ей фотографию Глаз-Фрикадельки. Ее губы были плотно сжаты, как будто она боялась слишком сильно улыбаться на камеру. — Как насчет этой?

Лора чувствовала острое сожаление, даже печаль, за девушку, которую она встречала однажды в неприятных обстоятельствах.

— Я вроде знаю ее.

— И когда она работала на тебя?

— Ты чертовски хорошо знаешь, что она работала на Иванну Шмиллер до того, как ее избили и зарезали в Восточном Нью-Йорке. В заброшенном торговом центре? Привет? Разве вы, копы, друг с другом не общаетесь? — Она подавила рыдания, которые, должно быть, остались с того дня. — Я имею в виду, ради всего святого, комнату, полную проституток, вы собираетесь сидеть здесь и говорить, что вы не можете никого из них прижать? Никого арестовать?

— Я арестовал твоего парня.

— Он не мой парень.

—.. Независимо...

— Это неуместное слово! — Она сделала паузу, ей было наплевать на словарный запас Кангеми. — Почему вы его арестовали?

— Нападение. И как только мы убедили его в этом, он взял на себя всю вину за нарушения, которые мы можем проигнорировать или нет. Но он очень хороший парень. Уверена, что не встречаетесь?

Она хотела скрестить руки, но не смогла, поэтому она так крепко сжала челюсти, что аж зубы заскрежетали.

Он откинулся назад, скрестив руки и лодыжки.

— Уже поздно. Так что я собираюсь вежливо расспросить тебя, а не вызывать повесткой. Что ты там делала?

— Я была...

— Ничего не утаивай.

— Могу я говорить? — Он кивнул, вынув свой блокнот, и Лора продолжила. — Я беспокоюсь, что вы думаете, что Руби убила Томасину, чего она не сделала. Поэтому я хочу развеять все подозрения. Она этого не делала, но когда я узнала, что они с Томасиной были... вы знаете... я знаю, как вы, ребята, думаете. И я знаю, что яд был в ее доме, но мне все равно. Руби не химик. И я не знаю, знаете ли вы это, и я не знаю, что вы делаете. Вы могли бы работать день и ночь, чтобы найти причины, чтобы посадить ее вместо того, чтобы пытаться выяснить, что на самом деле произошло.

Он оторвался от своего блокнота, приподняв бровь.

Лора почувствовала, что сказала что-то не то, и почти сразу же начала отступать.

— Я не говорю, что вы нечестны. Я просто говорю, что у вас есть работа, и вы собираетесь ее делать. И твоя задача — убрать людей и забрать вещи со своего стола, вот и все.

— Однажды мы поговорим о моей работе и твоей работе, хорошо? Но не сейчас.

Благодарная за отсрочку, она сказала:

— Мы нашли эту брошюру в вещах Руби, о которых мы забыли. Для Фонда «Белой Розы». Основательницей, которого была Томасина, или Сабина, которая является ее братом, но неважно. Этот фонд создан, чтобы помочь сиротам и попавшим в беду девочкам из Восточной Европы. Они их вытаскивают из жизни проституток, и кого бы то ни было еще. — Она почувствовала, как ее щеки краснеют. Она всегда будет так странно относиться к сексу? Ее смущение было... ну, смущающим.

— Ладно, эти девушка на обложке «Белой розы», она также была в каталоге «Пандоры», который вы мне показали, и она также была с Рольфом в Бакстер-Сити. Поэтому мы начали искать её и обнаружили, что она работает помощницей Иванны, что подозрительно, но вы можете сложить два и два. Я хотел поговорить с ней, и когда я поехала к ней на встречу в Восточный Нью-Йорк...

— Большинство людей в жизни не видели убийств.

— Ну да, и это сильно расстроило. Поэтому, я решила отправиться по адресу, указанному в брошюре и самой все посмотреть. Я имею в виду, она была прямо на обложке. И это случилось ночью. Я не искала того, что нашла.

Кангеми с усилием потер глаза.

— Знаешь, у меня тоже есть своя жизнь. У меня есть девушка, с которой мы то расстаемся, то нет, и которая оставляет мне записки о том, какой я мудака, когда я возвращаюсь домой. Видишь ли, я всегда работаю, всегда между жизнью и смертью. Если бы не я пошел на встречу с сумасшедшей девицей из мира моды, то на следующий день она бы была мертва, и это бы стало моей проблемой. Но я здесь, а это значит что? Что ты сумасшедшая, зазнайка, ясно? Знаю, ты думаешь, что распутала дело Померанц. И я позволил тебе так думать, потому что ты милая и у тебя честное сердце. Но я должен тебе сказать, что он был у нас, и мы собирались его схватить. Я имею в виду, мы были в пути. И мы взяли его, потому что у нас есть инструменты, чтобы сделать эту работу, и мы не сидим сложа руки, генерируя сумасшедшие идеи.

— Для тебя самым подходящим на эту роль был Джереми.

— Когда ты вошла в тот офис, на кого ты думала?

Они еще секунд тридцать сидели, уставившись друг на друга. Она входила тогда в офис ни о чем, не волнуясь. Она только что приехала с Шелдоном Померанцем на его лимузине, вдовцом, которого она уличила в лжесвидетельствовании и минетах за деньги, и ждала встречи с Джереми как в лучших традициях их дружбы. Выйдя из лимузина, убежденная, после разговора с Шелдоном, что он не убивал свою жену, и имея каждый факт под рукой, на кого она думала?

— Джереми, — сказала Лора. — Я думала, Джереми убил её.

— Ну, а вот я нет. Я знал, что это сделал Андре. Тогда ты была на два дня позади нас. А насколько сейчас?

Лора пожала плечами.

— Томасина умерла во вторник, поэтому... может быть не более чем на полтора дня. Хоть какое-то улучшение, так ведь? — Она попыталась примирительно улыбнуться, но

получилось, наверное, как ночной кошмар детектива Кангеми — сумасшедшая девица из мира моды.

Руби приехала в десять тридцать. Лора уже расписалась левой рукой за все. У нее была работа для Джереми, и она уже полтора дня не заглядывала в свой салон. Она была уверена, что не пропустила ни одной распродажи, потому что без нее сделка не состоится. Она немного беспокоилась о Дебби Хайвудд, которая без сомнения менее благожелательно отреагировала бы на тактику продаж Руби-воровки чужих парней. Четырежды написала Стью, но ответа не получила.

— О, выглядит мило, — прокомментировала Руби загипсованную руку. — Правда. А они не делают в других цветах?

— Не стесняйся, шей мне новый. О, не бери в голову.

Руби показала ей язык. Конечно, она не могла шить.

Лора почувствовала себя виноватой.

— Как дела в шоу-руме?

— Там нет вентиляции. Воняет человечинной.

— Говоря о человечине... — это был не в тему, но Лора не могла остановить себя. — У меня появились новые факты. Можем взять такси?

— У тебя есть деньги?

— Я на мели. Что насчет метро? — она выразительно показала на свою руку, и без того нелепо упакованную в водозащитный чехол на три дня. — Думаю, смогу это пережить, если не придется идти на поезд на руках. И там не будет много народу.

Лора пересказала всю историю, пока они шли по Четырнадцатой. Её хотелось рассказать все по порядку, чтобы ничего не пропустить. Это означало, что она не упоминала об их армии служащих до самого конца.

— На кого они работали? На нас? — Руби нахмурила брови и устремила взгляд вдаль, как будто пыталась вспомнить что-то о наборе сотрудников. — Я так не думаю.

— Все так смешалось, и я не чувствую, что мы близки к разгадке.

— Дядя Грэм думает, что они собираются арестовать меня. Не думаю, что смогу выдержать это.

Они спустились в подземку. Руби просунула карточку Лоры в ридер и протолкнула ее через турникет. Вагон метро был переполнен для поздней ночи, да и рука Лоры занимала слишком много места. Даже заядлые тусовщики предлагали её присесть из вежливости, но места было слишком мало, и она отказалась. В конечном итоге она ткнула сидящую рядом с ней девушку неопрятного вида лет двадцати с мешком для белья между ног. Взглянув, девушка дала понять Лоре, что для нее и ее балагана нет места.

— Тебя не осудят, — сказала Лора.

— Осудят? — спросила Руби, как будто она никогда не думала об этом слове, как будто это слово было гораздо более веским, чем идея попасть в тюрьму. Осуждение. Это казалось гораздо веским.

— У них есть куча косвенных улик, и, если бы они стоили десять центов, они бы уже арестовали тебя. Я имею в виду, это отравление знаменитостей. Каждый день, который проходит без ареста, выглядит для них плохо. — Лора поняла, что сказала, когда последнее слово слетело с ее губ. — Не волнуйся, Руби. Мы разберемся с этим.

— У нас нет времени. Хотела бы я просто сбежать.

Они вышли на станции Юнион и пошли под землей к поезду R. Поездка в метрс

забирала у Лоры последние силы. Девушка с сумкой для белья, которой не хватило места на сидении для бедной девушки со сломанной рукой, прошла мимо, сумка стучала по ее ноге и врезалась в ноги Лоре и Руби. Лора крикнула её в спину проклятье, но её полностью проигнорировали.

Лора скучала по Манхэттену. Дом был просторным, но поездка на работу убивала ее. Ее жизнь, казалось, становилась все труднее, а не легче.

— Ты когда-нибудь давала Томасине какую-либо информацию о нашем бизнесе, например, идентификационный номер работодателя или что-нибудь подобное?

— Нет.

— Клянешься?

— Мы занимались другими вещами.

— Хорошо, ничего страшного. Слушай. Все довольно ясно. — Она потянула Руби к скамейке, сделанной как самостоятельное произведение искусства. Она устала, и она не хотела ничего объяснять и в то же время суесться. — Они отмывали девушек через «Портняжек». Как деньги.

— И что ты знаешь об отмывании денег?

— Какая разница? У этих девушек были большие проблемы. Томасина хотела помочь им, предоставив им работу и новую жизнь. — Лора была уверена, что ее распорядок будет безнадежно испорчен, но молчать уже не могла. — Рольф узнает об этом. У него проблемы с законом, ведь он скинхед, поэтому ему нужно уехать из страны. Но он не может просто быть партнером Томасины. Я не знаю почему, думаю, было слишком заманчиво продать их в проституцию. Конечно, притянуто за уши, верно? Так что, возможно, это то, что Боб узнал, когда отправился в Германию. Может, ему это не понравилось. И произошло одно из двух. Либо Иванна была замешана в этом с Рольфом и взяла Сюзанну в качестве помощника, чтобы заткнуть Боба, либо она не участвовала в этом, и наняла Сюзанну, потому что хотела узнавать обо всем первой, чтобы сделать правильный ход.

Лора пожала плечами.

— В любом случае, кто еще имел доступ к информации «Портняжек»? И возможность, чтобы использовать это? Достаточно, чтобы тайно спонсировать иностранок? Иванна и Боб. И мы уже знаем, что Бобу не понравилось то, что он увидел, когда вернулся из Германии. Это оставляет нас с чем?

Руби наклонилась и прижалась лбом к коленям.

— Это уже перебор.

— Для меня того факта, что все это происходило, и ты не имеешь с этим ничего общего, должно быть достаточно, чтобы удержать тебя от неприятностей.

— Я просто хочу вернуть свою жизнь.

— Я могу это сделать. Я имею в виду, я могу попробовать. Завтра Иванна придет в салон. Я посмотрю, что смогу у неё выведать. Но сегодня я должна извиниться перед Джереми.

Офис Джереми гудел, даже в одиннадцать вечера. Шоу было на следующий день, и никто не спал. Эмира бегала по стойкам, как робот, передвигая одежду и проверяя список, в котором правильно указывалась правильно подобранная модель и подходящая ей пара брюк. Она была дизайнером, который заменил Кармеллу, псевдо-итальянскую графиню, и организованной рабочей лошадкой, которой не хватало воображения, но зато в поздние часы и ответственные вечеринки она была незаменима. Тиффани была рядом с ней, пережив

повышение после убийства Померанц. Джереми стоял над Карлосом, портным, у которого на столе лежала коричневая воловья кожа.

— Но я же сказал тебе, — сказал Джереми, с интонациями рычащего питбуля в голосе. — Я сказал тебе это на вчерашнем собрании и сказал то же самое три часа назад. Если на коже есть волосы, они состригаются бритвой.

— Они слишком короткие, — запротестовал Карлос.

— Если хочешь потратить остаток своей карьеры на раскрой хлопкового поплина, «Tollridge & Cherry» через дорогу, за исключением того, что их раскройщики живут в Китае. Такая работа тебе подойдет?

Карлос просто смотрел на полоску воловьей кожи на столе.

Джереми поднял трапециевидный резак, словно объясняя кнопки на пульте дистанционного управления межпланетному пришельцу.

— Это ручка. Это острая часть. Это лента, чтобы не порезаться. Карлос, испортишь эту кожу из-за страха порезаться, я уволю тебя. Я знаю пятерых парней, которые будут счастливы занять твое место.

Джереми посмотрел на нее и вложил лезвие в руку Карлоса, закройщику у него уже семь лет, повернувшись спиной к нему. Он указал на ее сломанную руку.

— Что случилось?

— Проиграла бой с пожарной сигнализацией. — Его насмешливый взгляд заставил ее задуматься. — Я преследовала сутенера.

Он притянул ее в комнату отдыха с силой, которую она не видела от него долгое время. Он изображал босса, хотя на самом деле он был не ее боссом, а самым обычным знакомым. Он закрыл за ними дверь и усадил ее в красное кресло в стиле модерн, бережно укладывая сломанную руку.

— Не на этой неделе надо было это делать, — сказал он. — Не мне. Мне пришлось заставить Тони заменить штаны «Ясмин».

— Мне жаль, я...

— Я не готов переносить тех. цехи в Азию. Они все домашние конструкторы с зарплатой. Я беседую людей здесь для технического отдела, а еще нужно управлять персоналом, фабрикой и делать лекала. В итоге, у меня всегда два из трех. — Он был глубоко погружен в свои проблемы.

— Ты пытаешься сделать слишком много.

Кажется, он даже не слышал ее.

— Ты свою сестру видела?

— Да я...

— Она прибежала сюда каждый час. Она в панике. Ваш продавец выглядит как зомби. Он не знает, кто входит и выходит из этого выставочного зала.

— Она ничего не говорила. — У Лоры возникло ощущение, будто она падала, как будто упустила возможность сделать что-то правильно, и последствия уже нельзя исправить.

— Йони кричит на меня как банши. У вас куча всего на утверждение и на перспективы. И вам все это нужно организовывать. И если ты хочешь внести в список мой шерстяной креп, тебе нужно его примерить.

— Последние пару дней были действительно тяжелыми. Я видел еще одно мертвое тело. Этот раз...

— Стоп. — Он поднял руку и накрыл ее левой рукой.

— Я не хочу, чтобы Руби попала в тюрьму.

— Мне все равно.

— Что это должно означать? — Она была готова обидеться, на нее нападали, а она ненавидела сидеть в обороне.

— Ты создана делать только одну вещь. Шить одежду. Вот что ты должна делать.

— Я все еще могу шить.

— Нет, Лора, ты не можешь. Ты управляешь бизнесом, и этот бизнес зависит от тебя. Ты его опора в жизни. Через пару сезонов у вас будут сотрудники, чья работа будет зависеть от тебя, от того, как ты будешь действовать, и от того, насколько ты будешь любить то, что ты делаешь. То, что вы делаете сейчас, — это задаток. Ты слишком много работала, а теперь занимаешься чем-то другим, потому что перегорела.

— Я не перегорела. — Она чувствовала раздражение и хотела начать ругаться. Очевидно, он не знал ее вообще.

— Нет, ты действительно перегораешь, как и все остальные. Но ты не падаешь, как все остальные. Ты не берешь отпуск и не напиваешься. Ты вкладываешь всю эту энергию в то, что, как ты сами себя убеждаешь, очень важно. Но это не так.

— Как убийство и с обвинение в этом моей сестры может быть не важным?

— Ивана наняла Грейсона?

— Они делают только хуже.

— У твоей сестры есть адвокат?

— Да, и?

— А полиция Нью-Йорка?

— Не понимаю, как это...

— Если ты делаешь их работу, кто делает одежду, Лора? Кто управляет вашим бизнесом? Для тебя ничего важнее сейчас нет. У тебя нет хобби, и нет никаких обязанностей. У тебя нет личной жизни. Это твоя жизнь. Сейчас в Парсоне каждый выпускник с удовольствием возьмет под себя то, что есть у вас. И никто из них не будет смотреть на мертвые тела на обочинах. Никто.

Она не могла смотреть ему в лицо, поэтому продолжала пялиться на свои колени, на которых его рука накрывала её левую руку. Её правая рука весила килограмм сорок и была опутана бинтами, но Лора все равно думала: «Как так происходит? Мы держим руки на коленях, и это нормально?». Она задавалась вопросом, будет ли ее рука пахнуть как его, соленой водой, и заснет ли она, уткнувшись носом в ладонь.

Он продолжил.

— Иванна, ходит туда— сюда, задавая вопросы, где ты. По словам Пьера, вы еще не получили их поддержку. Пока в банке нет денег, вы должны доказать, что они того стоят, а когда чеки будут подписаны, ты сможешь взять половину выходного дня. Но вам нужно будет заказать ткань, и вы будете опустошены начисто, потому что нужно шить модели за шесть месяцев до того, как магазин вышлет вам чек. Ты должна доказать, что ты стоишь больших денег. Ты должна доказывать это каждую поставку, каждый сезон, каждый год.

— Это не похоже на работу на себя.

— Это миф. Мы все работаем на кого-то.

Она посмотрела в его кофейные глаза и задумалась над его историей, его жизнью и удивилась, откуда у него такие мысли.

— На кого работаешь ты? Ты сам себя финансируешь. Сам принимаешь решения.

— Мой босс — время.

Она сразу поняла, что он имел в виду, так как его преследовал призрак его фиброза и прогноз, который не простирался дальше сорока лет.

— Дай мне поспать, и я приду завтра, готовая ко всему.

— Иванна идет с помощником, поэтому нужно быть энергичной и веселой. Она захочет пойти на 40-ю улицу, а у меня шоу завтра, я не смогу прийти и все сгладить. Но ты принесешь всем билеты, как на свое собственное. Хорошо?

— Хорошо.

— Руби тоже. Она должна быть свободной и жизнерадостной весь день. С ней все будет хорошо, если ты позволишь всем делать свою работу. Если на этой неделе ты не будешь на высоте, то подведешь ее.

— Хорошо.

— Подготовь ткань на осень. Можешь одолжить пару журналов из моего кабинета, полистай.

— Хорошо.

— И не бойся.

Одного этого требования было для нее слишком много, даже если это было для ее же блага.

— Может, ты сейчас остановишься, пожалуйста? Ты не можешь целоваться со мной днем, а потом читать мне лекции по ночам. Ты больше не мой босс, и я не знаю, кто ты, но ты не знаешь ничего том, что мне нужно.

— А если бы я целовался с тобой прямо сейчас? Могу я читать тебе лекцию?

— Нет. Во-первых, вы должны сказать мне, что вы хотите от меня, потому что это не может быть только бизнес иногда и... что-то еще... в другое время.

Он отпустил ее руки, и её руке сразу стало холодно без его прикосновения.

— Что я хочу от тебя? Разве это было не очевидно с нашей первой встречи? Я относился к тебе иначе, чем кто-либо другой, с той минуты, как ты вошла в дверь. Сколько часов мы тусовались по утрам? Как думаешь, я хотел появляться здесь в семь тридцать каждый день? Черт, нет. Но ты приходила, и я тоже был там. Господи, я расширяюсь повсюду, но я нашел способ выделить тебе кусок моего выставочного зала. Мы выполняем заказы и делимся персоналом. Какого черта, Лора? Ты хочешь что-то глупое вроде открытки или цветов?

— Но это всегда бизнес.

— Если я впускаю тебя в свои дела, я впускаю тебя в мою жизнь. Ты знаешь это.

В какой-то момент они посмотрели друг на друга, и между ними возникло понимание. Вот кто он такой, и она может любить его или бросить, но она знает, во что ввязывается.

Прежде чем Лора выбралась из своего затруднительного положения, вошла Эмира.

— Джей-Джей, Карлос порезался. — Увидев их так близко, она словно застыла на месте. — Ой. Ах, неважно? Это не серьезно. Он просто хотел, чтобы ты это увидел.

Джереми встал и помог Лоре подняться, чтобы ее не повело от потери баланса. Затем взял ее левую руку и сжал их пальцы вместе. Она сжала в ответ все, что смогла обхватить. Он вытащил ее в коридор, не расцепляя рук, что все в мастерской могли их видеть.

Когда они стояли в ожидании лифта, она сказала.

— Не надо кричать на меня. Мне это не нравится.

— Я знаю.

— Ты настоящий мудака. Ты играл со мной годами.

— А что должен был делать? Я бы взял тебя в любом случае. — Двери лифта распахнулись, и они вошли.

— Терпеть тебя не могу, — сказала она.

Когда двери закрылись, он обнял ее и стал целовать, шепча: «Прости, прости, прости», пока она не поцеловала его в ответ.

Глава 20

Такси было чистым. Вероятно, самым чистым, какое она видела за последние годы. Но разве это не похоже на Джереми — прогуливаться по улице с дрожащей девушкой и едва успеть поднять руку, как перед ним предстает самая чистая машина в городе? Он был волшебником, но любила ли она его?

Ее лицо горело от пятнадцати минут поцелуев губ в обрамлении щетины, пятнадцати минут чистого бездумного рая, под которым все это исчезло. Она подразумевала под «этим» убийство, которое она видела тем утром или увидела бы, появившись она на десять минут раньше. «Этим» была и ее сестра, попавшая в беду, и которой не разрешили ни вернуться в свою квартиру, ни взять необходимые вещи из собственного шкафа. «Этим» стала возможная потеря бизнеса. «Это» Стью и его девушка, о которой, кажется, никто не думает, что её имя созвучно с продуктом, кроме тебя.

В течение пятнадцати минут все, что имело значение — это его губы, его запах и его руки на ее шее и спине.

Он никогда не шутил по поводу ее сломленного «чувства юмора» и не настаивал на дополнительной информации о том, почему он у нее такой. Он считал, что это отвлекает от того, что она должна делать, и не хотел подбадривать, задавая вопросы. Или он так сказал. В глубине души она боялась, что ему все равно.

Или, возможно, он был прав. Как она могла быть великолепной во всем, если она продолжала расплывать свою энергию вокруг? Возможно, ей следует оставить расследование адвокатам и полицейским, которые знали, что делать.

— Высадите меня на углу, — сказала она. Она могла пройти квартал до дома. По какой-то причине её смущало, что она выйдет из такси с повязкой на руке перед фургончиком с журналистами.

Фургон в темноте был виден прекрасно, бело-синий, огромный со спутниковой антенной наверху. Практически поравнявшись со своим домом, она почувствовала непреодолимое притяжение этой большой машины. Она вскользь подумала о своей сделке со Стью и пообещала себе, что будет уважать его эксклюзивное право на историю, но единственными людьми, обладающими большей информацией, кроме адвокатов и полицейских, которые клялись помалкивать, были репортеры.

Джереми велел ей забыть об этом и лечь спать, и она делает это, как только проверит одну вещь. А затем смывает все, как кусок мыла в ванной. Она постучала в заднюю дверь новостного фургона.

Роско Кнутт, открыл дверь в хлопчатобумажной рубашке, расстегнутой до живота и одетой на несвежую футболку с круглым вырезом. Он жевал хрустящую соленую зелень зеленого горошка.

— Ты делаешь мою работу слишком легкой.

— Пожалуй, к этому стремлюсь.

— Что случилось с твоей рукой? Не говори мне. Это связанное с этим беспорядком на

пересечении Парка и 48-й.

— Не помню, чтобы я участвовала в стычке.

— Держу пари, я перекурил слишком много травы. Загнивает кратковременная память. Уменьшается оперативка. — Он так сильно постучал по голове указательным пальцем, что она испугалась, как бы он не сделал в ней дырку.

— Заходи, если заходишь.

Фургон оказался совсем не таким, как она ожидала. Конечно, были мониторы и соответствующая полная нехватка места, а также циферблаты и ручки повсюду. Чего она не ожидала, так это большого экрана с множеством каналов Twitter—а и мигающими окнами в соц. сетях.

— Сидишь на Facebook? — спросила она.

— Они мне не позволяют. Честность, видимо, не лучшая политика в журналистике. Они заставили меня сидеть в этом ящике посреди ночи.

— Что они ищут?

— Тебя.

— Сейчас ты должен получить повышение по службе.

— Нет, если ты постучалась сюда в поисках горошка. — Он протянул пакет с зелеными хрустящими хлопьями.

Лора была чертовски голодной.

— С кем целовалась? — спросил он.

Ее рука машинально подскочила ко рту, так, что зеленая посыпка от горошка все оказалась на её щеке.

— Зацелованные губы. — Он усмехнулся. — Крупная история. Мы знаем, что у тебя нет парня, кроме того, который пишет для «Нью-Йоркера». Ты знаешь, что он спит с наследницей «Кастон Блич», верно?

О, Тофу была богатой наследницей. Просто чертовски богатой.

— Да уж. Он не мой парень.

— Да. Если ты так говоришь.

Она почти видит, как он делает заметку в своей голове.

— Итак, что заставило тебя думать, что я участвовала в потасовке на Парк-авеню?»

— Имя твоего парня появилось в протоколах об аресте. Мы получаем все в тиккере. — Он указал на экран, где высвечивались сообщения похожие на Твиттер. — Его и раньше арестовывали. Никогда не пропускает «ненасильственные» протесты. Его адвокат-коммуняка вытаскивает его утром. Не волнуйся.

— Я не волнуюсь.

Он покачал головой, словно она врала или была сумасшедшей, или и то, и другое вместе. Но в мире людей, которых она знала или когда-либо встречала, Стью была тем человеком, о котором она реже всего волновалась. Ежедневно он возводил самостоятельность и практичность на новый уровень.

— Стью действительно хорошо ударил Рольфа Вэнта, — продолжила она. — Хотя он и на размер — два больше. Рольф, я имею в виду.

— И это единственный удар, который он когда-либо получит. У этого парня есть несколько адвокатов, и они не мелкие рыбешки. Они барракуды. — Он потер пальцы, показывая, что услуги этих адвокатов стоят не малых денег. — Семья, знаешь. Они его выгнали, но и потратились на него. Если бы мой ребенок сделал что-нибудь подобное, я бы

не дал ему и пяти центов, а потом и вовсе выгнал на улицу. Возможно, даже сам бы и убил, если бы это позволяли.

— Что он сделал?

— Сама можешь узнать. В этом нет секрета. По крайней мере, в восточной Германии. В восточной Германии.

— Никогда там не была.

— Хочешь газировку? У меня есть «Манхэттен Специал» и... «Манхэттен Специал».

— Нет, спасибо.

Он вытащил бутылку шоколадной содовой из мини-холодильника и отогнул крышку с помощью небольшого металлического ножа, который он крепил к своему запястью пластиковой спиралью.

— Скверное это было дело. И глупое. Просто ненужное. Банда скинхедов ворвалась в дом, связала отца и заставила его наблюдать, как они насильовали жену и дочерей. Что достаточно мерзко. Затем они собираются убить всех, и тогда понимают, что был еще брат, который убежал и вызвал полицию. Для них все сложилось не очень хорошо. Вся страна требовала их повешения. Что они и получили. Ты как-то позеленела. Ты в порядке?

Она думала о своей сломанной руке, о том, насколько её проблема незначительна и глупа. Но о рассказе она забудет только через пару месяцев.

— Рольф был одним из них?

— Ну, нет. Но отец семейства, который был евреем, поэтому все и выглядело как обычная скинхедская ерунда, водил какие-то дела с Рольфом. А у Рольфа, который весь из себя скинхед, была привычка избивать девушек до полусмерти. Попадался он на этом не один раз, а целых два. Он возглавлял этих парней. Рольф отрицал, что приказ насильовать или убивать кого-то исходил от него, но прокурор просто все больше и больше раскрывает его дел с евреем.

— Подожди. Какие дела?

— Это было самое смешное. Это были цветы из Нидерландов. Но не совсем цветы. Как же они называются? — Он сжал кулак.

— Луковицы?

— Возможно. Прокурор щеголяет новым костюмом перед большой пресс-конференцией, и говорит, что почти посадил его. Полицейские сторожат его особняк, ожидая команды схватить Рольфа за убийство и за контрабанду, а папаша-еврей, кстати, снимает все обвинения со скинхедов. И знаешь, что случилось?

— Прокурор найден мертвым.

— Найден в луже рвоты.

Лора ахнула.

Роско продолжил.

— Но это был несчастный случай, нашли его вечерний ужин, вместо лука в него были покрошены луковицы цветов. Случайность. Но какая удобная случайность.

Лора вдруг вспомнила о коробках с луковицами на своем заднем дворе. В последний раз она их видела, когда ругала Кангеми за то, что он не уважает право женщины на голодную смерть.

— Луковицы нарциссов ядовиты.

— Правильно. Но, прежде чем вытащить кролика из своей задницы, недостаточно обвинить человека только потому, что у него мог быть мотив. Семья Венте потянула за

ниточки, все списали на несчастный случай, затем они отрелись от Рольфа с несколькими миллионами на банковском счете. Он уже проходил через это. Даже не знаю, как ему удастся выкручиваться.

Лора сидела неподвижно, глядя вдаль.

Роско наклонился вперед.

— Теперь, расскажи, что ты дела на Парк-авеню в десять вечера, когда обычно сидишь на работе?

Она чувствовала себя в долгу перед ним за то, что беззастенчиво выудила столько информации, что у нее не было бы ни мозгов, ни ресурсов, чтобы найти ее самой.

— Рольф и еврей не торговали луковицами. «Цветы» были девушками. Женщины. Люди. Посмотрите в агентстве «Пандора». Я должна идти.

Лора вбежала в дом. Руби спала на диване в одежде, а мамы нигде не было видно. Она кинулась к шкафу и стала одной рукой выкидывать оттуда вещи, выбрасывая метлы, каталоги, металлические ведра, огромное количество чистящих средств за раз. От шума проснулась Руби.

— Наконец-то, — воскликнула Лора. — Я думала, что ты там умерла. Помоги мне с полом.

— Что ты ищешь?

— Ты приготовила Томасине завтрак утром, когда она умерла?

— Да, а что?

— Ты сделала ей омлет?

— Да, — ответила Руби. — Она называла его Магги. Хотя, какое это уже имеет значение. Все в прошлом.

— А ты съела его совсем чуть-чуть?

— Да, почему спрашиваешь?

— Вот почему тебе было плохо. У нас в кладовой стоит корзина с луком-шалот. Может одна из них оказалась маминой луковицей? Из тех, что она высаживала? Если ты случайно покрошила одну из них в омлет, на стол ты поставила тарелку с ядом.

— Стой. Хорошо. У меня есть остатки в моем холодильнике. И они останутся там и завтра. Так что остановись.

Лора застыла, осознав, что пытается удовлетворить свое любопытство, а не заботиться о своей сестре.

Руби помогла расставить все на места, затем закрыла со щелчком дверь шкафа.

— Иди спать, — посоветовала она. — У тебя под глазами большие черные круги и зеленая кожа. И у тебя сломана рука. Идти.

— Позволь мне сначала позвонить Кангеми.

— Я это сделаю. Идти. Ты сводишь меня с ума. Пожалуйста. — Руби подтолкнула ее вверх по лестнице в спальню.

У Лоры не было сил сопротивляться.

Глава 21

Лора проснулась в восемь одиннадцать от звуков раций, доносящихся с низа.

По причинам, которые объяснить она не могла, она не хотела спускаться в пижамных штанах и вчерашней рубашке. Она достала свежую одежду. После вчерашних событий ей был просто необходим душ. Но принять его она не могла из-за перевязки на руке.

Окинув себя взглядом, Лора надела что-то без рукавов, зная, что причина, по которой она не хотела выглядеть как сопля, заключалась в том, что, вероятно, детектив Кангеми был там внизу, и чем меньше мудрых советов она получит внизу, тем лучше. Она сама придумала эту тактику и решила её придерживаться.

К тому времени, как она спустилась вниз, шум раций прекратился, и все лишние сотрудники из дома исчезли. Лора постучала в дверь Руби. Ключи были в замке, а полицейская лента исчезла.

В нос ударил запах чистящих средств. Руби, все еще протирала, стойку абразивными химикатами. На своих десятисантиметровых каблуках ей как раз удавалось протирать столешницу полностью.

— Вот твои ключи, — сказала Лора.

— Спасибо.

— Ты в полном параде и в пиджаке «Халстон». Почему убираешься?

— Я уже собралась уходить, но мне просто необходимо было протереть еще раз. — Она отошла от своей работы. — Как думаешь — оттерлось?

— Думаю, тебе стоит просто попросить Джимми поменять столешницу.

— Он уже сделал. Но я даже вида ее здесь не переношу. — Она отбросила губку, и Лора задалась вопросом, когда за последние восемь часов Руби успела поговорить с их хозяином.

— Думаю, это Рольф убил свою сестру, — сказала Лора. — Он использовал ее организацию для торговли девушками, поскольку еврей ему больше не помогал, а Томасина хотела остановить его.

— Какой еврей?

Лора пересказала вчерашние события, пока сестра оттирала все, что вызывало у нее тошноту, чистящим средством.

Руби щелкнула ключами.

— Для этого ему нужно было бы увидеть ее утром, но она этого не сделала. — Она бы упомянула об этом, потому что она его терпеть не могла и психовала по этому поводу весь предшествующий день. Я имею в виду, она любила его. — Руби повернулась к двери. — Может, пойдем до станции вместе? Ты готов идти? Тебе нужна помощь с твоей сумкой? — Она взяла сумку Лоры, постояла, а затем перекинула ее через плечо. — Что, черт возьми, ты здесь таскаешь?

— Осеннюю коллекцию. Я встречаюсь с Ивановой.

— Удачи. Мне, правда, нужно быть сегодня в выставочном зале. У нас снова запланирована встреча с «Barney» нужно быть как можно раньше и в полной боевой готовности. Знаешь, что Дебби Хейворт является их покупателем? Я продам ей немного одежды. Обещаю. Сегодня — именно такой день.

Казалось, она забыла, что в ее прошлом был какой-то хиппи по имени Даррен. Лора хотела сказать ей, что дорога к расположению Дебби Хейворт не лежит через десятисантиметровые каблуки и полный макияж. Супер-обтягивающие штаны «Marni» и пышная укладка шикарных послушных как ребёнок волос — тоже не путь к сердцу Дебби, туда же относились и мраморная кожа или плоский живот. Если бы Руби могла набрать двадцать фунтов, не мыла волосы в течение недели и выбила зуб, у нее, возможно, был шанс получить расписку от Дебби. Но как бы, то, ни было, она летела к катастрофе, и у Лоры не было ни желания, ни причин, объяснять ей, почему её ожидает провал. Что бы она ни сказала, это только бы заставило сестру нервничать. Поэтому вместо этого она мысленно

завела дело на Рольфа пока шла к станции.

— Это он сделал, — сказала Лора, глядя вниз на лестницу, которая представлялась кругом ада сейчас, когда у нее была перевязана рука. Упасть с лестницы она хотела меньше всего, но держаться за правый поручень она не могла, а переход к левому в переполненном метро считался верхом неприличия. — Тот, кто был с ней в машине и есть убийца, а в машине с ней был Рольф.

Руби предложила ей руку и помогла с проездной картой, ведь они все-таки воспитывались одной матерью, а затем проскользнула вслед за ней, толкнув турникет бедром.

— Он забрал себе «Белую розу», а Томасина разозлилась, — предположила Лора.

— Да уж.

— Да уж.

— Я не согласна, — сказала Руби.

— А?

— Он любил ее. — Руби помогла Лоре спуститься по второй лестнице. — Он был зверем, но он был настоящим старшим братом. Всегда защищал ее.

— Да, — Лора почувствовала, как сердце в груди сжалось, как всегда, когда её что-то угрожало. — Если она так хотела платить за квартиру безвозмездно, то она, вероятно, делала то же самое для него, не задумываясь. Поэтому она, вероятно, позволила ему полностью заняться ее делами, чтобы дать ему работу и платить зарплату, но он облажался. И, может быть, она узнала об этом только за день до смерти, поэтому она не рассказала тебе.

— Что-нибудь она бы сказала.

— Доказать ты это не можешь.

— Почему я должна это делать? — вздохнула Руби. — Послушай, притворяться, что она не сказала бы мне об этом или о встрече с ним до того, как отправилась на показ, ну, для меня это маловероятно. Мы много разговаривали.

Когда они добрались до платформы, Руби плюхнулась на скамейку, зарываясь руками в волосы, как будто Лора не знала, что на кануне у неё случился нервный срыв.

Лора встала над ней.

— Корки видел Рольфа тем утром в парке. Могу поспорить, что он был в такси с ней. У него была возможность.

— То же самое можно сказать с каждой модели, агенте и евромусором из «Marlen X», а у тебя даже нет доказательств, что она туда заходила. Вчера ты была убеждена, что она встречалась с Рокель Рик, и что та была убийцей. Что сегодня?

Лора положила свою сумку на колени Руби и открыла ее так резко, как будто она хотела разодрать ее на две части. Правда, рабочей у неё осталась только одна рука, поэтому сумка оказалась только открытой и слегка вывернутой. Она не знала, почему она так злилась. Потому что подверглась критике за свою непостоянность? Или потому, что она провела все время вдали от работы и опростоволосилась? Или потому что она спасла Руби из опасности, но не нашла убийцу? Или это была самая уродливая причина... что, когда у Руби появились дельные мысли, Лора перестала чувствовать превосходство?

Лора вытащила свернутый рулон чеков из своей сумки и принялась рыться в них, помогая себе зубами и кончиками пальцев правой руки с такой яростью, как будто у нее оставалось три секунды до самого судьбоносного происшествия в жизни. Наконец она нашла тот, который искал, и передала его Руби.

— Квитанция из «Marlen X». Маленький латте с соевым молоком и какой-то добавкой, какой не говорится. И заварной кофе, черт пойми для кого.

Руби посмотрела на чек и вернула обратно в руку.

— Это не говорит, что с ней был ее брат. Я не говорю, что он этого не делал. Я говорю, что у тебя нет достаточно доказательств, чтобы быть в этом полностью уверенной, да и не будет. А еще, это совершенно не важно. Лора, послушай. — Руби взяла ее за запястья, хотя одно из них было в перевязке. — Я очень благодарна тебе за помощь. У меня были жуткие неприятности, и я был очень подавлена. Но ты вытащила меня. Ты сделала такие вещи, которые ни одна другая сестра бы и не подумала делать. Я люблю тебя. Я ценю тебя. Ты на меня не сердишься?

— Я не сумасшедшая.

Хотя она была такой. Немного. Возможно много. Ее разочарование произрастало из того, что объяснить она была не в силах. Она хотела быть героем и преуспела в этом, но в общем масштабе потерпела неудачу. Она стиснула бумаги кончиками пальцев, а Руби помогла ей открыть сумку. Когда она перекладывала чеки из правой руки в левую, из туннеля донесся порыв ветра. Сильный порыв, который бывает всегда, перед приходом поезда. Он налетел без предупреждения, выхватив из её пальцев бумажки и разметав их по всей станции.

Десять листочков закружились, как бумажные пакеты. Лора поймала тот, который упала на край детской коляски. Улыбнулась матери, и огляделась. Платформа была переполнена. Бумажный мусор были повсюду, и даже немногие пассажиры заметили, что летающие бумажки к нему не относились. Руби наклонилась, чтобы подхватить два, а затем погналась за еще одним, когда он подлетел к краю платформы, подхватила его. Лора попыталась поймать еще один в воздухе, но правая рука не хотела подчиняться голове, поэтому она потянулась левой рукой и промахнулась. Женщина с детской коляской, должно быть, испытывала благодарность за Лорину улыбку, потому что перехватила его в воздухе и передала ей.

— Спасибо! — сказала Лора.

Женщина указала в сторону.

— Там еще два.

Лора кивнула и пошла за ними, но на пути было много людей и прибытие поезда с востока подняло еще один порыв ветра. Ее травмированная рука тоже мало помогала. Она теряла равновесие и не могла ничего схватить правой рукой. В результате она потеряла, три листка на дорожках и еще один прилип к потолку.

Появилась Руби, помада едва смазалась, но, тем не менее, дышала сестра тяжело.

— Я поймала четыре.

— У меня два, — ответила Лора, когда двери поезда открылись. — Спасибо.

Листок с номером Пенелопы Сидуиндер был на месте, но страница с чеком из «Марлен X» исчезла.

— С того утра у тебя остались все, — сказала Руби, перебирая чеки.

— Нет, из «Марлен X» пропала. Все они были на одной странице.

— А это что тогда?

Она передала Лоре бумагу, квитанция за такси датировалась нужным утром, но Лора была слишком задумчива, когда расклеивала чеки в порядке и положила квитанцию за поездку в бумаги за предшествующий день.

— Доплата в двадцать четыре доллара, — сказала Лора.

— Ла-Гуардия, — предложила Руби. — Они начали взимать еще два доллара за заезд в Ла-Гуардию в прошлом месяце.

— На нем есть последние четыре цифры кредитной карты. — Лора полезла за копией карт. Спасена. Она отсканировала её. Цифры соответствовали карте из кошелька.

— Рольф — это Сабина Фош. Вот почему он ему был нужен кошелек. Она взяла его карточки, когда они встретились в «Гетто». И это сообщение на ее телефоне, я не помню, в какое время, но он говорил «wecken ick eeber eer». Я не знаю, что это значит!

Полезная как никогда Руби полезла в сумку за телефоном.

— Она меня бесила из-за постоянного немецкого, поэтому я установила переводчик.

Из манхэттенского туннеля подул горячий ветер. Пассажиры собрали свои вещи и подтягивались к краю платформы, на чьем краю они так и остались стоять. Лоре нужна была еще минута задержки поезда, что бы Руби успела сказать «Wecken ick eeber eer» в телефон.

Когда поезд въехал на станцию, Руби подняла трубку, на экране вспыхнули слова «Проснись! Я получил ее!»

Но кто она?

Руби отправилась на Бродвей, а Лора пошла на запад к офису на 40-й улице, где Иванна должна была ждать ее через пятнадцать минут. К встрече она не подготовлена, в лучшем случае, в худшем — эта встреча могла стать настоящим провалом. Она пыталась сосредоточиться на своей задаче. Через пару часов она сможет узнать больше о Рольфе, или о яде, или о чем-то еще. Все, что ей нужно было сделать, это думать о линии, цвете и форме до десяти тридцати, самое позднее. Потом она расстанется с ними, прежде чем они заставят идти её вместе с ними обедать. Руби и Корки звонили, но она притворялась, что занята, помогая Джереми с его шоу.

Она собиралась уложить его в постель к концу дня. Сила и способность раскрыть убийство наполняли ей. Она не чувствовала ничего подобного, с тех пор как ушла от Джереми Сент-Джеймс, и ей нужно было поддерживать этот огонь. Она даже не понимала, что она была в депрессии.

А еще она чувствовала, что Рольф виновен. Он был гнилой человек, который продавал молодых девушек в проститутки, отмывал их через свою компанию, вероятно, с помощью информации, украденной у Боба и Иванны из «Белой Розы». Он забирал их в аэропорту Ла-Гуардия и отвозил, Бог знает куда.

Лора заставила себя рвануться вверх по лестнице. В ее сознании тяжеленая сумка стала легче, перебинтованная рука весело постукивала по перилам, а сама девушка бежала вперед не в состоянии дожидаться лифта. Весеннюю коллекция сделать было легко. Обновите прошлый сезон и укоротите юбки, осветлите ткань и цвета. Короткие рукава поменяйте на безрукавки, а длинные рукава превратите в рукава три четверти. Изменяйте карманы и воротники, пока они не будут выглядеть новыми. Пусть Иванна разработает что-то возмутительное в каждой группе, выберет блестящие пуговицы и отделает их глупыми тканями. Скажите ей, что она великолепна, и коллекция сделана. Поддержка обеспечена. Линия идеальная. Бренд защищен. Все счастливы.

Посреди всего этого она собиралась задать острые вопросы об отношениях Иванны с «Белой Розой» и модельным агентством «Пандора». О Глазах-Фрикадельках. О том, как Рольф мог достать их идентификационный номер работодателя и корпоративные документы, необходимые для приема на работу иностранных работников без ее ведома. Это

должно было быть сверхпродуктивным утром.

Когда она вбежала в маленькую студию, казалось, за её спиной растекается солнечный свет. Ее стол с выкройками был чист, ведь она покончила с ними до того, как случились все происшествия, а чертежный стол Руби пребывал в обычном упорядоченном беспорядке. Иванны и её новой восточноевропейской помощницы нигде не было видно. Только посреди холла стояли двое мужчин и о чем-то разговаривали, но услышать о чем у неё не получилось, потому что они замолчали при ее виде.

— Пьер?

— Моя дорогая. — Он дважды поцеловал ее. — Боже мой, что случилось?

— Я должен тебя познакомить с этим пареньком.

Пьер указал на мужчину, стоящего возле ее раскрытого стола.

— Ты знаешь мистера Штерна?

Бак кивнул и присел на стул.

— Привет, Бак, — сказала она, обращаясь к нему по имени, как будто и не слышала фамильярности в обращении Пьера к мужчине. — Что-то случилось? С Иванной все в порядке?

— Она занята другими делами, — сказал Бак. Лоре представилось, что Ивана сейчас сидит на маникюре, но дела имеют разные формы.

Пьер прочистил горло.

— Мистер Штерн хотел, чтобы мы знали, что «Портняжный сэндвич» продолжит существовать без поддержки Шмиллеров.

— Что?

— Конечно, все существующие договорные соглашения все еще в силе, — сказал Бак, — включая оплату с любой долей прибыли, о которой мы ранее договорились. Ничего нового не требуется. Шмиллеры просто хотели, чтобы вам сообщили лично, а не через агента. — Он кивнул Пьеру, и Пьер кивнул в ответ, словно два старых дружка лижущих друг другу задницы.

— Но я же согласилась на совместную работу над линией!

— Госпожа Шмиллер будет искать другие творческие возможности в мире моды.

Лора посмотрела на Пьера в поисках ответа или выхода, но наткнулась лишь на безразличие. Он только пожал плечами. Просто еще одна фирма, потерявшая финансирование в середине года.

— Я могу работать больше, — сказала Лора и почти сразу же пожалела об этом. Слова звучали отчаянно. — И я могу поручиться и за Руби. Она отвлеклась в прошлом сезоне. Мы продаемся. «Barneys» сейчас находится в выставочном зале, подписывают контракт. Нам просто нужно немного ткани. Я сама прошью всю чертову линию, чтобы сэкономить деньги.

Она пошла бы дальше, но Пьер положил руку ей на плечо, а другую протянул Баку.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Передайте Шмиллерам, что мы ценим их вежливость.

— С удовольствием.

Они пожали друг другу руки. Лора знала, что от нее ожидают такого же профессионализма. Но только есть ли он в ней? К счастью, она не могла пожать ему правую руку, потому что либо она отказалась бы, либо он какие потные у неё пальцы, либо она попыталась бы сломать пальцы ему.

Бак заметил ее неспособность пожать ему руку и, не понимая, какое это было

благословение для всех присутствующих, по-братски обнял её за плечи.

— Было приятно работать с тобой. Я надеюсь увидеть тебя снова когда-нибудь.

— Конечно, — это было лучшее, что она могла ему ответить.

Он кивнул Пьеру и ушел.

— Что, черт возьми, только что произошло? — спросила она.

Пьер присел на стул Руби, раскачиваясь на ножках.

— Было бы проще, если бы ты вела себя как деловая женщина, а не подросток.

— Что, черт возьми, только что произошло?

— Вы закрыты. И больше не сможете выполнять свои заказы.

Колени у нее подогнулись, и Лора упала на стул.

— Но это несправедливо. — В своем собственном голосе она услышала скулеж. Должно быть, она говорит как ребенок. Когда ей и Руби было одиннадцать и двенадцать, мама отправила их в двухнедельный детский лагерь, который получил государственные субсидии для детей из бедных семей. Места давались по конкурсу, мама узнала о нем и подала заявку. Лора понятия не имела, сколько отказов мама получила, но от преимущества ее упорства всегда страдали девочки. Лагерь представлял собой лесистые десять акров на золотом побережье Лонг-Айленда, и, как обычно, Лора и Руби были изгоями лагеря со своей подержанной дизайнерской одеждой и изношенной обувью, прежде чем подержанный дизайнерский бренд стал чем-то особенным. Когда автобус оставил их перед открытым зданием с колоннадой, она увидела табличку, висевшую над входом. На ней было написано: «Лагерь — это не ярмарка».

Но это было не так. Знак должен был предупреждать детей о том, что дела не всегда идут своим чередом, и с ними все будет в порядке, но это было не о детях из летних лагерей. Этот лагерь стал для них уроком. Он будет похож на реальный мир. Иногда тебе что-то сходило с рук, а иногда тебя наказывали за то, что ты сцепилась с подлой девочкой, которая высмеивала твои туфли, а иногда ты стаскивала с нее носки от Келвин Кляйн и держала ее, пока твоя сестра заталкивала их ей в горло. И когда мама приехала забрать их на полторы недели раньше, потому что их выгнали, им казалось, что совсем неплохо, что они попали в неприятности, и, может быть, она бы и посмеялась, принесла бы им ванильное мороженое, забрала бы их от вечных ссор с сенаторской дочкой. Но все было совсем не так. Она не защищала насилие. На самом деле она не сказала бы, что ее дочери сделали все правильно. Она могла бы сказать, что, возможно, сестрам было лучше в городских походах, лазании по забору и отдыху в гостиной.

Хотя взрослое определение справедливости было загадкой до лагеря, но после лагеря Лора все еще чувствовала, что так и не поняла это определение. До недавнего времени она много работала. Действительно много. Денно и ночью.

Как будто прочитав ее мысли, Пьер сказал:

— Я думаю, они все решили перед показом.

— Тогда к чему был весь ужин в «Isosceles»?

— Убедится в правильности решения, по-моему. Кто теперь скажет? В конце концов, твоя судьба пишется не тобой.

— Судьба? Ты серьезно?

— А как еще ты все это объяснишь? Ты очень усердно работала над этой коллекцией, а она не досталась ни тебе, ни им? Они ничего не делали, но имели все шансы присвоить весь твой труд себе. Это не справедливо. Это то, из-за чего, я скучаю по Франции. По крайней

мере, мы пытаемся не радоваться, когда добиваемся успеха за счет других. — Она почувствовала странное родство с ним, пока он не сказал: — Ну, вперед и вверх! Я думаю, у вас есть выходные, чтобы убраться здесь. Можете продать часть, чтобы оплатить свои долги, если вы решите убрать Шмиллеров полностью из своей жизни. Или вы можете мудро пожелать продлить процесс банкротства, чтобы придержать их рядом с собой. Что будет, дальше мы можем обсудить в понедельник. У меня у клиента шоу через пятнадцать минут.

Он поцеловал обе ее щеки.

— Доверьтесь мне. Я тебя не бросаю. Есть кое-какие идеи. — Прежде чем она успела спросить его, что он имел в виду, он ушел. Еще один день в жизни модного агента супер-ниндзя, Пьера Севиона, который не смог защитить их от банкротства.

Но все-таки есть вещи, которые еще можно исправить и спасти. Было одно место, где она могла проявить немного компетентности и достоинства. Она сидела в одиночестве в офисе, её не принадлежащем, а на другой стороне двери стояли безмолвные швейные машины. Не имея ничего, не отвечая ни за что, и почти ничего не называя своим, она позвонила Кангеми.

— Карнеги, что теперь? Нога попала в молотилку?

— Это сделал Рольф! — Она рассказала ему всю историю на одном дыхании.

— Ты скопировала квитанции, прежде чем передать их полиции? Насколько я знаю, она не обязана была отчитываться за траты твоих налогов. Не знаю, что еще ты с ними сделала. — Она испугалась тишины. — Но я ценю, что ты позвонила мне, чтобы рассказать то, что я и так знаю. За исключением той части, о которой ты не в курсе: Рольф был на собрании все утро, и это подтверждено.

— Ездил ли он в Ла Гуардию? Может быть, забирал девушку с рейса немецкой авиакомпании?

Она была уверена, что, если он просто скажет ей, кусочки головоломки соединились бы со слышимым щелчком. Но ее оптимизм не соответствовал действительности.

— Спроси его в следующий раз, когда ты будешь гоняться за ним по лестнице, хорошо?

— Пожалуйста?

— Сходи за кофе, Карнеги.

Он выключил телефон.

Глава 22

Она хотела Джереми. Ей хотелось рассказать ему все, сквозь пелену слез. Она хотела, чтобы он сказал, что все будет в полном порядке, что он снова возьмет ее на работу, и она засияет блеском, сравнимым только с его собственным ярким светом. Но его показ был назначен на восемь часов, а это значило, было довольно много шансов увидеть кровь на стенах, перегоревшие моторы швейных машин, переполненные парогенераторы, изорванные нервы и швы.

Затем она подумала о Руби, сидевшей в тесной маленькой комнате с Дебби Хейворт, и вынужденной любезничать с ней как со святой. Дебби заставит ее унижаться, а Корки ничего в этом не поймет. Даже если эйфория об удачном истечении дня и испарилась, Лора решила, что, по крайней мере, она сможет уберечь ее от самого худшего дня в истории, и она сможет получить некоторое удовлетворение. Поэтому она бежала на 38-ю через весь город по Бродвею, пока вены и легкие не сжались, а рука не заболела от того, что приходилось держать этот чертовски неудобный «вонючий» гипс.

Лифт остановился там же где и всегда. Приемная Джереми была заполнена стеллажами, выстроенными по направлению к грузовому лифту, но сейчас ей было все равно. Она хотела добраться до Руби. Она хотела спасти свою сестру от прошлых неудач с чужими бойфрендами и увлечений супермоделями, потому что, если она не смогла спасти себя и свою компанию, черт возьми, ее сестра была следующей главной вещью в её жизни. Может быть, даже самой главной.

Дебби сидела за столом одна и писала на том, что было похоже на лист заказа. Её сподручник в поле зрения не наблюдалось. Корки выглядел как человек, которого только что избили палкой. Он как на автомате улыбнулся, но во взгляде читалось, что, здесь происходит что-то еще.

— Привет, — сказала Лора, садясь в кресло. — Где Руби? — Напряжение в комнате витало в воздухе. Почему никто не говорит?

— О. Боже, — пискнула Дебби. — Я думал, что ты уже не придешь.

— Извини. — Лора посмотрела на Корки, потому что Дебби, казалось, действительно подписывала контракт на заказ. Чернилами

Корки выглядел не уверенно, хотя должен был раздуваться от гордости на швам.

— «Barneys» хотят шерстяное креповое платье. Как это, но...

Дебби закончила писать и сказала.

— Без пояса. Без кармана. Отпорите рукава и продайте их в розницу за четыре пятьдесят, а мы сможем выкладывать ими полы. Она вытащила листы для второй стороны договора и передала бумагу Лоре. Но вычеркнула название компании и написала «Лора Карнеги».

Лора посмотрела на цифры внизу.

— Это большой заказ для нас, — сказала Лора.

— Мы можем это сделать, — сказал Корки. — Я уверен в этом.

— Там ничего высчитывать. — Дебби улыбнулась. — Нам нужно это немедленно, чтобы заполнить пустое пространство. Это универсальная покупка. Я принесу тебе наши цвета.

— Это частный лейбл? — спросила Лора. — Или у него будет ярлык «Портняжек»?

— «Barneys». — ответила Дебби.

— И вы хотите, чтобы мы сняли пояс, сделали его без рукавов и сделали его в ваших цветах для розничной торговли по четыре пятьдесят? Я думаю, что мы можем. — Она знала, что они смогли. У них был запас ткани Джереми, которая должна прийти со дня на день, не окрашенной. Так что это можно было бы использовать палитру «Barneys», связавшись с красильной мастерской в Северной Каролине, которая так понравилась Йони. Она не могла бы попросить что-нибудь более идеальное. Отличная новость. В бланке заказа было достаточно платьев, чтобы они могли работать в следующем сезоне. Да, это была сделка с частным лейблом, которая означала лейбл «Barneys», правила «Barneys» и цвета «Barneys». Но это было замечательно. Лучше, чем хорошо. Это была чудо.

— Прекрасно! Ух ты, я не знаю, сможем ли мы сделать это платье для нашей линии, но мы постараемся сделать его как можно ближе по стилю. Спасибо, Дебби. Мы не подведем вас.

— Значит, нормально, что в контракте только ты, а не Руби?

— Что ты имеешь в виду? Как без Руби? Она его спроектировала.

— Ну, если так сказать, — сказала Дебби, кладя в сумку договор. — За исключением

того, что мы меняем цвета, пояс и рукава. Я имею в виду что, почти на всех платьях из шерстяного крепа есть замок. И за него никого не включают в контракт. — Она сморщила нос. — Я знаю, что могу на вас положиться. Хорошо? Просто выполните все, и спасибо! — Она на цыпочках вышла из комнаты, словно знала, сколько беспорядка только что устроила.

Лора и Корки стояли в тишине, глядя друг на друга и задаваясь вопросом, что, черт возьми, только что произошло.

— Ты ей это предложил? Ты сказал ей, что мы можем выкинуть Руби?

— Это была ее идея с самого начала. — Корки начала развешивать одежду. — Она пришла, стала рассказывать, в каких трудных отношениях вы все состоите, как она нуждается в тебе, потому что ты знаешь, как конструировать вещи. И затем спросила Руби о том, понравилось ли ей в тюрьме, и какое отношение она имеет ко всему происходящему, и бла, бла, бла. Руби, пыталась, сделать все возможное, но это было некрасиво, чертовски не красиво.

— Где она?

— Думаю у соседей.

Лора нашла Руби в кабинете Джереми, просматривающей его образцы, как будто осенняя коллекция была разработана для неё. Мастерская была вымершей, а стойка регистрации пуста. С тех пор как здесь нашли тело Грейси Померанц, его перекрасили и заново настелили пол.

Владелец офиса был отнюдь не сентиментальным. Он не верил, что дух Грейси решил задержаться в этих стенах, но инцидент расстроил его настолько, что готов был заплатить, чтобы все закончилось.

— Джереми знает, что ты здесь?

Руби складывала образцы ткани по цвету, чего никогда не делал Джереми. Он мог делать крупные заказ, чтобы красить их в свои собственные цвета, поэтому мог строить свои цветовые композиции. И он определенно расстроится, увидев такую реорганизацию. Но Руби, которая знала Джереми достаточно хорошо, знать об этом, видимо, это не волновало. И она ответила, продолжая бездельничать:

— Он послал меня сюда, как будто отправил меня в мою комнату. Я плакала, и я думаю, что это смутило его. Как ты работала на него?

Лора хотела перевести разговор с жесткого светского поведения Джереми на причину, по которой Руби оказалась в его кабинете.

— Я слышал о «Barneys».

— Я позволила ей подписать заказ, потому что Корки меня достал, но мы не можем его выполнить. Я знаю, ты думаешь, что я не умею так работать, но я выполнила все требования, и она не сможет меня выгнать. Она даже и представить не может, какую услугу я ей сделала. Этот парень, как бы его ни звали...

— Даррен.

— Он целовался так, словно носил шейный корсет. Я имею в виду, ну знаешь, как трудно целовать кого-то, кто отказывается наклонять голову? — Она подняла бордовую вуаль, как будто не знала, идет ли она к красным, пурпурным или коричневым.

— Мы должны с этим разобраться, — сказала Лора.

— Разобраться с чем?

— Как выполнить этот заказ.

Лицо Руби растаяло, как шарик мороженого на солнце. Она схватила картон в верхней части заголовка, сгибая его.

Лора вскочила.

— Сегодня утром я ходила к Иванне, но ее там даже не было. Они прекратили нас спонсировать. Все. Даже те семьсот долларов, которые мы оставили. Пьер не смог ничего выторговать. У нас вообще нет бизнеса, точка. Но если мы возьмем этот заказ, он придется на зиму, а если мы сможем выполнить его, и у нас будет достаточно денег, чтобы начать с малого без поддержки. С очень малого.

— Ты имеешь в виду, что ты можете начать снова.

— Нет, я начну сначала только с тобой.

— Как думаешь, она позволит этому случиться? У нее всегда будет больше заказов для тебя. Пока я рядом, она приедет к вам на эксклюзивный пошив для «Laura», и всегда будет легко, и этого всегда будет достаточно, чтобы ты держалась на плаву. Может быть, немного больше в каждом сезоне, так что ты будешь думать: «О, в следующем сезоне мы снова запустим «Портняжек» вместе». Извините, ты это так видишь?

— Что, если я пообещаю тебе, что это только на один раз? А потом ты вернешься. Честное скаутское! — Лора слегка вскинула левую руку с двумя скученными пальцами, так чтобы Руби увидела и поднесла ко лбу. Могло ли это называться скаутским салютом, но это единственное, что они знали.

Руби, скрестила руки, и бордовая вуаль свесилась под её подмышкой.

— Ты можешь делать, что хочешь, но она будет контролировать тебя.

— Всегда кто-то контролирует, не так ли? Либо это босс, либо покупатель, либо чокнутый МААВ со своими правилами. Кто не контролируется кем-то еще?

— Томасина. Она просто сделала то, что хотела. Я восхищалась этим.

— Ну, нам не повезло быть богатыми и красивыми.

— Ее убили.

Но Лора была уже погружена в свои мысли.

— Все контролируются кем-то, Руби. Все боятся того, что кто-то еще встанет выше них. Кого боялась она?

— О боже, ты снова этим занялась?

— Она не боялась своего брата-социопата?

— Он был котенком с ней.

— А как насчет МААВ?

— Они были у нее в кармане.

— Рокель Рик?

— Дай мне передохнуть.

— Молодые модели?

— Никогда.

— Старость?

— Теперь, ты похожа на идиотку.

— Котенок Боб Шмиллер?

Руби сделала паузу.

— Я так не думаю.

— Я думаю, нам нужно выяснить, что именно Боб узнал в Германии. Десять баксов ставлю, что они собираются прижать Рольфа к стене. Или Сабину. Без разницы.

— Мне все равно.

— А девушка в аэропорту, которую забрал Рольф? Тебя не волнует?

— Нет.

— У тебя есть дела поважнее, чем выяснять, кто убил Томасину?

Она не ответила, и Лора с радостью воспользовалась любой мотивацией, чтобы найти компанию в Западном Центральном парке.

Поздним утром дом Шмиллеров кипел. Снаружи был припаркован грузовик, из-за чего жильцам было трудно сесть в такси, не сделав пару шагов в сторону. По-видимому, это было абсолютно недопустимым неудобством, настолько недопустимым, что швейцар был занят заикающимися извинениями перед особо титулованным джентльменом, несущим портфель из крокодиловой кожи.

Он был так занят, что Лора и Руби проскользнули прямо к нему в лифт.

— Боб единственный, — сказала Лора. — Никто другой не имел власти над нашей компанией или достаточной информации, чтобы оплачивать людям зеленую карту. Только он и его работники.

— Когда ее убили, его в стране не было, — возразила Руби.

— Я не говорю, что он убил ее, но как-то с этим беспорядком он связан.

Двери открылись. Когда Лора подняла руку, чтобы постучать в дверь пентхауса, та со скрипом открылась.

Первым, что заметила Лора, была коричневая бумага, катившаяся по ковровым дорожкам, ведущим в дверные проемы. По краям он был заклеен, широкой синей лентой и примят отпечатком ботинка. Она собиралась выругаться, но заметила, что большая часть мебели была задрапирована колыхающимися тканями. Шкура зебры была скручена на мраморном полу, а персидский ковер с золотыми кисточками был свернут у стены. Крупные вещи, шкаф с фарфором, буфет, обеденный стол, все было, но полки были пусты, а ящики заклеены пленкой.

— Думаю, они переезжают, — сказала Руби.

Лора не ответила, а направилась прямо к душе дома — кухне. Кастрюли и сковородки исчезли. Ящики были выдвинуты и пусты. Лора открыла холодильник. Пусто, только пара приправ, упаковок да контейнеры для еды.

— Ты должна взять тайваньскую горчицу, — сказал голос позади нее. — Она стоит сто двадцать баксов за банку.

Она резко развернулась.

— Привет, Боб, — поздоровалась Руби, как будто эта заброшенная кухня была её. — Милая рубашка. Речь шла о потрепанном сером мешке с логотипом штата Пенсильвания.

Как будто они пришли с выгравированным приглашением, он улыбнулся и показал на значок.

— Получил его, когда был первокурсником. Все еще влезаю.

— Приятно. Куда переезжаешь? — Руби, слегка выдвинула бедра. Она флиртовала. Лора едва могла поверить своим ушам.

— Моя жена..., — начал он, но тут же сменил тему. — Ты можешь подать мне тот апельсиновый сок?

Лора передала ему упаковку.

— Посеял где-то очки.

Он пожал плечами и сделал глоток из коробки. В тот момент он выглядел не как управляющий хедж-фондом, а как первокурсник, стоящий перед холодильником своей матери.

— Вы пришли поговорить о спонсировании. Прости за это. Бизнес.

Лора ухватилась за это оправдание.

— Я просто хотел спросить, было ли что-то, что мы могли бы сделать по-другому.

— Ты всегда была милым ребенком. — Очевидно, он был знаком с совершенно другим человеком. — Но нет. Ты ничего не смогла бы поделаться. Иногда вам везет, и вы живете в пентхаусе, а иногда у вас не так уж и много что есть за душой. Ничего личного. — Боб больше походил на футболиста, а не на победителя на бирже, когда находился за пределы деловой среды. И у Лоры не было уверенности, что такая его сторона нравится её меньше.

— Из-за того, что Томасина умерла во время нашего шоу?

— Это отстойно, но нет. Да, на самом деле, но нет. — Он указал на Руби. — Кстати, прими мои соболезнования. Я знаю, что вы, ребята, были, ну, вы знаете.

Он подмигнул, и Лоре захотелось врезать ему сломанной рукой.

Он поставил сок обратно на дверную полку.

— Вот то, что я сказал своей жене, и это дурацкий совет касается всех. Придерживайтесь вещей, которые существуют только на бумаге. Так никто не пострадает. Низкие ставки, высокие доходы. Я покупаю компанию, а она — просто ряды цифр. Я разбираю ее на части, продаю по кускам, и мне никогда не приходится слышать, как кто-то оскорбляет меня, потому что, видите, все это было листом бумаги. Я продаю немного акций здесь, хеджирую опцион там, но у него нет лица. Но моя жена разве послушала? Нет. Она хочет быть в моде, с моделями и гламуром. Черт возьми. Без обид.

Вместе с Руби они одновременно сказали.

— Без обид.

Он кивнул на Лору.

— В ту секунду, когда ты начала говорить о заказе ткани, тебя списали.

— Но, — сказала Руби, — мне интересно, этот твой переезд в начале этой недели...

— Если бы они сидели за обеденным столом, Лора бы пнула ее.

Пришлось вмешиваться.

— У нас проблема.

— Я, вероятно, не могу вам помочь. — Он взглянул на дверь, которая разозлила Лору. Он думал, что она листок бумаги? Всего лишь ряд красных цифр? Или какой-то другой вид ответственности? Несмотря на то, что она проникла и, возможно, взломала и вошла, Лора не собиралась принимать это.

— У нас есть три иммигранта из Восточной Европы, двое из Румынии и один из Венгрии, которые официально работают в «Портняжках». И я их не нанимала, клянусь вам, но они приехали сюда благодаря нашему спонсорству. Единственный человек, способный повернуть подобное — это ты.

— Я ничего не знаю об этом. — Его умный взгляд и скорость его отрицания, в сочетании с отсутствием острых вопросов, подсказали ей, что он все об этом знает.

— Могу поспорить, что это преступление федерального уровня, кто бы это ни сделал, — сказала она.

— Лучше спросите об этом у ваших адвокатов, — ответил он пренебрежительно, что на самом деле означало, что у него есть команда юристов, и он может по собственному

желанию поменять федеральное правительство. Это также означало, что по какой-то причине «работники» все-таки были на сто или, по крайней мере, на восемьдесят девять процентов легальными.

— Но зачем? — спросила Лора. — Зачем приплетать их к нашей компании? Я имею в виду, я не говорю, что ты это сделал, но если ты это сделал, то зачем?

— Может быть, кто бы это ни был, он должен был сразу же перевезти их в другое место или отправить на работу, если вы понимаете, что я имею в виду. Ты не знаешь, что происходит с девушками в некоторых из этих мест.

— Я не говорила, что это девушки.

Возможно, ей следовало придержать этот маленький козырь на потом, но ее всегда не доставало такой силы предвиденья или холодного расчета. Если она что-то знала, то сразу озвучивала это.

Он очень разозлился. Она могла это понять, по тому, как он толкнул тостер.

— Вы могли бы заткнуться ненадолго, чтобы помочь им, прежде чем они будут депортированы туда, где их ждет одна только боль.

Лора нанесла последний удар в спину.

— Они у Рольфа. Мы думаем, что он перехватил одну в аэропорту утром, когда Томасина была убита. И убил другую. Помощницу Иванны.

Боб потерял глаза.

— Я должен был запереть дверь.

Руби положила руку на плечо Лоры.

— Мы пойдем.

— Где он? — спросила Лора. — Ты знаешь?

— Шутишь? У него больше имен, денег и паспортов, чем мы можем догадываться. А то, что он делает? С женщинами? Это единственное, чем он наслаждается. Если бы я был тобой, я бы держался подальше от него. Он сумасшедший. Конец связи. Где дверь ты знаешь.

Дверь они нашли быстро. Она была открыта. Двое парней несли диванчик в холл, и Лора подумала, что Рольф достаточно страшен, чтобы выгнать Шмиллеров из их дома.

Глава 23

— Прости, Йони. В контракте сказано, что тебе заплатят, но все кончено. Они рвут все соглашения. — Лора стояла в своем пустом выставочном зале, разговаривая по телефону и слушая шум по соседству, пока команда Джереми готовилась к шоу этим вечером. Она все время пыталась потереть глаза правой рукой, но рука была зафиксирована, и она не могла дотянуться её до лица. Руби перебирала образцы тканей, складывая их в исходном порядке. Все равно она была единственной, кто сложил бы их в нужном порядке.

— Да, даже подписанные. И я знаю, что он будет зол, — сказала Лора. Йони была на грани срыва. Она плохо справлялась с изменениями или неудачами. — Я расскажу ему. Нет проблем. Просто попробуй отдохнуть, ладно? — Она повесила трубку, прежде чем Йони продолжила бы спорить.

Она взяла шерстяное креповое платье Дебби Хейворт. На вешалке это выглядело фантастически, что было обязательным условием продаж. Если на вешалке вещь выглядит плохо, покупатель никогда её не примерит. А если не примерит, то и не купит. Представители магазинов знают об этом, поэтому вещи должны быть сделаны так, чтобы покупатель был спокоен. Чем меньше размер, тем выше привлекательность вещи на вешалке,

но это значит так же, что девушки на подиуме должны быть не больше вешалки для образца, отсюда и проблема с худыми моделями.

— Томасина принимала их? Таблетки? — спросила Лора. — Потому что ни у кого не было бы возможности сделать ей инъекцию, если бы она их не принимала.

— Вкл и выкл. — Руби, с любовью складывала образцы и упаковывала их в коробки. — Знаешь, я отговорила её употреблять их, когда мы только начали встречаться, а потом ей пришлось перестать есть, потому что ее грудь стала слишком большой. Я пыталась ее накормить, но...

— Ты вмешивалась в ее работу, — сказала Лора. — Не надо было этого делать. Только ты худеешь, треская печенье.

— Это не моя вина.

Лора села, чувствуя себя полностью поверженной.

— Знаешь, перед кем я чувствую себя больше всего виноватой? Перед Корки. Он пришел, отдал нам все, что имел, и мы подвели его.

— Ты хочешь сделать креп-платье для Дебби, не так ли?

— Мы сможем заплатить ему. Он единственный, кто не прикрыт.

— Могу ли я подумать об этом?

— Нет. Я не могу этого сделать. Ты права. Она поймает меня в ловушку, и я стану ее проституткой с частным лейблом.

Руби, стянула со стеллажей все шерстяные платья из крепа, скидывая вешалки, которые с треском ударились о деревянный пол. Она сложила платья и положила их в полиэтиленовый пакет.

— Выполнено. Ты не шлюха.

— Как думаешь, Рольф действительно сумасшедший? — Лора не была готова окончательно принять или отклонить заказ Дебби. — Достаточно сумасшедший, чтобы напугать Боба Шмиллера и заставить съехать из его собственного дома?

— Если это так, то я не хочу иметь с этим ничего общего. Пусть полиция позаботится об этом. Пошли.

Лора прижалась лицом к прохладному дереву стола и уставилась на выставочный зал сбоку. Запищал мобильный, и она уткнулась в него, не поднимая головы.

— Пьер хочет, чтобы мы встретились с ним в «Marlen X». Боже, я ненавижу это место. — Она посмотрела на часы. Едва полдень, а «Marlen X» закрылось в час. Утро уже давн стало днем.

Руби, с грохотом поставила мешок с образцами, как будто он был доверху заполнен расчлененными конечностями, и потянулась к своей куртке.

— Давай выбираться отсюда.

— Он собирается опять нести какую-то чушь. Не говори ему о Дебби. Он заставит меня взяться за эту работу, а мы должны решить это сами.

В «Marlen X» у Лоры был прекрасный обзор. Со своим метр шестьдесят пять на глаза те и дело попадались груди, проколотые пупки и, совершенно неожиданные в этом месте, ключицы. Ни одна из моделей, как обычно, не обращала на нее внимания: ни те, кто там искал агента, ни те, кого Рокель уже заарканила. Они смотрели на Руби. Некоторые даже улыбались, потому что их учили держать своих врагов рядом. Единственное, что грело её душу, так это то, что при всем своем невысоком росте, она все еще была симпатичной девушкой, что заставляло моделей чувствовать в ней угрозу.

Барная стойка тянулась на миль десять, и их не раз подрезали модели со своими «друзьями», вот только у моделей нет друзей, только соперники. Она толкнулась локтем в одно из худосочных бедер, но это ничего не дало, кроме улыбки или рычание. Разницу определить было сложно.

Лора прекрасно знала, что «Marlen X» пробуждает в ней все самое худшее, но это по-прежнему было ужасно, самое презренное место в мире. Зеркала были повсюду, вместе с каким-то дико дорогим серовато-черным деревом. Над окнами висели зеленые шторы с большими вышитыми буквами X на границах в цвете металлик. Чайные пары лежали рядом с модернистским серебром, и сочетаться не должны были. Ничего из интерьера не должно было сочетаться, но сочеталось, и это ужасало и злило Лору, потому что место с такой плохой аурой должно выглядеть так же плохо. Там было жалкое количество столиков, все кабинки по периметру, и все они были заняты важными людьми. Остальные посетители стояли. А если кто-то садился там, где не должен был, ему вежливо предлагали убраться к черту. Проблема была в том, что никогда не говорили, кто достаточно важен, чтобы сидеть, люди просто знали или не знали.

Несмотря на плотное скопление жирафов на квадратный метр, столы были почти пусты. Все, кто был достаточно важен, чтобы сидеть за столами, были у шатра, в котором проходили показы и вокруг палаток с гримерными. Модели были либо подготовлены к первому раунду шоу, либо подготавливались. Вешалки и второсортные красавицы остались.

Пьер сидел в угловой кабинке и что-то печатал в телефоне, а напротив сидела какая-то великолепная вешалка, лет пятнадцати, с прямой спиной и шевелила губами. Лора считала, что несовершеннолетним моделям нельзя позволять говорить. Это ужасно загрязняло воздух вокруг них. «Marlen X» была печально известна плохой работой официантов, потому что там было трудно двигаться в плотном потоке моделей, поэтому стол Пьера был завален грязными чашками и тарелками.

Когда они сели, пятнадцатилетка уставилась на Руби и даже не признала присутствие Лоры. Лоре хотелось, чтобы у нее была возможность не нанимать девушку, но ее злоба не будет удовлетворена ни в этом, ни в следующем сезоне. Возможно никогда.

От одного взгляда Пьера пятнадцатилетка умчалась прочь.

— Вы же не думаете начать работать с моделями, не так ли? — спросила Лора.

— И пересечься с Рокель? — усмехнулся он, положив трубку. — Тогда мне надо начать писать прощальную записку прямо сейчас.

Руби, оттолкнула грязные чашки.

— Вы должны найти нам что-нибудь. Моя сестра сломана. Посмотрите на нее.

Пьер посмотрел на Лору и её стало очень неловко.

— Я в порядке, — сказала она.

Он прочистил горло и посмотрел, как дверь в кабинку открылась, но, видимо, никто не вошел, и дверь захлопнулась обратно.

— У меня может быть что-то интересное. Завтра утром. В субботу. Вы должны быть здесь. За этим столом.

Руби хлопнула, но Лора сдержалась, как самая измученная из них двоих.

— С кем?

— Я не могу сказать.

— Вы просто покажите их нам? Как мы сможем подготовиться? — спросила Руби.

— Вы можете начать с того, чтобы убедиться, что вы обе выглядите презентабельно и

вам есть, о чем поговорить. Кроме трупов, которых постоянно находят около тебя, конечно. В новостях уже есть все, что нужно знать по этому поводу. Вы могли бы подумать, что Грейсон дергал за ниточки. Для дизайнера это ничего не значит. Они не хотят это видеть и знать. Но они знают твои работы. Сделай что-нибудь стильное с этой перевязью. Боже мой, может в другом цвете?

— Вы имеете в виду, что мы продолжим делать то, что нам нравится, без пуговиц со стразами? — спросила Лора, надеясь, что ее жизнь снова возродится.

Подбежал официант и стал собирать тарелки и чашки со стола. Лора мельком увидела что-то на блюде. Что-то, чего быть на тарелках совершенно не должно.

— Ничего не обещаю, — ответил он, потягивая напиток из своего маленького бумажного стаканчика. Он кивнул на Лору. — Нужно просто убедиться, что убийств больше не последует, если только это не твое собственное убийство. Понятно?

— Я понимаю. — когда официант повернулся, чтобы уйти, Лора остановила его: — Извините, — она взяла посторонний предмет с блюда. Это была пипетка. — Это Пенелопы? — спросила она, вспомнив о витаминах в «Бакстер Сити».

— Ах. — Пьер протянул руку. — Она была здесь. Дай это мне; Я верну ей.

— Нет, я сама верну. Давай, Руби. Нам нужно идти. — И она вытолкнула Руби из кабинки и вывела за дверь.

— Ты чего? — прикрикнула Руби, когда они оказались на Третьей авеню. — Почему ты тянешь?

Лора подняла пипетку.

— Неважно, кто был с ней в такси, потому что её отравили не там. Это случилось в «Марлен Х». — Лора начала заполнять пробелы Руби. — Пенелопе было очень тяжело, когда она стала моделью. Действительно тяжело. Сродни жестокому изнасилованию. Вот почему она одержима защитой моделей от такого, что пережила сама. Итак, что, по твоему мнению, происходит, когда она узнает, что Томасина импортирует секс-игрушки и говорит им, что сделает из них моделей? А потом узнает, что она ничего не сможет с этим поделать, потому что Рольф умеет замечать следы?

— Она же не сумасшедшая.

— О, да, так и есть. Она пила свой чай с витамином D и в то утро сидела за одним столом с Томасиной, потому что все они сидят в этом углу. Не так трудно было добавить что-нибудь еще вместе с витамином D? Что-то такое же, что, как она знает, Томасина принимает, но в дозировке достаточной, чтобы убить модель?

— И что ты собираешься сделать? Уверена, это не звонок детективу.

— Пойдем, вернем эту пипетку.

По дороге в Центральный парк до нее дошло, что Стью попал в драку с психопатом, достаточно опасным, чтобы спугнуть менеджера хедж-фонда из его башни из слоновой кости. Она позвонила ему.

— Хотела рассказать тебе, что узнала о Рольфе.

— Имеешь в виду Сабину?

— Он ужасен.

— Ты понятия не имеешь на сколько. Где ты?

— На пути к шоу в парке.

— Я встречу тебя там.

У Лоры, конечно, был план съездить в «Гарменто», и он включал в себя посещение

стойки МААВ в палатке администрации. Все модели должны были там зарегистрироваться, чтобы взвесится и поговорить о здоровье, если они были новыми, или получить дружеский хлопок по костлявому плечу, если были старожилами моды. Даже если самой Пенелопы там не было, должно быть несколько помощников, которые бы подсказали на каком она шоу, интервью или взвешивании.

Улица, идущая через парк, была перекрыта и заполнена покупателями кофе и модницами с мобильными телефонами и влажными волосами. Там были обычные ссоры между бегунами, велосипедистами и рассеянными прохожими, не замечающими ничего вокруг, которые шли мимо своих хорошо очерченных дорожек. Столкновения, ссоры, локти и кулачные бои происходили здесь ежедневно. Вместо того чтобы перенести показы в другое место, город стягивал в Центральный парк всю полицию.

Переходя дорогу, Лора заботливо придерживала под локоть Руби, что-то ожесточенно печатающей в телефон. Когда она перешла дорогу, Стью много раз читал им лекцию о том, как тяжело быть велосипедистом в любой точке города, и Лора не хотела создавать проблемы.

Во вторник, когда было шоу «Портняжек» в «Гарменто» было умеренно многолюдным, но в течение следующих трех дней раскрученность показов неуклонно росла, достигнув кульминации в пятницу. Последнее шоу было «монстром», после него начинались вечеринки, и никаких встреч в выставочном зале. Они прошли традиционно, в место, где размещались палатки Джереми. Но поскольку после смерти Грейси у него был отпуск, он потерял заветное место. Но выкупил вторую и последнюю палатку, и еще две перед ними, разозлив немереное количество дизайнеров, и использовал время, чтобы изменить подиум.

Барри Тилден стал партнером по этим изменениям. На Седьмой, это сошло бы за признак слабости, ведь, если ты не перерезал чье-то горло, ты слабак, но что удивительно, это усилило их обоих. Они действительно, казалось, любили друг друга, и как два дизайнера с брендами для реальной жизни. Барри уже перешел на продажи в масс-маркет, а Джереми стремился к этому, поэтому они разработали дизайн подиума, который бы полностью погружал зрителей в модные образы.

Они сняли центральный подиум и заменили его на конструкцию, которая напоминала ромашку с лепестками. Центром этой конструкции стала «ленивая Сьюзан», большая круглая подвижная платформа, которая крутила модели на одном из лепестков, когда они выходили из кулис. Каждый лепесток предназначался для своей категории покупки. Таким образом, модель выходила со специальной сумкой или туфлями, и «ленивая Сьюзан» докручивала ее до лепестка, возле которого сидели покупатели аксессуаров и фотографы из журналов по схожей тематике. Если бы у нее также был наряд, предназначенный для покупателей спортивной одежды, верхней одежды, косметики или текстиля, она вернулась бы в центр и была бы докручена на соответствующий лепесток.

Конечно, легче сказать, чем сделать. Хореография была построена на точной математике. Джереми и Барри потратили недели, планируя, как это будет работать. Хотя их шоу не были объединены, они обнаружили, что их усилия были более ценными, когда они работали вместе.

Руби, подошла к стяжке «Гарменто», которую она хотела потрогать. Лора прошла мимо строительных бригад, торопливо выстраивающих сцену Джереми и Барри, к палатке администрации, которая была наполовину информационной стойкой, предназначенной для отвода туристов, и наполовину реальной администрацией. Стенд МААВ был спрятан сзади.

Она вошла уверенным шагом, как владелица, и если посчитать взносы, которые она заплатила CFDA, плюс свои налоги, то так бы оно и было.

— Что вы имеете в виду, под «я не могу войти»? — спросила она охранника на входе, преградившего её путь.

На нем была обтягивающая футболка и черные джинсы. Он посмотрел в свою папку со списком посетителей и указал на надпись над входом.

— Вон там. — протянул он, жуя жвачку, и постукивая ногой, обутой в ботинки, грязнее лопаты, которой землю копали. — Там написано, и я цитирую: «...административная палатка для шоу-дня: только постоянные посетители...». Так что никаких билетиков. Пропусков. Шоу во вторник означает, что вы не можете прийти в пятницу. Хотите номер офиса МААВ? Это прямо на 40-й улице. Они вернутся в понедельник.

— Пенелопа сказала, что я должен приехать. — Ложь обречена на неудачу, но попробовать стоило.

— Она выписала тебе желтый билет?

— Должно быть, она забыла.

— Позвони ей и возьми, и тогда я вас пропущу.

Лора осмотрела толпу в поисках сестры и нашла ее возле самой большой палатки для шоу Рикардо Офенхельба. Она стояла рядом с модным писателем из «Vazar», главным редактором «Black Book», рецензентом из «Apparel News» и собравшимися покупателями из огромной федерации. Они смеялись над чем-то, что сказал вице-президент по продажам из «Brandywine Girl».

Вот почему она нуждалась в Руби, и поэтому она злилась на нее. Вот почему согласиться на заказ Дебби казалось таким правильным и таким неправильным одновременно. Потому что такой бизнес означал, что навыки Руби не были нужны, но улучшение бизнеса требовало именно таких навыков как у Руби, которых не хватало Лоре.

— Ты можешь прекратить? — прошептала Лора. — Мне дали отворот-поворот у палатки администратора, и я не хочу стоять на улице одна, как неудачница.

Руби попрощалась.

Вскоре после этого перед административной палаткой появился Стю. Лора подумала, что, до его прихода, она, по крайней мере, узнает, где Пенелопа сидит на следующем шоу, но у нее ничего не получилось, и она чувствовала себя ужасно, пока не взглянула на него. На нем был серый неправильно застегнутый кардиган, но он не выглядел неопрятно. Это выглядело как продукт творческого ума.

— Ты в порядке? — спросила Лора. — Они не устроили тебе проблем в камере или что-то в этом роде, не так ли? — Он отмахнулся от всего, но ничего не сказал. — Что? Это хоть что-то...

Он слегка пожал плечами. Это было не похоже на него. У него всегда находились для нее слова, даже если он был зол на нее или расстроен. Поэтому, когда он отмахнулся от простого вопроса, Лора заволновалась.

— Оставь его в покое, — сказала Руби.

— Скажи мне, что ты накопила прошлым вечером, — сказал Стю тихим голосом.

Ей это не понравилось. Она и так позволила романтическим отношениям дать в их дружбе трещину.

— Нет, расскажи хотя бы в общих чертах, что с тобой происходит.

— Тофу, — сказал он, произнося его в точности так, как оно должно быть произнесено и

с явным неудовольствием.

— Её не понравилось, что тебя арестовали?

— Нет, то, что я нянчился с тобой.

Лора не могла сказать, злился ли он на Тофу или на себя.

Руби, которая не могла долго оставаться в стороне, спросила.

— Ты же ей все объяснил, верно?

— Да, — сказал он, — и она заявила, что уходит. Что-нибудь еще, что вы хотите знать обо мне? Потому что как видишь, я не сильно хочу говорить об этом.

Стью не мог вести себя так. Как правило, его ничего не задевало до такой степени, чтобы он не мог об этом говорить. И поэтому, Лора разрывали счастье от того, что он снова стал свободен от этой сучки-кошатницы, и злость на Тофу за то, что он так плохо обошлась с ним. Она также на секунду подумала, что это может быть идеальное время для нее. Он был свободен. Формально она была свободна. За исключением Джереми. Но вот только способности жонглировать двумя мужчинами у нее не было.

Она сменила тему.

— Итак, почему вчера арестовали тебя, а не меня?

— Я сказал им, что у меня был доступ к офису.

— И они в это поверили? Даже Кангеми?

— Мы верим в то, что у нас уже есть. Разве ты не так говорила?

— Он рассказал тебе о моей команде восточноевропейских штатных сотрудников, которые бегали и выполняли мои приказы?

Пока они лавировали между толп и кружили вдоль теннов и палаток в «Гарменто», она поведала ему о незаконных перемещениях иммигрантов через «Белую Розу», происхождении фиолетовых таблеток, социальных слоях в «Марлен Х», пипетке и переезде Боба из шикарного пентхауса.

— Он вполне имеет право опасаться, — сказал Стью. — Рольф, Сабина, они оба. Он вовлечен по крайней мере в четыре убийства на родине. С особой жестокостью. — Он ткнул пальце в Лору и понизив голос добавил. — Вам нужно держаться подальше от него. И я серьезен как никогда в жизни.

— Я поняла.

— Я хотел сказать тебе лично. В следующий раз, когда мы встретимся с этим парнем, ты не будешь его злить, а побежишь в людное место, а затем поменяешь имя и уедешь жить в другой штат.

— Господи, Стью. — Из-за быстроты всего происходящего с ней, она не могла оценить весь кошмар ситуации, но ей не понравилось, что уже не первый человек ей говорит забиться в угол и тихонько шить.

Когда они пробирались через парк к ресторанному двору, начался показ, и переполненный палаточный городок опустел, как людное шоссе после популярного съезда.

Они остановились у палатки с надписью «Café Couture» и заказали три четырехдолларовых кофе.

— Ок, — сказала Стью, — я слышала, что Томасину отравили утром, где-то между тем, когда она виделась с Руби, и тем, когда она добралась до палатки перед выступление.

— Верно, — ответила Лора.

— А то, что ты уже выяснила, что делала после того, как она ушла из дома?

Поскольку Руби не исправила начальное времяпровождение Томасины, Лора тоже

решила этого не делать.

— В «Marlen X», потом здесь. Отравлена где-то в этом промежутке. В «Marlen X» её видели все её близкие друзья, и я думаю, что она была в такси с Рольфом.

— А по дороге от такси до гардеробной? Возможно, что-то случилось в это время.

— Руби встретила ее, я их видела.

Руби добавила.

— Я увидела ее возле офиса МААВ, и мы пошли обратно вместе. — Лора заметила, как покраснели щеки ее сестры.

— Прямо до гардеробной? — спросила Лора.

Ее сестра покраснела еще больше, и Лора сообразила, что это из-за присутствия Стью.

— Нет, — сказала Руби, — мы останавливались. Хм, за генератором возле палатки для макияжа есть угол, и мы...

Лицо Стью было каменным. Либо он понятия не имел, о чем речь, либо наконец-то научился вести себя как журналист. Лора хотела скрасить возникшую неловкость, но провалилась в своей миссии, как только слова слетели с её губ.

— Ребята, вы поправляли макияж, так?

— Типа того, — буркнула Руби в свою чашку.

— Ух, ты, — сказал Стью, все еще с непроницаемым лицом. — Даже, вау!

Руби вскинулась.

— Заткнись, Стью, я тебя ненавижу!

Он откинулся назад.

— Нет, постой. Она была горячей. Очень горячей.

— Стью! Ты специально ее дразнишь?

Он недоверчиво посмотрел на них.

— Она не была горячей? Я это должен сказать? Или как будто я должен притворяться, что это не имеет большого значения?

Руби свернула салфетку и бросила в него.

— Я знаю, что нарисовало твое безумное воображение. Прекрати.

Стью повернулся к Лоре, совершенно расстроенный, и заговорил так, словно представлял отчет о погоде.

— У меня был самый невероятный секс с Джереми Сент-Джеймсом прошлой ночью.

Она поперхнулась кофе. Руби вскрикнула, но крик унесло порывом начинающейся метели.

— Умерьте свое пыл, вы двое. — Он откинулся назад и отпил кофе. — Какое ханжество, дамы. Всегда черное, все время.

Руби раздраженно выхватила с соседнего стола выпуск WWD.

Лора повернулась к Стью.

— Нам нужно найти Пенелопу. Я хочу вернуть пипетку и посмотреть, что она скажет, но она может быть где угодно. Думаю, что Руби должна спросить.

— Вы собираетесь открыто обвинить ее в отравлении Томасины Вэнт?

— Может быть, это был несчастный случай. Я не знаю.

— Ты...

Руби прервала их, зачитывая в слух: «Полный отказ от откровенно коммерческого мусора, призванного привлечь «Target», что показывали на подиуме дизайнеры в этом сезоне. «Портняжный Сэндвич» — освежающий, энергичный, полностью утонченный и

простой в носке». И посмотри! Твое провальное оригами!

Лора выхватила у Руби журнал. Обзор Сидуиндер, который Руби прочитал полностью, был снизу с изображением ее трапециевидного платья.

— Это превосходно! — вложив весь сарказм, который могла, весело и громко сказала Лора. — Очень жаль, что у нас больше нет компании!

— Мы получим финансирование завтра. — Руби схватила газету, но Лора удержала кончик здоровой рукой. — Он мой. Или она. Без разницы.

— Должно быть будет трудно обвинить ее в убийстве после такого обзора, — озвучил Стью Лорины мысли, пока она глядела на на маленький прямоугольник на странице семь.

Руби закричала.

— Мы заслужили этот обзор.

Как будто где-то прозвенел звонок, люди начали вылезать из палаток и пробираться к кафе и ванной комнате. Они собирались группами и кучками, смеялись или говорили приглушенными голосами, сплетничали и кричали, иногда сравнивая записи о том, что будет продаваться и что будет на распродаже через месяц после выпуска.

Руби закрыла газету.

— Барри выступает после этого. Пойдете смотреть на «ленивую Сьюзен»?

— Я просто пойду на Джереми. Между ними примерно полчаса, так что у нас есть час с лишним.

— Хорошо, — сказала Руби. — До следующего показа пятнадцать минут. Я вернусь еще до того, как Барри начнет. — И она влетела в толпу, улыбочивая и приятная, с солнечным светом и радугами.

Глава 24

Лора сидела напротив Стью за заполняющимся столом, заставляя людей более важных и влиятельных, чем они ждали свободных мест. Она взглянула на него, он оглянулся назад, и они отодвинули свои стулья от желанного стола, который тут же покрылся бумагами и телефонами.

— Может быть, тебе следует отнести пипетку кому-то, кто сможет определить, что там, — предложил Стью.

— Это витамин D. Я уверена, она не травит людей каждый день.

— Ты когда-нибудь задумывалась насколько нужно быть сумасшедшим, чтобы убить кого-то? Сколько раз в день ты хочешь кого-нибудь прикончить или сколько раз в месяц? И подумай, как мало людей на самом деле это делают. На самом деле у нас все хорошо, как у вида.

В голове у нее роилась сотня комментариев, которые все как один касались вопроса: «Настоящий ли перед ней Стью?». Потому что Стью которого она знала, жаловался бы на ужасную несправедливость и обвинял генеральных директоров и медиамагнатов в заказном убийстве. А мужчина, сидевший перед ней сейчас, говорил вовсе не это.

Когда началось следующее шоу, толпа снова уменьшилась, и они уже узнали, что Пенелопа будет на показе Джереми через полчаса, но Руби все еще нигде не было видно. Телефон Лоры вздрогнул. Пришли десятки лучших фотографий Чейза. Хотя это было бессмысленно, и ей пришлось отменить редакционную статью в «*BlackBook*», она хотела посмотреть, как выглядят кадры на крыши.

— Стоит ли искать ее? — спросил Стью.

— Зачем? — Она тряхнула телефоном, как будто это бы заставило фотографии загружаться быстрее.

— Я не знаю. Может, она преследует убийцу?

— И что сделает Сидуиндер? Затащит её за палатку и отравит?

— Не забывай о Рольфе. Не думаю, что он сидит под стражей за ту девчонку из торгового центра.

Фотографии загрузились. Но Лора не успела их посмотреть, потому что из-за палаток выбежала Руби, смешно подпрыгивая на цыпочках, потому что её каблуки проваливались в сырую траву. Её лицо было чрезвычайно серьезным. И это заставило их со Стью тут же вскочить и схватиться за куртки и сумки.

— Что? — воскликнула Лора.

— Пенелопа исчезла, — выдохнула Руби, стараясь выровнять дыхание после бега. — Никто не знает, где она. Ее не было на шоу «Champagne & Trash», и все уже об этом судачат. — Она ткнула большим пальцем в сторону основной палатки. — Джереми уже сидит, а ее стул пуст.

Лора поджала губы и немного подумала.

— Что ты придумала? — спросил Стью.

— Если она убила Томасину за подстрекательство к проституции, разве вы не думаете, что она может нацелиться на того, кто дает девушкам таблетки для похудения? Как Рокель Рик?

— Ты загнула, — сказал Стью.

— Ты не слышал историю, которую она рассказала.

Руби соскребла грязь со своих туфель.

— Я видел, как Рокель вошла в павильон для шоу Джереми. Все там.

— Мы можем войти через задний вход, — сказала Лора. — Он впустит меня. Пойдемте.

Дойти до палатки не составило много времени, тем более что основная толпа еще сидела за столами. Задний вход в павильон, задернутый ограждающей лентой за углом рядом с забором. Лора целенаправленно шла к нему, пока не услышала сирену, а затем не увидела мигающие огни.

Лора обернулась и увидела полицейские машины, несущиеся с дороги по траве к асфальту и останавливающиеся у подиума. По другую сторону, напротив них припарковалась машина без опознавательных знаков.

Руби схватила ее за руку.

— Что ты сделала?

— Ничего!

Двери машин открылись, и, не закрывая их, вооруженные до зубов полицейские, побежали в центральный павильон, строем понятным только им. Кангеми вышел из другой машины, которая была, без опознавательных знаков и побежал к ним. Она помахала ему, но быстрота, с которой он бежал к ним, заставила её чувствовать себя смешно.

— Ты! — крикнул он, указывая на нее. — На землю!

Она замерла, но Стью потянул ее и Руби на корточки к траве. Когда Кангеми добежал до них, он схватил Стью и Лору за шкурку и закинул в черно-белую машину.

— Какого черта? — крикнула она, когда Руби полетела на сиденье вслед за ней.

— Оставайся здесь. Просто сиди. И не двигайся.

Не желая позволить Кангеми первому определить убийцы, она выкрикнула.

— Это была Пенелопа!

— Если бы у Пенелопы дома сидело три женщины, привязанные к сломанному котлу в Вашингтон-Хайтс, меня бы уволили.

— Рольф, — произнес Стью.

— Мы думаем, что он преследует Иванну Шмиллер, поэтому, если вы ее увидите, кричите. — Кангеми побежал к заградительной ленте с остальными копами, а полы спецкуртки разлетались у него за спиной, как плащ у героя комиксов.

Стью сидел сбоку на сиденье, ноги болтались снаружи. Руби с другой стороны машины у окна, которое она открыла и вздохнула. Лора, чувствовавшая себя пойманной и зажатой всеми вокруг, достала телефон, чтобы посмотреть, что отправил ей Чейз. Руби наклонилась, чтобы тоже посмотреть.

— Ооо, это невероятно, — воскликнула она, когда Лора перелистнула на Ровену, замотанную в платье, с поднятыми руками, глядя на весь мир, как будто она собиралась упасть с крыши в Манхэттен. — Подождите, здесь заметны провода.

— Они еще не ретушированы.

Лора перевернулась на следующую: Ровена в платье-трапеции, прыгает на крышу сарая. Она выглядела так, как будто она летала. Это было невероятно. Захватывало дух.

Полиция закричала и побежала, и из какой-то неопознанной части парка послышались сирены. Лора перелистнула на следующую картину, стараясь не припоминать все поступки, которыми она могла разозлить Рольфа, и приблизила лицо Ровены. Она была невероятной, мощной, даже без ретуши. Она была красавицей, которая могла съесть публику и выплюнуть кости.

Когда Лора приблизила лицо, то заметила небольшой необычный изъян. А затем до нее дошло, что подтекст во взгляде Ровены был вовсе не силой неудержимых амбиций, потому что недостаток был не просто недостатком. Это была небольшая царапина на веке, сделанная в предсмертных муках того, кто стоял у неё на пути.

Она тут же начала это объяснять Руби и Стью. Она рассказала о своем разговоре с Роско Кнуттом, во время которого тот рассказал о частичках кожи под ногтями Томасины. Рассказала им, как Ровена почти сразу же согласилась на съемки на крыше, и что Рокель в то утро сидела за угловым столом в «Marlen X». Ровена влезла в платье «Hudson» так, словно знала, что у нее те же размеры, что и у Томасины, и она специально забыла туфли в ванной, потому что ее размер ноги был слишком большим.

— Я сказала Пенелопе, что думаю, что Ровена слишком молода, — сказала Лора. — Я только упомянула. И теперь мы не можем ее найти, поэтому мне интересно, и мне только интересно...

— Думаешь она убьет её на следующем показе? — спросил Стю.

— Я знаю, что Пенелопа была в «Marlen X» сегодня утром, но я не знаю о Ровене. Если Пенелопа начала задавать слишком много вопросов или пытаться снять ее с показов этого сезона, потому что она слишком молода, это бы убило бы её карьеру.

— Позвони Пьеру, — предложила Руби. — Посмотрим, была ли она там сегодня утром.

— Он не поднимет, если он на шоу, — возразила Лора. — Пошли. Давай выбирать. Рольф ничего не сможет сделать со всеми этими полицейскими.

Стью не сдвинулся с места, блокируя путь.

— Роско Кнутт — один из величайших журналистов-расследователей всех времен, и вы передадите ему эту историю?

Руби потянула ручку двери напротив, но она с треском отскочила назад.

— Я не могу открыть с этой стороны.

— Ну так что, Карнеги? — спросил Стью, все еще не двигаясь.

— Давай оставим это на потом? Все тебе, хорошо. Все достанется тебе. Он загнал меня в угол. Может, мы найдем Пенелопу, прежде чем она задохнется от собственной рвоты, пожалуйста? Потому что сейчас в этом городе нет ни одного полицейского, который поверил бы мне или ему было бы не наплевать.

Она толкнула его гипсом, и он вышел из машины.

Было решено, не разделяться, потому что вокруг бродил психопат, которого Лора и Стью разозлили в недавнем прошлом.

— Все видели ее в последний раз у Рикардо Офенхельба, — сказала Руби. — Он выставился в том же павильоне, что и мы.

Палатка была рядом, а они стояли снаружи, слышали стук музыки внутри и видели охранника, который проверил билеты, но не пропускал людей внутрь.

Коллективно было принято молчаливое решение, пойти назад.

Из-за забора донеслись голоса. Говорила женщина: «Ты не остановишь меня, и не угрожай мне. Ты не встанешь на моем чертовом пути».

Стью заскрипел воротами забора, и голос оборвался. Как раз, когда Лора собиралась войти, она врезалась лицом в Ровену, которая бежала, как летучая мышь из ада, в одном из платьев Джереми в длину до икры для зимней коллекции.

— Извините, мне пора! — Ровена попыталась двинуться в сторону тентов, но Руби встала у нее на пути. Они столкнулись и замерли, не зная, о намереньях друг друга. Ровена вышла из оцепенения первой, пытаясь обойти Руби.

— Нет, не пора, — сказала Руби и с силой оттолкнула модель от своего плеча.

Ровена потеряла равновесие и упала в грязь. Лора съежилась, ткань Джереми по семьдесят долларов за ярд (плюс пошлина) оказалась безнадежно испачкана.

— Ты убила ее! — крикнула Руби.

Ровену, видимо, не интересовала ни ткань, ни обвинения, потому что она схватила Руби за лодыжку и дернула на себя, отправив сестру в полет, а затем вскочила на ноги, в то время как ее противница все еще была ошеломлена тем, что ее так легко сбили с ног.

Лора собиралась кинуться на помощь, как услышала, как Стью зовет ее по имени из-за ворот.

Она взглянула на Руби, которая пыталась подмять под себя Ровену, применяя все боевые навыки, полученные на задворках Адской Кухни. Она со своим гипсом была здесь полностью бесполезна. Лора, кинулась помогать Стью, поднимающего Пенелопу Сидуиндер с клочка травы за генератором.

— Её плохо, — сказал он.

Лора кинулась обратно к Руби, которая плача оседлала Ровену и заломив той руку, кричала:

— Почему? Почему ты убила ее?!

Ровена, увидев Лору, крикнула ей.

— Убери ее от меня. Шоу у Джереми начинается через семь минут. Давай. Я позвонила в полицию, когда увидела, что Пенелопе плохо.

— Почему? — Руби, еще сильнее потянула локоть на себя.

— Я этого не делала.

— Ты это сделала, — сказала Лора. — Она была всего лишь на пару сантиметров выше тебя и с такими же размерами, и когда Пенелопа начала преследовать тебя за то, что ты оказалась несовершеннолетней, тебе тоже пришлось ее убить. Ты слишком амбициозна, Ровена.

— Кто бы говорил, — огрызнулась модель.

Лора вскинула свой гипс и с размаху врезала её по голове.

Глава 25

Лора просидела с полицией до полуночи. Очевидно, тот факт, что Ровена «якобы» убила Томасину и «преположительно» чуть не убила Пенелопу Сидуиндер, не сыграл в пользу Лоры, равно как и тот факт, что Ровене было шестнадцать, что означало, что она напала на ребенка. Кангеми с нескрываемым удовольствием зачитывал ей ее права. Затем дядя Грэм медленно (для нее) и методично (для него) добился ее освобождения.

Очень уставшая, она уже подходила к вокзалу, когда позвонил Джереми.

— Ты не пришла, — сказал он. На заднем плане в трубке слышалась музыка и шум. Должна быть вечеринка идет полным ходом. Должно быть там хорошо.

— Я не пустила Ровену Черчилль на твое шоу. Мне жаль.

— Она все равно была во втором выходе. Где ты?

— Рядом со станцией «Таймс-сквер».

— Встретимся у меня, хорошо?

Пересечение Двадцать четвертой улицы и Второй авеню раньше было пристанищем для наркоманов и проституток, пока в 1970-х годах туда не перебрались художники со своими растениями, полезными привычками и умением делать вещи красивыми и приятными. Джереми рассказал ей все о месте за пять лет их утреннего кофе. Здание было фабрикой по производству стульев до тех пор, пока оно не прекратило свою деятельность по всем известным причинам, и в течение следующих семи лет его продавали этаж за этажом за плату за оборудование. Джереми приобрел эту студию после Кэтрин Кейхилл, которая ушла, оставив на деревянном полу пятна краски, чердак, который нужно было разобрать, и окна, заполненные светом.

Вестибюль сохранил отсылки к промышленным корням здания с открытым кирпичом и эстетически сколотой краской, большими лампами, свисающими с тридцатифутового потолка, и открытыми отводами вентиляции. Лифт был автоматический, но латунные светильники времен лифтеров остались, как и деревянная рама грузового лифта. Лора думала о том, как это удивительно, что идеально функционирующий лифт все еще может быть страшным в двадцать первом веке, но он был там, скрипя так как будто правление кооператива заплатило больше за эту дополнительную часть напряжения в поездке, в которой Лаура вообще не нуждалась. Даже самую малость. Потому что она собиралась встретиться с Джереми Сент-Джеймсом на светском приеме, и этого было достаточно, чтобы вызвать у нее сердечный приступ. Джереми никого никогда не приглашал домой. Деловые партнеры, знавшие его много лет, жаловались, что никогда не видели его сказочного лофта.

Она посмотрела на свой наряд: макси в полоску, черная блузка и гипс на темно-розовой повязке. У нее был долгий день.

Холл был небольшим, только с двумя дверьми. Лора пошла к той, перед которой лежал коврик с приветствием. Она встала у двери и начала ждать. Вдохнула. Подняла кулак, чтобы

постучать. Опустила его. Коснулась к двери из красного дерева. Лора собралась с духом, чтобы постучать, но Джереми открыл дверь еще до того, как она коснулась ее костяшками пальцев.

Три верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, являя взору маленькие черные волоски на груди. Он зажал телефон между ухом и плечом, и тот факт, что он был отвлечен, но все еще смотрел на нее, лишил ее дара речи. Он жестом пригласил ее войти, и она попыталась улыбнуться, проходя мимо него, потому что ей казалось, что она вот-вот перестанет дышать.

Она сразу поняла, почему никто никогда не бывал в этом лофте. Да, он был просто великолепен. У него было огромное открытое пространство с идеально расставленной мебелью, толстыми, иллюстрированными книгами по искусству в книжных шкафах и полностью функциональной кухней, которая выходила в большую комнату. Простые идеально подходящие под обстановку неброского цвета из-за красоты текстуры шторы нависали над бывшими заводскими окнами. Такого же неброского цвета ковры ровными прямоугольниками выстилали цементный пол. Не слишком теплый или холодный свет правильно повсюду нужные безделушки.

Все было настолько идеально, что то, что было неправильно, торчало, как рукав мутоновой шубы на опущенном плече (как бакенбарды до плеч). Вентиляционные отверстия в уродливом плоском белом пластике, ужасные жалюзи, создающие белый шум, испортили стены, их было так много, что она не могла их сосчитать. Взглянув вниз, Лора увидела вырезанные в полу отверстия, а взглянув выше, заметила большие вентиляционные каналы, проходящие по потолку. У двери она обнаружила панель управления с мигающими огоньками и осторожно приблизилась к ней.

— Послушай, — сказал Джереми в трубку, — каждый сезон ты обращаешься со мной правильно, и я благодарен тебе, но думаю, что так нам обоим будет лучше. Именно там мы можем испытать новые технологии. И заполнить люксовую часть бренда.

Лора оглянулась на него, и он поднял бокал с вином, бросив на нее насмешливый взгляд. Он спрашивал ее, не хочет ли она вина. Боже, это было уже слишком. Она уже собиралась выпрыгнуть в окно, но вместо этого кивнула.

Мигающая панель управления была размером с лист бумаги и имела этикетку с надписью «Aire-pur 2100». Были кнопки, циферблаты и маленькие датчики с непонятными ей цифрами.

— Да, это то, что я хочу. Дай мне знать, если тебе потребуется дополнительная информация. Для тебя я всегда свободен. — Он щелкнул телефон и бросил его на стойку. — Прости за это. Я не мог быть на вечеринке ни секунды. Слишком много людей.

Она побрела к кухне, где он рылся под прилавками, гадая, хочет ли он быть с ней или ему нужен «Aire-pur 2100».

— У меня нет ничего приличного, — сказал он. — Времени на этой неделе совсем не было. — Он протянул две бутылки, держа их за горлышки. Ярлыки были цветными, на них были слова. Успокаивающий гул машин на улице, отключил её мозг совсем, а соленый запах его тела был так близко, что ей захотелось закрыть глаза, чтобы вдохнуть его чуть глубже.

Но она должна была сделать выбор. Светлая этикетка или темная. Плавный изгиб шеи или нет. Оба почернели и покраснели. Она посмотрела на его руки и заметила мозоли на внутренней стороне большого пальца правой руки, где лежали ножницы, когда он разрезал тысячи ярдов ткани. Раньше он был никем. Перед шоу. Наверное, еще до Грейси. Она

протянула руку и коснулась его руки, ища место на указательном пальце, куда вставлялись булавки, чтобы разрезать, драпировать, шить, придавать размер плоской ткани. И он позволил ей это. Он позволил ей дотронуться до своей руки.

Он поставил бутылки на стол, потому что, в самом деле, какая разница, какое вино она хочет? И ей хотелось совсем не вина. Ей хотелось посмотреть на его руки и коснуться загрубевшей кожи. Это удивляло, потому что, во-первых, Лора никогда не думала, что она действительно сделает это. Во-вторых, она никогда не принимала сознательного решения поднять его руку к своим губам и поцеловать черствую мозоль на внутренней стороне его большого пальца. Но она это сделала.

Это было дико для нее, но это полностью прорвало шлюзы, которые её сдерживали. Когда ее губы коснулись его руки, он прикоснулся лицом к ее шее. Колени у Лоры подогнулись, и Джереми обнял ее за талию, чтобы удержать ее. Вот почему она пришла? Да, она знала это сразу. Это было то, ради чего она пришла, и то, ради чего он пригласил ее. Это не казалось чем-то неправильным. Это было, наконец, естественной кульминацией их дружбы.

Они споткнулись о мебель, которая казалась такой редкой минуту назад, и он направил ее к комнате за закрытой дверью. «Боже мой, — подумала она, — спальня.» Так оно и было. с Джереми. Это случится. Она сомневалась, что сможет остановить, приостановить или замедлить его, но это было необходимо.

— Джереми?

— Не волнуйся.

— Нет, Джереми, правда.

Он прижал ее к дверному косяку, заставляя её обхватить ногами его талию, и уткнулся лицом в ее шею, шепча:

— У меня не может быть детей из-за фиброза. Не волнуйся.

Она вообще не думала об этом, хотя знала, что должна бы.

Должно быть, он почувствовал, как она напряглась.

— Говори, — сказал он, хотя она едва бы смогла это сделать.

— Мне жаль.

— Не начинай так.

— Я должна тебе сказать.

— Мне плевать на гипс.

— Не это.

— Расскажи. Быстро. Ты сегодня моя, что бы ты ни сказала. — Его руки скользнули вверх по ее бедру и под юбку.

Каким-то образом она смогла сложить слова.

— Я никогда... ну, ты не знаешь...

Он действительно достаточно долго перестал целовать ее, чтобы спросить:

— Правда?

Она почувствовала, что все остыло на полградуса, и быстро заговорила, чтобы они могли вернуться к продолжению:

— Моя сестра крада всех моих парней, поэтому я сдалась, а потом... потом появился ты.

— Ты хочешь подождать.

— Нет! Я просто не хочу, чтобы ты удивлялся.

— Я понял.

Дверь спальни со свистом распахнулась, когда он открыл ее.

Он был хорош. Очень хорош. Милым в том смысле, что не был ни слащавым, ни циничным, ни фальшивым. Просто хорошим, даже с ее чертовски мешающим гипсом. На самом деле таким приятным, что ей стало интересно, с кем, черт возьми, она имеет дело. Лора удивлялась, как этот милый человек развил в себе резкие профессиональные манеры, которые были его фирменным знаком. В последующие часы он проявил сотню маленьких добрых чувств. Он принес ей воды. Он прикрывал ее, когда ей было холодно. Он убедился, что ее подушка взбита. Он много смеялся. За все шесть лет, что она его знала, она никогда не видела, чтобы он так смеялся, как в те первые часы близости. «Джереми, — подумала она, — я никогда не знал тебя».

— Я должен был просто стукнуть тебя по голове и затащить тебя сюда много лет назад, после того дня, — сказал он. — Было семь тридцать утра, а ты уже была в офисе. Я принес тебе кофе. Я был зол на что-то. Вероятно, Грейси опять что-то мне запретила. Мы сорились из-за этого все время. Больше, чем из-за чего-либо. И там была ты с блузой «Гармония» на столе.

— С маленьким воротником-стойкой с рюшами.

— Да, ты работала над муслином, потому что воротник никак не получался.

— Ты хотел невозможного. Он не мог стоять и лежать одновременно.

— Ты была адски разочарована. А я хотел показать, как это сделать.

— О, Боже, я помню это! Я думала, что ты меня уволишь.

— Со мной никогда не случалось, чтобы сотрудник шлепнул меня по руке.

— И я раскричалась. — Она уткнулась лицом в подушку. — Мне жаль.

— Ты сказала что-то вроде «Если бы я хотела, чтобы мне принесли кофе с «Шелл», то сходила бы на заправку».

— Но ты только поставил кофе на стол. Я подумала, что это конец.

— Я вернулся в свой офис и подумал: «Господи, ей не все равно. Ей действительно не все равно». И я начал думать, о способах удержать тебя. И дал тебе это повышение.

— Спасибо.

Он отмахнулся от нее.

— Это было не то, что я действительно хотел сделать, но когда я снова увидел Грейси, я подумал, что она бы меня не удержала, если бы Лора была со мной. И, кстати, ты красивая. Я всегда это знал, но после шлепка рукой? Это была ты. Всегда ты. Но это было невозможно. Во-первых, Грейси позаботилась о том, чтобы все думали, что я гей.

— Это так?

— Заткнись. — Он поцеловал ее. — И, во-вторых, Грейси. И в-третьих, у тебя есть планы на сегодняшний вечер? Не хочу тебя задерживать. Но я планирую не появляться в офисе пару дней.

— В какой-то момент мне нужно будет позвонить сестре. У нас встреча со спонсорами утром.

— Ах, волшебный покровитель. Кто-то, кто поддержит тебя, пока поднимаешься.

— С этим все в порядке. Я уже все решила.

Глава 26

Они не спали всю ночь. Солнце уже взошло, Джереми вытащил из своего шкафа

несколько старых одежек. Ей подошли безрукавка и пара хлопковых саржевых брюк всего лишь немного старомодных. Он помог ей просунуть гипс в пройму и вышел с ней на улицу в спортивных штанах. Он отправился на ежедневную пробежку, а она пошла в «Marlen X».

Она старалась не слишком задумываться о то, что произошло между ней и Джереми прошлой ночи. Надежды были слишком высоки, а ожидания низки. Она старалась не беспокоиться о нападении и обвинении в нанесении побоев. Или что Рольф Вент все еще был на свободе. Она хотела думать только о том, сколько денег им понадобится, чтобы продолжить бизнес, сможет ли она вернуть Йони и Корки в дело, и какой ущерб был нанесен делом Томасины Вэнт.

Был также вопрос времени. Все женщины, которые были найдены на Вашингтон–Хайтс, официально работали на нее, и, хотя она могла их уволить, она собиралась дать им работу. Но ей нужна была своя компания, и как можно скорее, до того, как их депортируют или их подберет кто-то, кто навредит им.

Руби уже стояла в очереди. Другие девушки выглядели так, как будто они провели на вечеринках всю ночь, в то время как Руби выглядела так, как будто она только что вышла из салона.

— Где ты была прошлой ночью? — спросила Руби.

Лора, должно быть, начала переливаться пятнадцатью оттенками красного, потому что ее сестра сразу же приподняла брови.

— Расскажи мне сначала о своей ночи.

— Посетила несколько вечеринок. Никто не знает, кем может быть наш потенциальный покровитель. Они все говорят, что на моду больше нет денег. И все вкладываются в кино, чтобы потерять еще больше.

— Я чувствую себя совершенно неподготовленной.

— Не выспалась? Потому что выглядишь ты именно так.

— Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— Где ты взяла эти штаны?

Пьера они нашли за угловым столом для важных персон, он уже вовсю стучал по телефону. Оглядев Лору с ног до головы, он махнул рукой, приглашая их присесть на свои места.

— Доброе утро, — сказал он, — рад вас видеть.

Это было совершенно нелепо, и Лора собиралась что-то сказать по этому поводу, но он продолжил:

— Ваша работа — быть очаровательными, как обычно. Но сегодня Лора будет говорить, а ты, Руби, дорогая, постарайся смотреться презентабельно и не лезть вперед. Там не будет флирта. Хорошо?

— Да, — сказала довольная Лора.

— Почему? — спросила Руби.

— Этот человек озабочен тем, как делаются вещи. Качество. Я уверен, что коммерциализация будет иметь большое значение, но этот человек уже давно работает в бизнесе и знает разницу между тем, что сделано красиво, и тем, что сделано хорошо. Вот почему большую часть разговоров должна вести Лора. Хорошо?

Они кивнули.

— Ты все еще носишь этот нелепый гипс на руке.

— Извини, я была занята.

— А что, черт возьми, может быть важнее??

Дверь позади нее открылась, и она была спасена от необходимости ответить. Пьер улыбнулся и помахал рукой, а Лора сжала и разжала кулаки, пытаясь снять напряжение, прежде чем взглянуть на него или нее, ведь она должна предстать самой очаровательной, точной, эрудированной и профессиональной.

Поймала улыбку Руби и оглянулась. Позади нее в спортивном костюме, широко улыбаясь, стоял Джереми. Сначала она хотела поинтересоваться, что он здесь делает, а потом до нее дошло. Джереми был ее новым инвестором.

Она встала так резко, что ее стул чуть не упал. Она посмотрела на Джереми и сказала:

— Выйдем.

— Лора, серьезно? — удивленно спросила Руби.

Лора кивнула Пьеру и Руби. — Оставайтесь здесь.

Когда она добралась до Третьей авеню, наконец заметила, что Джереми и в правду идет за ней по пятам и улыбается. Это еще больше её разозлило.

— Это неприемлемо, — гневно сказала она. — Недопустимо.

Джереми переступил с ноги на ногу в утренней прохладе.

— А что тут такого особенного? — спросил он. — Тебе нужны деньги, у меня есть деньги. Я верю в тебя. Слушай, я так и знал, что Шмиллеры по той или иной причине сдадутся. Я вмешался несколько месяцев назад.

— Недопустимо.

— Почему?

— Ты, вообще, где прошлой ночью был? — Она понизила голос. Вокруг было слишком много людей, и ей уже было стыдно ссориться с любовником посреди улицы. — Потому что то, что мы делали, мешает нам быть деловыми партнерами, и это особенно мешает мне принять деньги от тебя.

— Да неужели?

— Именно это и произошло с Грейси. Ты спал с ней, а потом она поддержала тебя и контролировала все твои дела. Ты просто повторяешь все, только в обратном порядке. Теперь у тебя есть деньги, а у меня что?

— Шило в заднице?

— Ты мне совсем не помогаешь.

— Ты мне нужна. Мне нужно, чтобы ты присматривала за бизнесом со мной. Я не могу сделать все один, и я доверяю тебе. Ты можешь работать над «Портняжками» так, как хочешь. Вы, ребята, сделали фантастическую линию. Я не хочу, чтобы она провалилась. Вы берете мой капитал. Используйте мои фабрики. Но встань рядом со мной. Я откусил больше, чем могу прожевать, когда увеличил свою линию, и я не смогу управлять её в одиночку.

— Ты мой любовник, потому что хочешь вести со мной дела, или ты ведешь дела со мной, потому что хочешь быть моим любовником?

— Почему надо выбирать?

— Потому что одно портит другое.

— Ты мне доверяешь? — спросил он.

— Я не знаю.

Это заставило его замолчать. Он посмотрел на здания и прикрыл глаза. Она наблюдала за изгибом его челюсти, когда он старался сдержать все то, что собирался сказать.

Затем он дважды кашлянул, больше для того, чтобы потянуть время.

— Мне пора возвращаться. У вас есть неделя, чтобы подумать о деловой части. Часть с любовником не подлежит обсуждению. Ты моя. — Он быстро поцеловал ее в губы и сбежал.

Она смотрела, как он пробирается сквозь толпу и поворачивает налево на Двадцать пятую улицу с грацией кота и уверенностью гораздо более смелого существа. В конце концов, для него было бы неважно, что она станет частью его бизнеса. Он доводил себя и болел, а Лора могла вмешаться и помочь с управлением любой частью его бизнеса, как бы она не хотела прибить его в такие моменты. Она любила его. Его смерть не вызывала обсуждений, даже если это означало неудобное слияние секса и денег.

Он был прав. Она была его, и Лора это знала.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

Council of Fashion Designers of America, *CFDA* – Совет модельеров Америки, американская некоммерческая организация, занимающаяся разработкой модных стандартов, решением проблем модной индустрии США и координацией деятелей американской моды, основана в 1962 Э.Ламберт- прим.ред.

[

←2

]

1,27 см - прим.ред.

[

←3

]

(1,27 см) - прим.ред.

[

←4

]

общественно-политическое объединение

[

←5

]

примерно 0,635 см - прим.ред.

[

←6

]

91,44 см – прим.ред.

[

←7

]

Гамельнский крысолóв (нем. *Rattenfänger von Hameln*), *гамельнский дудочник* — персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый

магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

[
←8
]

Отсылка на события, происходящие в первой книге «Мертвый – хит сезона» (прим.ред.)

[
←9
]

Баттерик (Butterick) – Товарный знак выкроек для шитья производства компании "Маккол паттерн компани" [McCall Pattern Company, The]. Также под этим названием компания выпускает журнал с выкройками. (прим.ред.)

[
←10
]

Toys «R» Us — американская компания, специализирующаяся на розничной торговле игрушками, одеждой и другими товарами для детей (прим.ред.)

[
←11
]

Тотт - tote bag - большая сумка с ручками, параллельными друг другу, в классической версии с открытым верхом без карманов, застежек (прим. ред.)

[
←12
]

Ресивер – (англ. Wide receiver) (принимающий, употребительно сокращение WR) — позиция игрока в американском футболе. (прим.ред.)

[
←13
]

USC – Университет Южной Калифорнии или Южно-Калифорнийский университет (англ. University of Southern California, сокр. USC) — частный исследовательский университет США, расположенный в Лос-Анджелесе, штат Калифорния. Основан в 1880 году и является самым старым частным университетом Калифорнии (прим.ред.)

[
←14
]

New York Giants – Нью-Йорк Джэйтс — профессиональный клуб по американскому футболу, выступающий в Национальной футбольной лиге. (прим.ред.)

[
←15
]

Кистозный фиброз (Муковисцидоз) - это системное наследственное заболевание, вызывающее нарушения в работе желез внешней секреции. При муковисцидозе слизь

становится густой и липкой, она накапливается в выводных протоках бронхов, поджелудочной железы и закупоривает их. Муковисцидоз поражает в основном такие органы как легкие, поджелудочная железа, кишечник, придаточные пазухи носа. В основе заболевания лежит мутация в гене CFTR, который контролирует движение солей в организме, характерным признаком болезни является соленый вкус пота, кожи. В настоящее время среди населения США примерно 12 миллионов человек являются носителями, для развития заболевания необходимо, чтоб ребенок получил данный ген от обоих родителей. Средняя продолжительность жизни больных в европейских странах – 40 лет, в Канаде и США — 48 лет, а в России — 22—30 лет. (прим.ред.)

[

←16

]

Target - американская компания, управляющая сетью магазинов розничной торговли, специализирующийся на торговле предметами интерьера, ювелирными изделиями, медианосителями, товарами для детей и иными промтоварами, бакалеей. (прим.ред.)

[

←17

]

NYPD (New York Police Department) - Полицейское управление г. Нью-Йорка (прим.ред.)

[

←18

]

Coach, Inc. — американская компания, известный производитель аксессуаров класса люкс. Штаб-квартира компании расположена в Нью-Йорке. (прим.ред.)

[

←19

]

27,5 дюймов – примерно 69,85 см (прим.ред.)

[

←20

]

Меритократия (букв. «власть достойных», от лат. *meritus* «достойный» + др.-греч. *κράτος* «власть, правление») — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка. (прим.ред.)

[

←21

]

6 футов – 180 см (прим.ред.)

[

←22

]

Евклидова геометрия – геометрическая теория, основанная на системе аксиом, впервые изложенной в «Началах» Евклида (III век до н. э.). В «Началах» Евклида была дана

следующая система аксиом: 1) От всякой точки до всякой точки можно провести прямую; 2) Ограниченную прямую можно непрерывно продолжать по прямой; 3) Из всякого центра всяким радиусом может быть описан круг; 4) Все прямые углы равны между собой; 5) Если прямая, пересекающая две прямые, образует внутренние односторонние углы, меньшие двух прямых углов, то, продолженные неограниченно, эти две прямые встретятся с той стороны, где углы меньше двух прямых углов. В 1899 году Гильберт предложил первую достаточно строгую аксиоматику евклидовой геометрии. Существуют и другие современные аксиоматики, наиболее известные: аксиоматика Александрова; аксиоматика Биргофа, содержащая всего 4 аксиомы, но использующая вещественные числа как готовое понятие; аксиоматика Тарского. (прим.ред.)

[
←23

] 6 размер в США соответствует российскому 44 размеру (прим.ред.)

[
←24

] Синдром Туретта — это расстройство центральной нервной системы, которое характеризуется тикообразными подёргиваниями мышц лица, шеи и плечевого пояса, а также произвольными движениями губ и языка. В ряде случаев человек также начинает неконтролируемо выкрикивать нецензурную брань. (прим.ред.)

[
←25

] Курс геометрии в США, как правило, входит в дисциплину «математика» и преподается в старших классах *9-12 кл и 14-18 лет соответственно) на первом году изучения, т.е. примерно в 14-16 лет (прим. ред).

[
←26

] Полли Покет (Polly Pocket) — заглавный персонаж серии кукол, модная светлая голубоглазая блондинка, любит веселиться, приключения катание на роликах, водные лыжи, сноуборд, шоппинг, музыка и пение (прим.ред.).